

ПОКАТИЛОВ А.Е.

**Самураи,
роботы и К^о**

Алексей Покатилов Самураи, роботы и К⁰

ПОКАТИЛОВ А.Е.

Самураи, роботы и К⁰

МОГИЛЕВ 2025

УДК 372.881.111.1

Покатилов А.Е.

В книге обобщен методический опыт преподавания теоретической механики, в основном раздела динамики. Показаны сложные моменты, возникающие при изучении механики, и которые слабо или недостаточно полно разобраны в учебной литературе.

Также в книге представлено несколько новелл.

Адресуется учащимся школ и высших учебных заведений, изучающих механику, а также данный материал будет полезен и интересен научным работникам, аспирантам, и специалистам в данной области.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
МЕХАНИКА	7
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕХАНИКИ	8
НОВЕЛЛЫ	27
СЕРЕБРЯНАЯ РЫБКА	27
КРИТИЧЕСКАЯ МАССА	36
ЗЕРКАЛА	91
ВАКАНТНОЕ МЕСТО	158
ПЕРИФЕРИЙНОЕ УСТРОЙСТВО	176
Я СЧИТАЮ	219
ЛИТЕРАТУРА.....	248

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор является известным учёным и одним из лидеров исследований в области биомеханики спорта – важного раздела современной науки, дающего ответы на вопросы, возникающие при подготовке высококлассных спортсменов, в частности, гимнастов и штангистов.

Предлагаемая читателям новая книга Покатилова А.Е., в отличие от опубликованных им ранее монографий, не входит в сферу науки, а лишь касается её в одной точке, так как только раздел «Проблемы изучения механики» можно отнести к научно-популярной литературе. Тщательно подобранный материал для этого раздела, и увлекательный авторский стиль изложения, позволяют даже читателю, находящемуся не в теме, без особых усилий разобраться в сути некоторых важных явлений, как земного, так и космического характера.

Основную, художественную часть книги, занимающую почти 90% её текста, составляют шесть новелл, в которых автор дал волю своему воображению, освободив его от оков реальности, но, не отменив её полностью. После прочтения мною рукописи книги, у нас с автором состоялся разговор, в котором он, как бы извиняясь, признался, что в его новеллах, как ему кажется, присутствуют элементы литературы ужасов, хотя это направление его никогда не привлекало. Это известная история, когда не автор, как он наивно полагает, пишет какой-либо художественный текст, а сюжет ведет автора помимо его воли. И вот уже пальцы автора стучат по клавишам клавиатуры, но важно, чтобы результат на выходе был, с одной стороны, интересным и увлекательным, а с другой – написан хорошим литературным языком. Считаю, у автора это получилось.

Доктор физ.-мат. наук, профессор А.М. Гальмак

ВВЕДЕНИЕ

Опыт преподавания механики в высшей школе показывает, что, несмотря на обилие литературы по механике в общем, и по отдельным ее направлениям, а также, несмотря на то, что порой это по-настоящему великолепные учебники, остается достаточное количество вопросов и тем, требующих особого подхода и более углубленного изучения и объяснения.

Связано это с несколькими моментами. Во-первых, изучение дисциплины желательно выполнять вместе с преподавателем. Эффективность такого подхода в 6 раз выше, чем при самостоятельном обучении.

Во-вторых, литературы по механике хватает, более того, учебников такое количество, что необходим определенный критерий отбора. При этом необходимо учитывать, что выбрать один, или несколько источников и порекомендовать их обучающимся, проблематично. Разные разделы механики в различной литературе даны с разной степенью доступности и ясности. Методическую подачу материала никто не отменял. Поэтому в таком многообразии необходима помощь преподавателя.

И, в-третьих, необходима методическая литература, разбирающая сложный материал, подсказывающая лучшие и короткие пути познания, и выбирающая доступные формы изложения.

Последний факт связан со стремительным развитием интернета и технических и методических средств обучения. Появилась возможность подобрать примеры, иллюстрирующие учебный материал на высоком теоретическом и полиграфическом уровнях.

*** МЕХАНИКА ***

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕХАНИКИ

При изучении теоретической механики возникает ряд методических вопросов, некоторые из которых будут освещены в данной работе. Все они между собой имеют схожий характер по двум причинам: сложности материала, зачастую на фундаментальном уровне, и недостаточным освещением в учебной литературе.

Насчет сложности можно отметить один момент: при изучении механики преподаватели из поколения в поколение передают одну и ту же шутку: «Теоретическая механика состоит из трех разделов: статики, кинематики и динамики.

Статика – простой раздел и его понимают и студенты и преподаватели. Кинематика сложнее – ее понимают только преподаватели. А динамику не понимает никто».

В каждой шутке, доля шутки. Конечно же, преподаватели высшей школы имеют высокую квалификацию, но тут есть несколько моментов: раздел действительно не простой, со многими нюансами. А, во-вторых, в основе его лежат знания фундаментальных законов нашего мира, который мы до конца не знаем, и все еще изучаем, и до сих пор открываем много нового.

Поэтому и появилась необходимость разобрать некоторые методические вопросы преподавания теоретической механики, и в первую очередь, раздела динамики. А также рассмотреть сопутствующие вопросы, без знания которых нельзя ощутить атмосферу, в которой получены данные по динамике, и по-настоящему понять суть некоторых важных явлений.

1. Вопросы к Кориолису

На самом деле к нему вопросов нет, а только к его последователям. К самому же Гаспару-Гюставу де Кориолису никаких претензий. Наоборот, одни сочувствия, что и хочется высказать, хотя этого француза давно уже нет с нами. Его биограф отмечал очень слабое здоровье Кориолиса, им было даже записано, что «каждое утро возникала проблема, как прожить до вечера». Тем не менее, 51 год жизни для рубежа 18-19 века – это не самый худший результат.

А вызывают вопросы и недоумение объяснения эффекта действия ускорения и силы инерции Кориолиса на нашу планету. В 19 веке даже появилось отдельное название эффекта влияния ускорения Кориолиса на берега наших рек – это закон Бэра (рис. 1 а) [1–4].

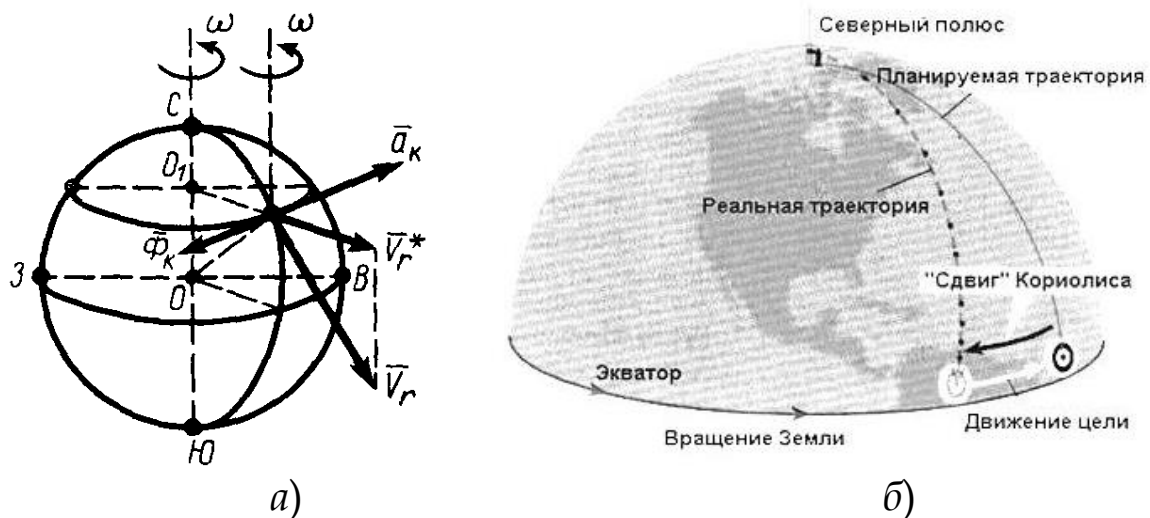

Рисунок 1 – Ускорение и сила инерции Кориолиса

На рисунке 1 а) показана схема для определения направлений ускорения и силы инерции Кориолиса на примере рек в северном полушарии. А на рисунке 1 б) дана реальная траектория ракеты при полете от северного полюса в сторону экватора, которая отклоняется из-за наличия силы Кориолиса.

Начнем с цитаты из учебника [5]: «... в северном полушарии тело, движущееся вдоль земной поверхности по любому направлению, будет вследствие вращения Земли отклоняться вправо от направления движения. В южном полушарии отклонение будет происходить влево».

И вторая цитата: «Этим обстоятельством объясняется то, что реки, текущие в северном полушарии, подмывают правый берег (закон Бэра)».

На рисунках 2 а) и б) показаны такие ситуации.

Рисунок 2 – Обрывистые правые берега рек

Автор имеет возможность в аудитории на шестом этаже университета, где он традиционно читает лекции по механике, продемонстрировать действие принципа Кориолиса прямо из окна, глядя на правобережье Днепра.

Поэтому чистосердечно констатирую: так и есть, правый берег обрывистый. Это правда.

Но возникает вопрос: «А куда делся левый берег?» Перепад высот огромный, по многим рекам можно найти фотографии, где величина перепада составляет как минимум десяток, а то и больше, метров. А на какую ширину простирается левобережье, и говорить не приходится. Порой несколько хватает глаз. В общем, впечатляет.

Сразу отметим, что уходить в сторону гидрографии и гидрологии, рассматривая закон Бэра, мы не будем. Там

много тонких моментов, да и у нас другая задача.

На рисунке 3 а) показано фото реки Сож, а на рисунке 3 б) – эта же река, но на карте.

а)

б)

Рисунок 3 – Река Сож

Здесь нет перепада высот у левого и правого берегов. Тогда как он появляется? Куда пропадает часть планеты над левым берегом (рис. 2 а) и б)?

Еще один пример показан на рисунке 4, здесь дана фотография правого берега р. Днепр в г. Могилеве. Вид на Архиерейский вал Конисского и ратушу (наши дни). Берег обрывистый. Когда-то там, на обрыве стоял Могилевский замок. Да он и должен был быть выше всех.

Рисунок 4 – Взгляд на правый берег Днепра, г. Могилев

Отметим ряд важных для нас моментов.

1. Берега подмываются как справа, так и слева. Русло может течь по тектоническому разлому, между холмами, возможно проседание почвы, смещение горизонтов и пр.

2. Русло реки, это не прямая линия, и т.д.

Очевидцы приводят примеры: для реки Волга закономерность подтверждается, а река Обь ее игнорирует. То же самое на реке Лена: в верховьях масса участков, где левый берег крутой, а правый – низменный и заболоченный, а в низовьях – наоборот.

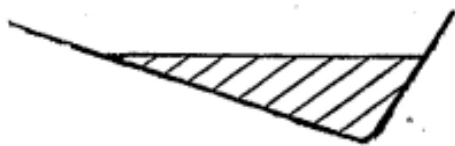

Рисунок 5 – Профиль рек по А. Эйнштейну

Вопросами подмывания одного из берегов рек интересовался еще А. Эйнштейн. На рисунке 5 показана схема из его статьи «Причины образования извилин в руслах рек и так

называемый закон Бэра» [6].

Здесь показано, что само русло тоже подмывается, и это подтверждается в учебниках по гидрофизике, там есть схемы, показанные на рисунках 6 и 7.

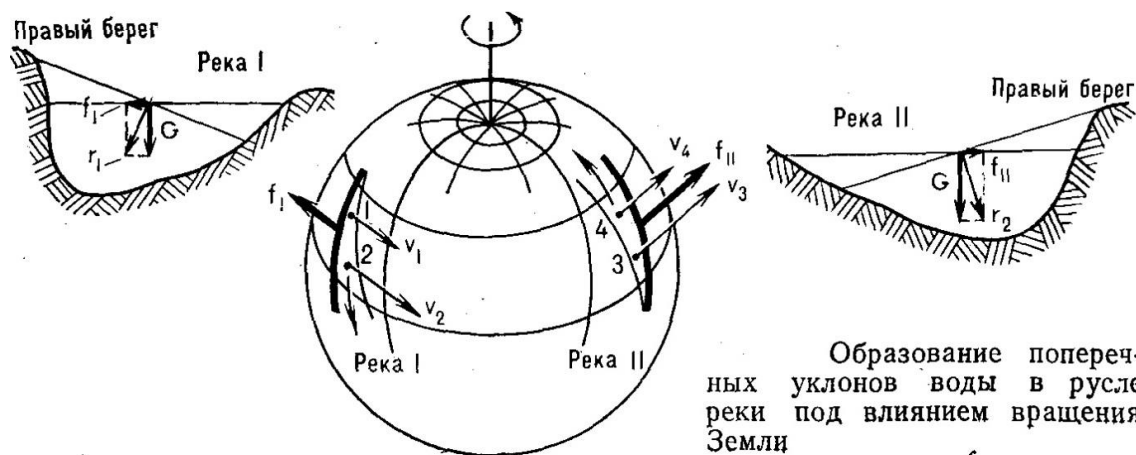

Рисунок 6 – Поперечные уклоны реки

Эти примеры мы привели в виде подтверждения сложности и неоднозначности проблемы. Разбирать и анализировать эти факты в данной работе не будем.

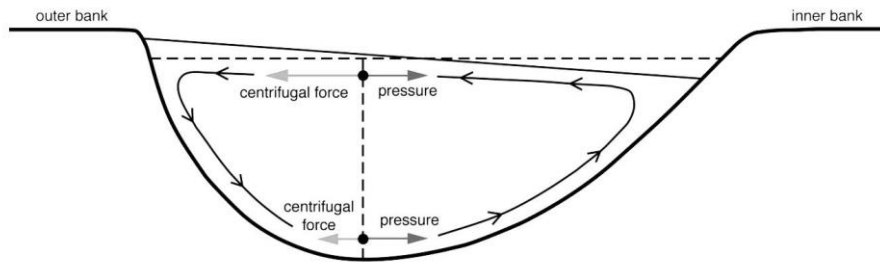

Рисунок 7 – Поперечное закручивание воды в русле реки

Про левый берег нам оставили возможность догадываться самим или посмотреть старинную литературу типа энциклопедического словаря Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А., или первоисточника из 19 века [7]. Мы же будем догадываться, и эти догадки следующие:

- правый берег подмывается и отступает в ту же сторону за свое геологически долгое время существования. Русло смещается, освобождается старое, которое становится левым берегом, поэтому он и получается ниже;
- во время разлива вода уносит с собой частицы не только правого, но и левого берегов. Последний смывается.

А какие разливы бывали еще в недавние времена, сто лет назад, показано на рисунке 8. Здесь дан взгляд на левый берег реки. Низина вся залита водой на километры.

Рисунок 8 – Левый берег Днепра, г. Могилев. Разлив, начало 20 века

Таким образом, перепад высот происходит из-за подмывания правого берега и его смещения в ту же сторону, с освобождением старого русла, и из-за того, что левый берег смывается. Вот такой ответ геометрия, геофизика, механика и здравый смысл одобряют.

На рисунке 9 показан разрез русла реки.

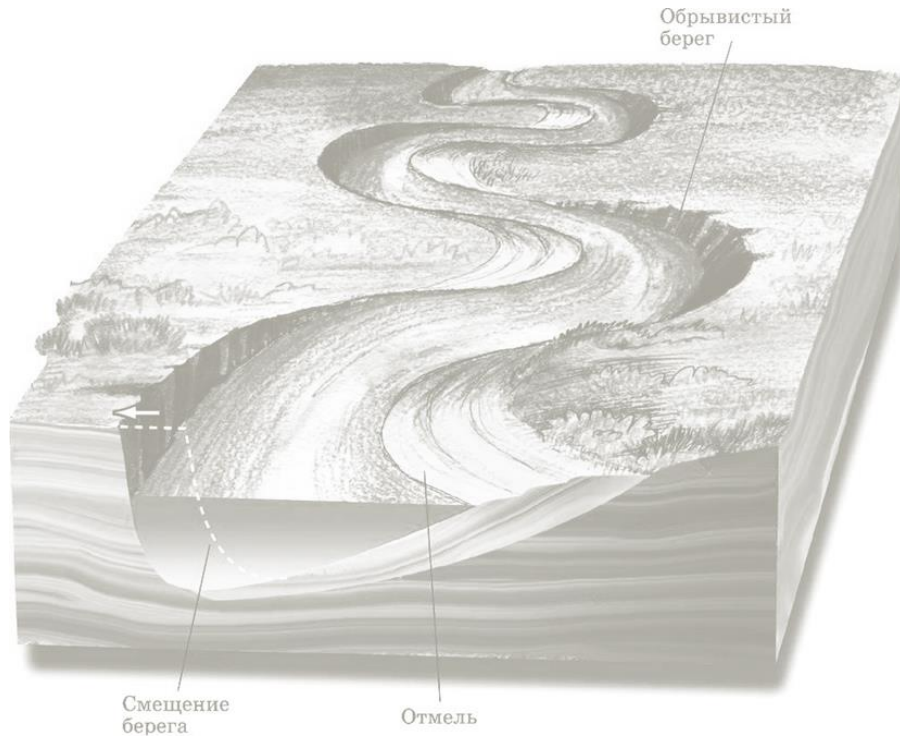

Рисунок 9 – Русло реки в разрезе

Здесь видно, как один берег уходит в сторону, и сдвигается русло.

2. Полет в космосе на любой скорости

В теме «Дифференциальные уравнения движения точки. Решение задач динамики точки» есть интересный пример. В нем дается понятие первой космической скорости и выполняется ее расчет [5, 8]. Предлагается найти, какую начальную скорость необходимо сообщить телу, находящемуся на расстоянии R от центра Земли, чтобы оно двигалось вокруг Земли по круговой орбите радиуса R . Решение мы не рассматриваем, нас интересуют

несколько другие аспекты этого вопроса. Во-первых, тот факт, что есть минимальная скорость, ниже которой тело не сможет выйти на круговую орбиту. Во-вторых, конкретная ее величина, равная $v=7914 \text{ м/с} \approx 7,9 \text{ км/с}$.

Серьезная цифра. И тут пришло время озадачить студентов вопросом, а с какой скоростью на самом деле можно выйти в космос, да и вообще, долететь до Луны, например.

Ответ восхитителен: **С любой!**

Он заставляет студента думать.

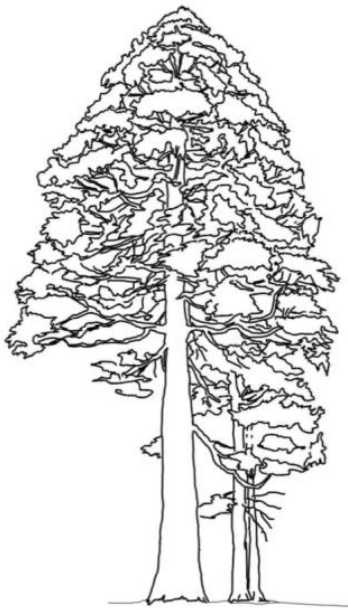

Рисунок 10 –
Дерево

Задача взята из сборника любопытных задач и вопросов «Смотри в корень!», автор Маковецкий П.В. [9].

Здесь поможет аналогия с деревом, показанным на рисунке 10. Например, у нас стоит задача перебросить камень через дерево высотой 10 м. Чтобы это сделать, необходимо бросить камень с начальной скоростью примерно 15 м/с. А комарику это не надо, он со своей скоростью 0,1 м/с спокойно такое дерево перелетит. То же касается и других подобных живых организмов, например, бабочек, стрекоз, птичек и

прочих.

Это означает, что совершить круговой полет вокруг Земли можно с любой скоростью, главное не выключать двигатели. Поэтому если у вас есть возможность брать энергию в любой момент столько, сколько вам надо, то и лететь вы можете с любой скоростью. Здесь не надо путать законы небесной механики и законы космонавтики по рисунку 11.

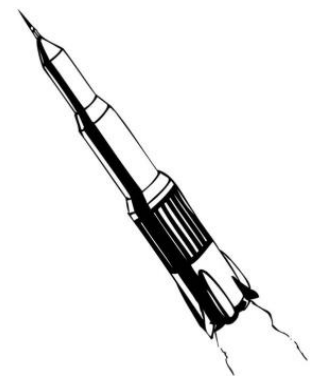

Рисунок 11 –
Ракета

3. Коэффициент динамичности, бетон и самураи

При изучении теоремы об изменении кинетической энергии точки в учебниках показан ряд примеров, иллюстрирующих ее применение [5]. Один из примеров весьма занимателен по своим результатам, позволяющим сделать неожиданные и удивительные выводы. При этом задача переключается с темой, рассматриваемой отдельно в сопротивлении материалов [10]. Предлагается решить задачу о падении тела на упругую балку, показанную на рисунке 12.

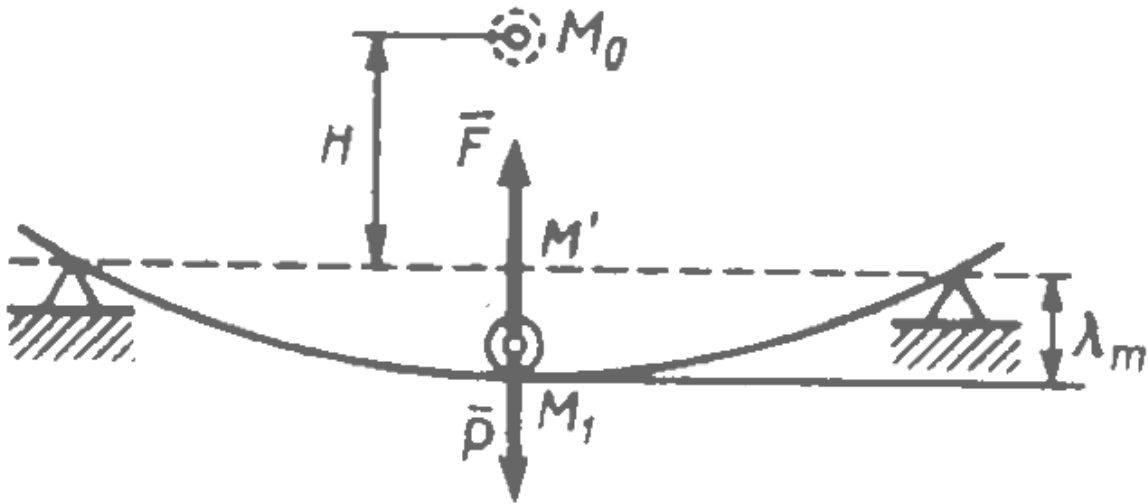

Рисунок 12 – Падение тела на упругую балку

В результате решения получается формула, по которой можно определить динамическую деформацию балки λ_m через высоту падения H и статическую деформацию балки $\lambda_{ст}$

$$\lambda_m = \lambda_{ст} + \sqrt{\lambda_{ст}^2 + 2H\lambda_{ст}}. \quad (1)$$

Интересно проанализировать полученный результат. Если высота падения $H=0$, то из выражения (1) получим

$$\lambda_m = 2\lambda_{ст}. \quad (2)$$

Множитель в формуле (2) в механике получил название коэффициента динамичности и в нашем конкретном

случае равен $K_d=2$.

Описываемый выше пример называется случаем внезапного приложения нагрузки, а также падением с нулевой высоты. Суть коэффициента динамичности в рассмотренном конкретном примере в том, что в динамике все нагрузки и деформации увеличиваются в два раза по сравнению со статикой.

На рисунке 13 показано раскружаливание в строительстве. Так называется процесс постепенного удаления временных опор.

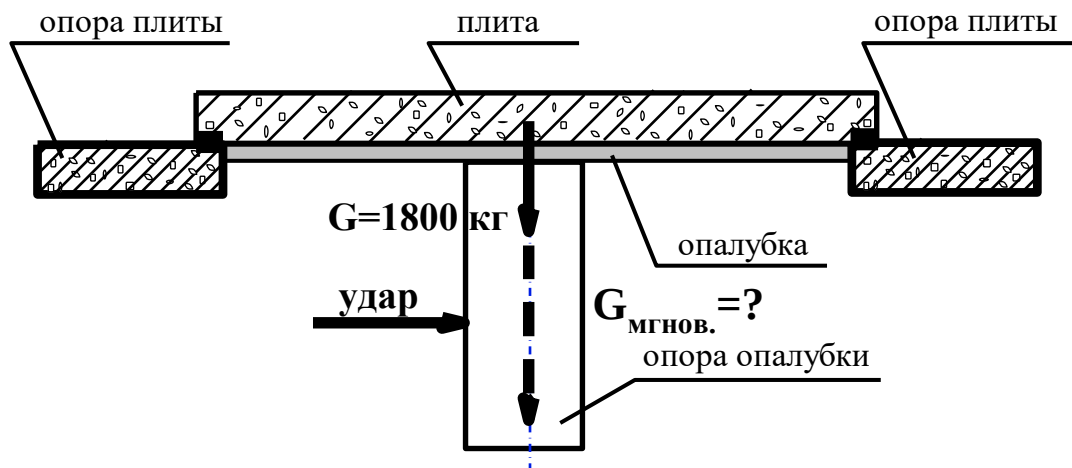

Рисунок 13 – Раскружаливание в строительстве

Если такое удаление сделать резко, одномоментно, выбить одним ударом опору, то мы должны вес плиты в 1800 кг умножить на 2. Это означает, что для нас вес бетона одномоментно становится равным 3600 кг.

Наши специалисты по восточным единоборствам рассказывают, что в древней Японии были техники борьбы невооруженного человека против средневекового рыцаря в доспехах – против самурая. Таких техник совсем немного, считанные единицы.

На рисунке 14 показан самурай в доспехах. Пробить последние голый рукой или еще как-нибудь навредить защищенному воину, крайне сложно, если возможно.

Рисунок 14 – Самурай

Приведем цитату:
«Самурайские доспехи – общее название различных доспехов, использовавшихся в Японии в разные периоды и отличавшихся разной конструкцией. Делались из металлических пластин, покрытых лаком (для защиты от ржавчины) и с наклеенной на них кожей. В классических доспехах самих пластин почти не видно из-за обильной шёлковой шнуровки, покрывавшей почти всю поверхность

пластин (пластины крепились друг к другу шёлковыми шнурами кумихимо)» [11–15].

Как пробить такую защиту?

Техника следующая – человек клал руку ладонькой на грудь самурая, и тут же ударял по ней другой ладонью. Рыцаря сносило с ног. А как иначе, если это случай внезапного приложения нагрузки, коэффициент динамичности равен 2 и все усилия удваиваются.

На рисунке 15 показан момент буксировки автомобиля на гибкой сцепке.

Для начала укажем, какие бывают тросы для транспортировки автомобилей:

- 1) буксировочные;
- 2) динамические, они же рывковые;
- 3) стальные.

Тросы используют не только для транспортировки, но и для рывка, чтобы вытащить автомобиль. На рынке предлагают тросы с усилием от 2 т до 9000 т.

На рисунке 16 показан такой буксировочный трос-стропа. И здесь специалисты не советуют брать тросы с небольшими усилиями, например, от 2 до 5 т. Может показаться, если автомобиль весит 1,5 т, то стропы с усилием в 2,5 т хватит с запасом. Практика показывает, что это не так – стропа или трос очень легко рвутся.

Рисунок 15 – Буксировка автомобиля на гибкой сцепке

Причина нами уже разобрана – это случай внезапного приложения нагрузки.

Водитель натягивает трос, т.е. контакт уже есть (рис. 15), а потом газом дает усилие для начала движения, чтобы стронуться с места и начать движение.

Разумеется, водитель не должен компенсировать вес автомобиля, он компенсирует силу

Рисунок 16 – Буксировочный трос для автомобиля

сцепления и трения колес машины, т.е. не в вертикальном направлении, а в горизонтальном. И если, например, необходимо приложить усилие в 2 т, то мы сразу же получаем все 4, и стропа не выдерживает. Примерно так.

4. Да-цзе-шу и роботы *Asimo*

Современная Япония является передовой страной в области развития робототехники. Классификация роботов включает в себя достаточно большое их многообразие. Еще в конце 20 века в Японии развивались так называемые ГАПы (гибкие автоматизированные производства), которые были практически безлюдными. Но существуют не только промышленные роботы и манипуляторы, и целые производства с ними. Неоднократно показывались достижения в области антропоморфных (человекообразных) роботов, например, серии *Asimo*.

На рисунке 17 представлена линейка этих роботов и их эволюция за 20 лет разработок в этом направлении.

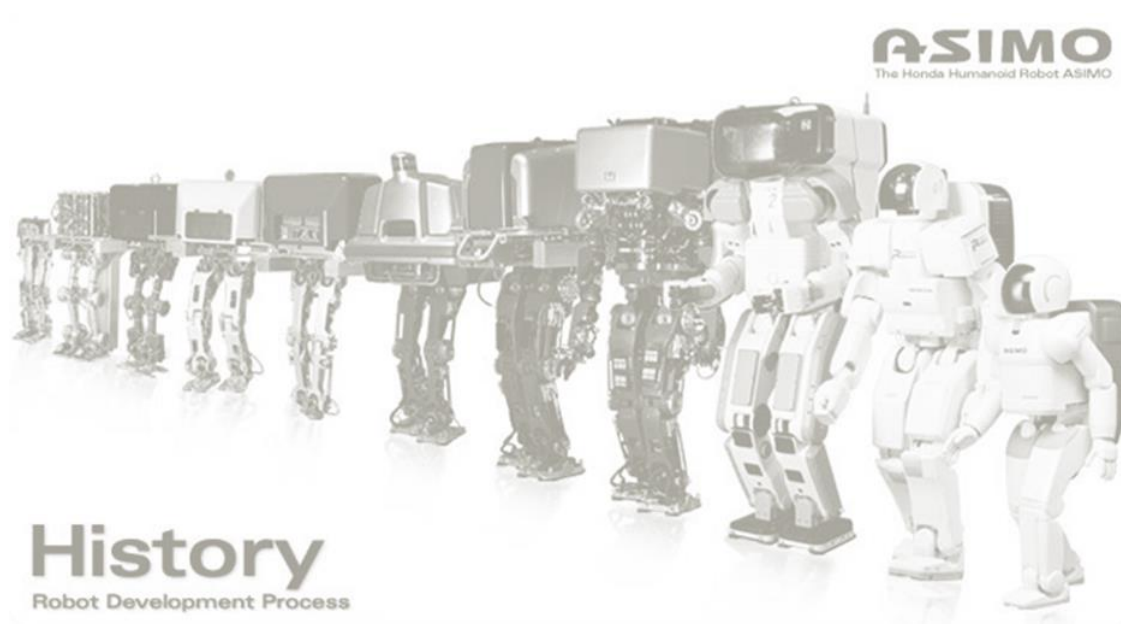

Рисунок 17 – Антропоморфные роботы *Asimo*

Результаты, конечно, впечатляют: ходит такое железо по сцене перед людьми в демонстрационном зале, и выглядит совсем как живое. Но вот походка немного вызывает улыбку, так как напоминает человека, которому срочно надо было куда-то добежать, а он не успел, и теперь перемещается специфическим образом, на полусогнутых. Такой случай показан на рисунке 18. На самом деле здесь

сплошная механика и следование ее принципам.

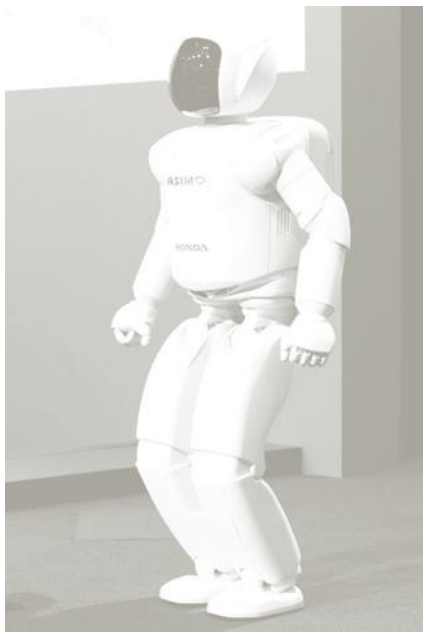

Рисунок 18 – Стойка
робота

В Юго-Восточной Азии существует много направлений единоборств, развивались эти виды борьбы все то время, что существуют народы в этой части света. И в рамках этих боевых искусств выработаны определенные принципы. Например, появилось такое направление в борьбе, как Да-цзе-шу – искусство пресечения боя. В его рамках разработаны специальные принципы, позволяющие не драться и обмениваться ударами, а сразу бить

всех, невзирая на их технику и уровень мастерства, т.е. мгновенно пресекать бой. Этим пользовались в основном бродяги, нищие, воры и прочий черный люд как средством против полиции и солдат, которых специальные инструкторы обучали в основном шаолиньскому направлению у-шу. Сами китайцы называют эти техники «грязным у-шу» [16].

Для победы над противником необходимо убрать лишние элементы техник и срезать углы, и там, где противник должен выполнить 5 технических действий, апологеты Да-цзе-шу выполняют, например, всего 2 элемента. Получается быстрее и надежнее.

С этой целью установлено, что любое движение имеет 3 фазы:

- выключение суставных замков;
- понижение центра тяжести тела;
- непосредственно движение бойца.

У человека 8 суставных замков, это 4 пары. Сюда входят

колени, бедра, плечи и локти. Включение замков в них позволяет мышечной системе не напрягаться, она не работает.

На рисунках 19 а) и б) показаны случаи стояния на одной ноге, вторая расслаблена.

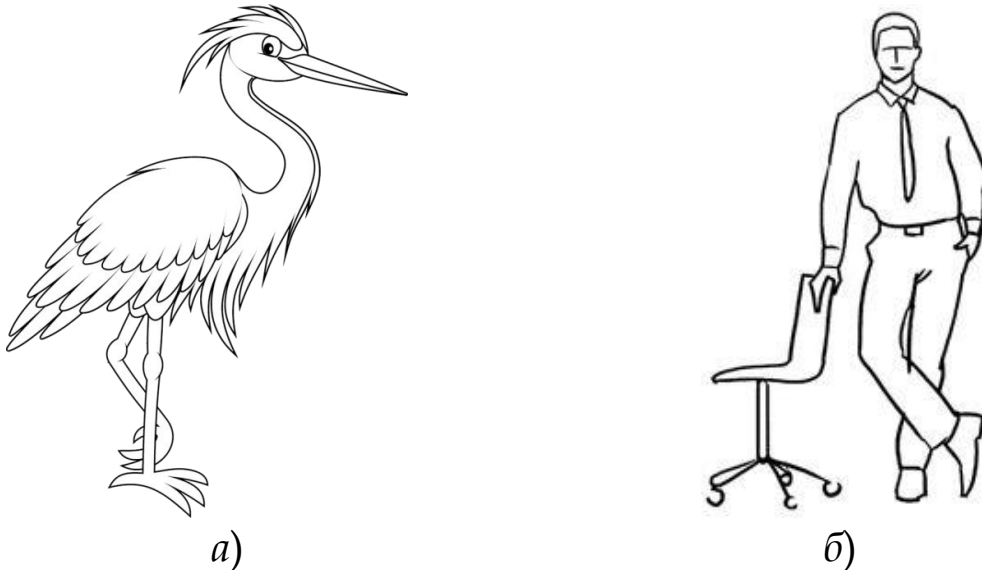

Рисунок 19 – Стояние на одной ноге

На рисунке 19 а) это аист, на рисунке 19 б) – человек. Это может быть простой офисный работник, студент или часовой. Без разницы, на прямой ноге включен суставной коленный замок, чтоб его выключить, надо какое-то время.

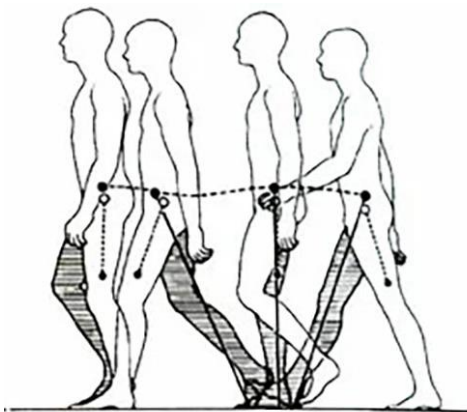

Рисунок 20 – Движение масс (ОЦМ) немного опущен вниз. Положение человека динамически устойчиво.

На следующем этапе боец должен немного опустить центр тяжести тела. Никто ведь не ходит на прямых ногах и как палка.

Случай движения человека в виде ходьбы показан на рисунке 20. Здесь хорошо видно, что во время движения общий центр

И третья фаза – это непосредственно движение.

При использовании принципов Да-цзе-шу боец заранее выполняет первые две фазы – он выключает суставные замки, и немного понижает ОЦМ (приседает). Осталось только двигаться, усилия и время терять на другие фазы не надо.

На рисунке 21 показаны стойки и положения такого бойца.

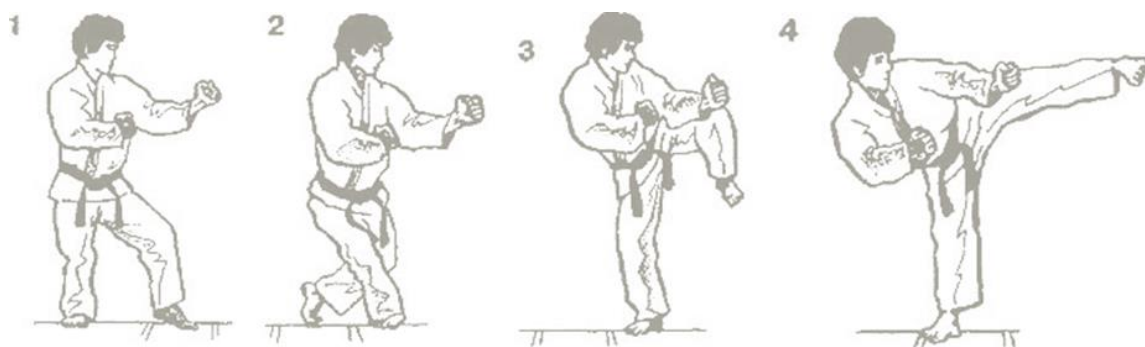

Рисунок 21 – Использование принципов Да-цзе-шу

Здесь принято так – если противник может определить ваш рост, значит, вы стоите неправильно. Отметим, что при следовании этим принципам, когда все полусогнуто, тело получает запас движения в любой своей части. Это позволяет мастерам наносить удары по восьми точкам одновременно. И боец при этом устойчив.

Глядя на то, как движется робот *Asimo*, понимаешь, что осознанно или нет, но в конструкцию машины заложены эти принципы механики и биомеханики (рис. 18). Но, даже зная это, со стороны походка робота выглядит необычно.

5. Динамические нагрузки

Автору всегда казалось, что в теме «Динамическая нагрузка» таких разделов механики как теоретическая механика, прикладная механика, теория колебаний и сопротивление материалов, определение динамической нагрузки дано как-то по-детски и наивно. Оно совершенно

не удовлетворяет. Цитата из сопротивления материалов: «При быстро возрастающей нагрузке необходимо учитывать силы инерции, появляющиеся в результате деформации системы; силы инерции необходимо учитывать также при действии нагрузки, вызывающей движение тела с некоторым ускорением. Такие нагрузки, а также вызванные ими напряжения и деформации называются динамическими» [10].

Вообще-то, механика точная инженерная наука и оперирует цифрами, интервалами, диапазонами, она использует точные критерии, которые можно измерить и оценить. Другими словами, потрогать. А понятие «быстро возрастающая нагрузка» ни о чем не говорит. В учебной литературе определение расплывчато, хотя на практике и в теории такие критерии давно уже разработаны.

В работе Пановко «Устойчивость и колебания упругих систем. Современные концепции, парадоксы и ошибки» указан на один из критериев – если нагрузка или деформация отличается от статической более чем на 5 %, то нагрузка считается динамической. Существуют и другие подходы и критерии.

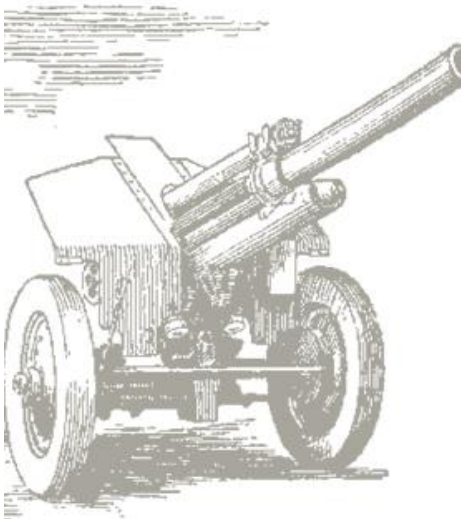

Рисунок 22 – Орудие

В теории механических колебаний этот вопрос является немаловажным, так как при неверной оценке задачи можно вместо простого расчета при статическом нагружении затеять громоздкий и ненужный динамический анализ. В работе [17] указывается, что ни длительность действия нагрузки, ни темп ее изменения во времени

сами по себе ничего не означают, так как не меньшую роль играют и собственные свойства механической системы, к

которой нагрузка прикладывается.

Сошлемся на пример расчета одного весьма интересного случая, приведенного там же со ссылкой на А.Н. Крылова¹. При выстреле из артиллерийского орудия (рис. 22) длительность давления газов на стенки орудия составляет 0,01 секунды, но при изучении радиальных колебаний ствола такое нагружение можно считать статическим! Существуют и противоположные случаи, когда за динамическую принимают нагрузку, монотонно возрастающую и затем монотонно в течение нескольких секунд убывающую до нуля.

6. Невесомость

В теме «Относительное движение» затрагивается такое понятие как невесомость. У студентов по этому поводу довольно упрощенное понимание данного явления, вплоть до представления его как отсутствия гравитации.

По определению: «НЕВЕСОМОСТЬ м.т. (материальной точки) – отсутствие давления м.т. на соприкасающиеся с ней тела. Так, невесомая м.т. не давит на площадку весов (не имеет веса), находящихся в покое по отношению к системе отсчета, в которой покоится м.т.

$$\bar{N} = 0; \quad (3)$$

Для невесомости материальной точки необходимо и достаточно, чтобы равнодействующая активных сил от материальных объектов, не соприкасающихся с точкой, вместе с переносной силой инерции в собственной системе отсчета рассматриваемой точки образовывала равновесную систему сил» [5, 8].

¹ Алексей Николаевич Крылов (1863-1945) – кораблестроитель, механик и математик. Академик (с 1916 г.), преподавал в течение почти пятидесяти лет в Морской академии в Петербурге (Ленинграде). Пример взят из книги «О некоторых дифференциальных уравнениях математической физики, имеющих приложение в технических вопросах» (§ 123).

На рисунке 23 показана траектория полета спутников и международной космической станции (МКС), это примерно 400 км от поверхности земли. Закон гравитации еще никто не отменял – на этом расстоянии гравитационное поле Земли действует, оно действует и на большем расстоянии – Луна то находится в поле притяжения Земли.

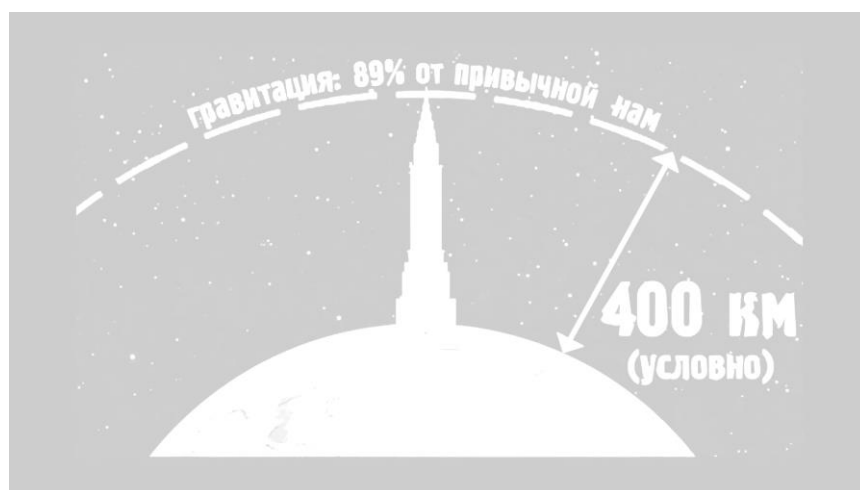

Рисунок 23 – Траектория спутников и МКС

Из рисунка видно, что если бы на указанную высоту в 400 км простиралось высотное здание, то человек весом на Земле в 100 кг, на верхнем этаже весил бы 89 кг. Вес уменьшится на 11 %, но, разумеется, человек все равно весил бы!

На рисунке 24 показана схема для невесомости.

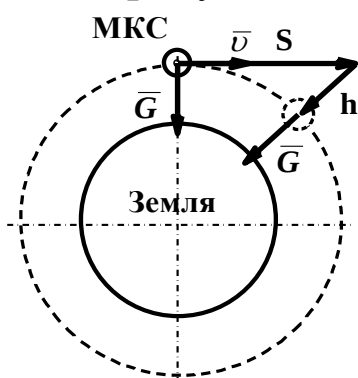

Рисунок 24 –
Невесомость

Состояние невесомости на МКС возникает не из-за «отсутствия гравитации», а за счёт движения по круговой орбите с первой космической скоростью, то есть космонавты как бы постоянно «падают вперед» со скоростью 7,9 км/с.

Невесомость можно ощутить и на земле. В Звездном городке даже

приглашают туристов для полета на Ил-76. Примерная схема полета показана на рисунке 25.

Один полет длится до полутора часов, и за это время, как говорят организаторы, «выполняется до десяти режимов невесомости» по 25 с каждая. Невесомость застает 15 смельчаков на борту во время полета по так называемой кривой Кеплера.

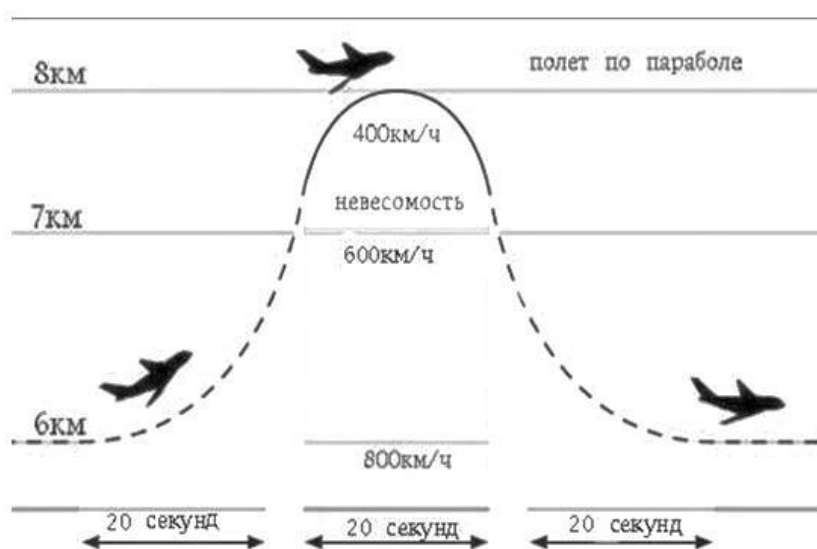

Рисунок 25 – Полет ИЛ-76 в режиме невесомости

Как утверждают организаторы, туристы могут заказать видеосъемку на борту, но здесь стоит быть готовым к некоторым казусам – многих с непривычки тошнит.

Рисунок 26 – Прыжки на батуте

На рисунке 26 показано такое же состояние невесомости у человека на земле, как и в космосе – это прыжки (падение) спортсмена на батуте. С точки зрения механики такое падение и есть невесомость, на весах спортсмен показал бы вес равный нулю. Нас может вводить в заблуждение лишь

наличие окружающей среды и короткое время падения.

* НОВЕЛЛЫ *

СЕРЕБРЯНАЯ РЫБКА

*Детским воспоминаниям
о золотой рыбке,
посвящается*

Состояние было непередаваемым. Совсем как пережитое в молодости: опрокинул в себя стакан с самогоном – а там вода!

Серый моргнул, будто это могло хоть что-то изменить в увиденном. Перед ним была рыбка!

И не просто рыбка, а Рыбка Серебряная!

Чешуйки, словно отлитые умелым мастером, и им же отполированные до зеркального блеска, совершенно волшебным образом собирали весь солнечный свет окружающего пространства, и заливали серебром ближний лес, зеленый берег небольшой заводи, спрятавшейся в прибрежных кустах, и самого рыбака.

– Ты ... кто?! – язык прилип к небу, и фраза далась не сразу. Серый попытался еще и икнуть, но с пересохшим горлом ничего не получилось.

Спонтанный вопрос не казался ни случайным, ни глупым. В глазах не просто рябило от серебра, что-то не то творилось и с изображением. Рыбка была одна, а казалось, что их две, а то и три, а может быть все же одна, но одновременно разная, или в разных местах. И самое главное, она открывала рот, как если бы готовилась что-то

сказать ему... поймавшему это... рыбо-сапиенс. В серебряном мареве улов производил впечатление разумного существа.

Серый мотнул головой, отгоняя наваждение.

— Ты... вы... и, правда, кто?! — хрипло повторил вопрос в сторону воды, то бишь в сторону рыбки ... серебряной. «Три... нет... одна, но их много!» — невпопад подумалась совершеннейшая белиберда.

Сверкающее чудо зависло в воздухе над поверхностью лесной речушки, занимая чуть ли не все пространство обзора, и притягивая к себе внимание без остатка. Каждая черточка, рыбья чешуйка, серебряный ареал, вроде размытые по краям, и как бы растворяющиеся в окружающем пространстве, одновременно были до невероятности четкими, и до невозможности правильными.

При этом рыбка в тот же момент находилась и там, где ей быть положено – на берегу реки. Нанизанная на крючок, она замерла у его ног.

И это не казалось абсурдным.

Да, она была там, внизу, и одновременно прямо перед ним – смотрела в упор, как если бы удалось совместить два изображения, полученных с разных сторон бинокля, в одном.

Ей удалось.

Малого того, даже не осознавая данный момент, но за это Серый мог бы дать любую часть тела на отсечение, рыбка как бы вышла из воды не полностью – в то же время она находилась под водой, ну, если не в глубине, то сразу же под зеркальной поверхностью лесной заводи. Этого не было видно, но казалось само собой разумеющимся.

«Рыбка... Рыбки... Их не одна, или... Хрен с вами», — мысли совершенно запутались, и Серый просто тупо уставился в висящее изображение, при этом бессмысленно перебирая губами.

— Фью, фьи... тью... ляо синь, — пропела в ухе птичка, и еще раз, и еще раз. Мелодия не повторялась, она свободно лилась, перетекая в голове через преграды, и мягко отдаваясь в черепной коробке легким, даже наилегчайшим, эхом.

— Чу, чю, чуо си... сью, сьи.

— От-ь-пью-сьт-ь-и мень-я, — внезапно мелодично, с искажением, но при этом совершенно понятным образом, раздалось в голове.

— От-пусть-и менья, рыбак.

Повторение оказалось уже почти нормальным и походило на подстройку микрофона на сцене сельского клуба.

— Кто ты? — спрашивал не Серый, спрашивал его язык, сам же мужчина все в том же обалдении рассматривал чудо с одной мыслью: «Не надо пить на рыбалке!»

— Рыбка Серебь-рь-яная! ... фью-ть.

— А-а-а золотая..., — и с паузой, — где?

Вырвавшийся перегар заставил рыбку (или ее изображение?) легонько поморщиться и повести чуть в сторону свой носик. А Серый наконец-то икнул.

— Здесь они не водятся!

— А кто водится?

— Да уже почти никто, — сказала и вздохнула — легко, грустно и непринужденно.

При этом произношение у рыбки в процессе разговора перешло в совершенно нормальное — закрой глаза, и не поверишь, что перед тобой не молодая женщина, а... серебряная рыбка.

— А ты?

Сергей поневоле втянулся в разговор, не отпуская при этом снасть. Руки судорожно сжимали удилище и не потому, что не хотели упустить добычу — надо же было хоть за что-то держаться, чтобы не свалиться с ног.

— Я тоже не вожусь, случайно попала в эти края.

— Откуда?

— Из Большой Реки.

— А...

Рыбка поморщилась и перебила:

— Отпусти меня, рыбак. Не губи. Мало нас осталось на водных просторах. Последние мы из древнего рода. Золотых уже не увидишь, а про нас и вовсе никто не знает.

— А... здесь зачем? — наконец-то закончил родившийся вопрос.

— Подышать заплывла. В Большой Реке обычной рыбы почти не осталось, про нас и говорить нечего. Держимся из последних сил. Отпусти рыбак удалой, молодец красивый, удачу привлеку к тебе.

В первое Серый поверил сразу – на большой реке стоял комбинат, а то, что ниже по течению, давно уже плавало кверху брюхом. Одни люди и выживали.

— А-а-а желания... — Серого еще здорово клинило и каждый вопрос он начинал с протяжного «А», но об исполнении заветных желаний золотыми рыбками вспомнил вовремя, — исполнишь?

— Как договоримся.

— Хочу..., — и Серый замолчал. Он однозначно хотел, только чего? Исполнения желаний. Своих. Они должны быть, как же без них. Только сразу не сообразишь.

— Это не сработает!

— ... почему?

— Без специальной процедуры ничего не получится. Причем, мы ведь еще не договорились.

Серый дернул удочку, леска натянулась до звенящего состояния – но ничего не произошло. На серебряное чудо движение не подействовало, или же по рыбке нельзя было понять результат физического воздействия. Похоже, уже оклемалась от неожиданной поимки, и теперь с ней не так-

то просто справиться.

— Не договорились, — и беспомощно обернулся в сторону рюкзака: «Эх, сейчас бы пропустить рюмашечку, а лучше две. И без закуски».

— Отпустишь?

— За три желания! — хмель потихоньку выветривался, отчего голова яснее не становилась. Но направление Серый уже держал в нужную сторону.

— За два!

— Почему за два?

— Так принято!

— Но ведь всегда за три!

— Ты что, уже встречался? — удивилось великолепное создание.

— Ну, принято... говорят... всегда в сказках... вот, еще анекдоты разные, — парень стушевался, чего никак не ожидал.

— Это у рыбок золотых, а я — РЫБКА СЕРЕБРЯНАЯ! — последнее было произнесено таким тоном, что Серый понял — все буквы тут заглавные.

— Два желания пополам!

— Как это? — настал черед открыть рот рыбаку.

— Ну, одно я, другое ты!

— Я ж не умею!

— А тебе и делать ничего не надо. Просто одно желание будет твое, а второе мое.

— Это ж как? — до него не доходило.

— Первое желание выполню для тебя, — терпеливо пояснила рыбка, — а второе для себя. Законы моей природы таковы, что после этого чары снастей перестают действовать. И я освобождаюсь. Надо лишь произнести

слова: «Будь свободна, РЫБКА СЕРЕБРЯННАЯ». И вместе с исполнением желаний, это произойдет.

— А что второе?

— Второе – мое, только говорить все равно будешь ты! Просто в конце надо добавить: «И да исполнится твое желание». И говоришь его.

— Сама же чего? Ты ж..., — он не подобрал слов, — сколько хочешь, и когда хочешь.

— Не дано такого, Сергей Викторович, чтобы свои желания самим исполнять – ни нам, ни рыбкам золотым.

— А чего ты хочешь? — Серый уже не торговался. «Одно так одно. Счас желание, пусть даже одно, потом сто грамм волшебного эликсира из бутылки, лежащей на берегу в рюкзаке, чтобы промыть мозги, и все будет путем».

— А ты чего?

— Так хочу..., — и замолчал из-за сумбура в голове.

— Ну! – подтолкнула рыбка.

«Ящик водки, вот друзья обалдеют. Мало! Машину водки. Вот! Машину себе, нет, дом, да, но нет, а остальное как же? У Витька классные рыбацкие снасти, и экипировка приличная – всегда на них облизывался. А у Сереги жена молодая, красивая – живут, душа в душу. Тут уж не только он завидовал. Может, пусть будет как у всех? А то и Танька часто тыкает, что оба вы Сереги, но тот не пьет, а ты... Каждые выходные под заправкой и на рыбалку. А денег...».

«Так! Денег полный чемодан, нет, полную комнату, и таких, чтоб покрупнее. И пусть рыбка катится на все... А как узнать? Комната ж там, а я здесь».

Мысли неслись с космической скоростью на фоне легкого хмельного состояния.

— Хочу полный рюкзак денег, и чтобы крупными купюрами, и прям тут, на берегу.

— И формулу освобождения, — фоном промелькнула не его мысль.

— Будь свободна, РЫБКА СЕРЕБРЯННАЯ.
— Да исполнится твое желание...
— Да исполнится твое желание, — Серый вдруг понял, что не узнал, чего хочет рыбка. «А вдруг ...», но додумать не успел. В голове всплыла не его фраза: «Пусть вода станет чистой и здоровой, чтобы пить, и жить в ней было в удовольствие».

Ну, это можно!

И Серый повторил, заканчивая желания обоих.

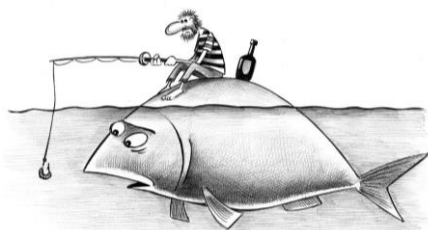
И тут же шлепнулся на пятую точку. Рука все также судорожно держала удилище. Над заводью уже никого не было. В воздухе ощутимо похолодало.

Кряхтя и матерясь вполголоса, Серый поднялся, постоял, бессмысленно глядя на водную гладь, и поплелся к рюкзаку.

Тот, напоминая надутый до предела воздушный шар, и, только что, не взлетая вверх, лежал на траве в большом серебристом круге.

Воздух над рюкзаком слегка дрожал, создавая иллюзию летнего зноя.

Нагнувшись по ходу движения, Серый сорвал крупную травинку – а в отдалении от рюкзака изморозь, самая настоящая, как осенним утром в предзимний период.

В рюкзаке были деньги: много новеньких горячих купюр, упакованных в пачки. Рюкзак просто лопался от них.

Рука метнулась в боковое отделение, достала початую бутылку водки, и поднесла ко рту. Он даже не стал искать стакан. «Сейчас по чуть-чуть, и отойдем от стресса. Это ж надо, рыбка какая!»

В БУТЫЛКЕ ОКАЗАЛАСЬ ВОДА !!!???
ЧИСТАЯ ВОДА!

Состояние было непередаваемым. Совсем как пережитое в молодости ... Он растерянно плюхнулся в морозную траву. Нервно сделал большой глоток, резким движением вставив горлышко на всю длину и чуть не выбив зубы. Подавился, тем не менее, глоток повторил, и его тут же вырвало.

Серый лишь успел стать на колени, чтобы не захлебнуться.

Даже не дождавшись окончания приступа, с полностью пустой головой и дрожащими руками, щедро плеснул в раскрытую ладонь содержимое бутылки, растеряно приносясь.

Запахи отсутствовали, кроме собственных.

Где-то выбивали барабанную дробь. Он не сразу понял, что слышит стук собственных зубов.

Несмотря на это, судорожно попытался глотнуть еще несколько раз, не замечая, как размазывает по лицу и рубашке остатки завтрака.

С отвращением выплюнул все на землю – организм напрочь отказывался принимать подобную гадость в себя, защищаясь судорогами.

Замер в ошеломенности, просто-таки раздавленный неожиданными ощущениями.

«Да она еще и теплая!»

«А где же...?»

«А как же...?»

Хмеля не было. Серый вдруг понял, что чувствует себя омерзительно трезво, как будто не он с утра ополовинил бутылку.

«Пусть вода станет чистой и здоровой», – так вот что ты задумала, бестия, ах ты...», – он задохнулся от возмущения. «Это что ж, сейчас вся водка превратится в воду?» В крови не было ни грамма алкоголя, и совершенно трезвое сознание услужливо подсказало: «Вода очистится от

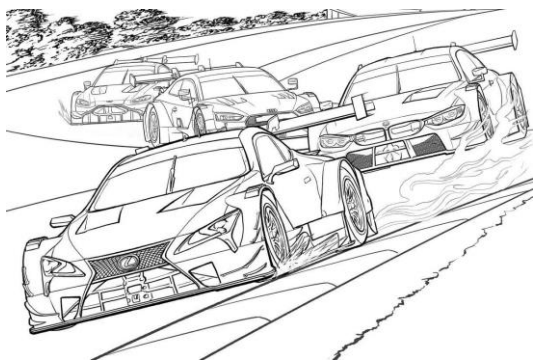
всякой дряни, и от спиртного тоже?!»

Вдруг с ужасом понял, что, освобождая рыбку, думал только про Большую Реку и химкомбинат, но вслух сказал просто – «вода». «Так это что же, ВСЯ ВОДА?! На всей Земле? Или как?»

«А кровь сюда входит? Или таков прощальный подарок рыбки?»

Мышцы совершенно не держали. Серый безвольно привалился к рюкзаку, и над водой разнесся истеричный хохот.

КРИТИЧЕСКАЯ МАССА

Посвящается Ольге
Александровне

14 августа 2034 года, Среднеевропейское время 14 часов 56 минут.

До старта оставалось ровно четыре минуты, но меня давно охватил предстартовый мандраж. В таком состоянии я не знал, чем занять свои беспокойные руки. Какое-то время назад они начали самостоятельную жизнь – бесконечно пробовали на месте ли зеркало заднего вида, включали и выключали приемник внешних сигналов, щелкали крышкой пустого бардачка и ощупывали ремни безопасности, цепко охватывающие грудь. А своему Штурману и Диспетчеру я, наверное, уже надоел хуже горькой редьки, хотя их компьютерные мозги не выказывали ни малейшего раздражения на бесконечный просмотр карты маршрута, состава участников моей стартовой группы и легенды гоночной трассы до выезда из города.

Разумом, однако, я прекрасно понимал, что такое сильное волнение совершенно беспочвенно. Машина была в полном порядке. Маршрут мною опробован четыре раза за последние две недели и можно было надеяться, что его изменения во время гонок будут незначительны. По правилам соревнований Диспетчер имел возможность не более четырех раз вносить определенные корректировки в маршрут, но я думаю, что в любом случае особенности

трассы мною усвоены в полной мере. Кроме того, настройки в двигателе автомобиля и программном обеспечении компьютера сделаны еще за месяц до сегодняшней даты, и опыт показал, что достаточно удачно. А могло ли быть иначе, после того как в течение трех последних лет фирма «МИГ» вылизала конструкции всех машин, участвующих в гонках, а это не менее 45 марок автомобилей различных производителей от штатовской Америки до желтой Японии?

Так что по настоящему надо волноваться только об одной неразрешимой проблеме – как стереть липкий пот под шлемом. Он заливал и щипал глаза, но добраться до лица означало секунд на десять расстегнуть зажимы и автоматически потерять связь с Диспетчером. Вдруг перед стартом поступят дополнительные указания, а я их пропущу? Хотя, какой бред несу – как только я буду снова экипирован, вся прошедшая мимо информация появится по первому же требованию на экране монитора. Правда, она появится и без требования – таковы настройки.

Я понял, что действительно могу перегореть до старта и вот это-то, и будет самым худшим, что может случиться со мной в этом году. А может и во всей двадцатидвухлетней жизни. Так, что необходимо принимать срочные меры – и я решительно расстегнул шлем управления, снял его и носовым платком, мгновенно ставшим совершенно мокрым, как мог, вытер лицо и шею. Это удовольствие я растянул секунд на тридцать, чувствуя каждый миг как что-то очень весомое, как что-то большое, тяжелое и одновременно тягучее как начинка карамельки. Нет, так жить нельзя! И поэтому нарочито медленно (а внутри все тикал таймер) пошарил по карманам, выудил еще один носовой платок, неведь как оказавшийся в заднем кармане, скрутил из него широкий жгут и повязал на лбу, удивляясь, насколько платки могут быть длинными.

Это еще не менее двадцати секунд.

Правда, я вдруг вспомнил, для чего держал этот платок – периодически я протираю им экран компьютера от пыли. Так что на легкое замешательство и раздумье, что делать – еще пять секунд.

Когда шлем снова оказался на мне я увидел, что до старта оставалось меньше трех минут, а точнее – две минуты сорок семь секунд, и на справочном экранчике в правом верхнем углу обзорного дисплея шлема светилась надпись «Трехминутная готовность. Всем занять места и застегнуть шлемы».

– Юрка, ты готов? – со мной вдруг связался Леший, и я мысленно его послал. Далеко-далеко. Нашел время приставать с дурацкими вопросами – наверное, сам волнуется как девица на выданье. Пришлось ответить.

– Как пионер – всегда готов, – и добавил, – Как там наши?

– Ты единственный, с кем я решил связаться.

На справочном экране ярко вспыхнула надпись «Двухминутная готовность. Проверить настройки Штурмана и связь с Диспетчером. Даем тест».

– Ладно, иди к черту и отключайся. Выскочим из города, свяжусь сам.

Леший в ответ что-то хрюкнул и его голос исчез. Теперь мы были с ним не очень далеко друг от друга и в то же время нас разделяли огромные пространства.

За полторы минуты до старта появилась надпись: «Тест прошел успешно. Ошибок – ноль».

Конечно, этот тест выполнялся раньше и неоднократно – но это как последняя готовность и дань двадцатилетней традиции. У кого есть сбои, тот уже вылетел. А кто прошел, тот уже прошел.

– Штурман, переключайся на голос.

– Голосовой режим включен. До старта осталась одна

минута двадцать одна секунда.

— Доложи готовность машины.

— Все системы машины работают в заданных режимах, отклонений нет, — и дальше посыпались технические характеристики, которые достаточно сильно отвлекали, но все же при этом мне удавалось не выпускать из внимания происходящее вокруг.

Пошла минутная готовность.

Ровно за тридцать секунд я врубил «Болеро» Равеля децибел на восемьдесят. Уйди печаль и сгинь тоска! Сейчас мы покажем всей Европе. Прямо за мной высилась Триумфальная арка, окруженная автомобилями. Слева и справа длинными рядами выстроились «Фиаты», «Мерседесы», «БМВ», «Аудио» и черт знает, что еще. Из динамика доносился голодный рев машин, рвущихся в драку.

Нас было три миллиона восемьсот девять тысяч сто сорок пять водителей со всего мира. Мы пронесемся смерчем от Парижа до Берлина по территории четырех государств, во всю утюжа морщины старушки Европы! Мы вольем в нее свежую кровь! Мы заставим колебаться все части тела этого древнего существа!

Мы – первые в мире и мы войдем в историю! Уникальные автогонки на звание чемпиона мира, организуемого транснациональной компанией «МИГ».

Десять секунд...

Руки клещами впились в руль. Наверное, пальцы побелели, но я этого не мог видеть. Я мог видеть только шлагбаум и соседние машины.

Одна секунда.

Я сказал себе не торопиться. Ни в коем случае. Не зря старт начинается в самом центре Парижа от Триумфальной арки. Это первый отсев. Не все выберутся из города на трассу, а многие из выбравшихся повезут в

своем багаже штрафное время. Это может оказаться тяжелым грузом.

Старт.

Шлагбаум исчез. Я отпустил сцепление и, конечно же, до отказа выжал педаль газа. Под визг шин и рев двигателей вся армада рванула с места. Видимо с газом я перестарался, и двигатель пытался захлебнуться, но я не дал ему такой возможности. Я играл педалями, и крутил баранку продвигаясь вперед и по мере возможности перекрывая дорогу своим соперникам. Настырный «аудио» тут же меня затер, но все кончилось благополучно. К сожалению, для него тоже.

Моя стартовая группа состояла из ста автомобилей, но и для такой широкой площади как площадь Шарля де Голля этого оказалось слишком много – мы толкались и лезли по головам друг друга как майские жуки в банке.

Вперед и только вперед!

Позади водитель не справился с управлением, а может машину специально вытеснили с дороги. Его автомобиль на скорости за сто километров в час вылетел на тротуар, и пропал из вида. Мы же оказались в конце квартала и поворачивали налево.

Грянули очередные ритмы «Болеро», я автоматически добавил звука в динамики и одновременно свернул с основной трассы на проспект Ош. Правилами это разрешалось. Мой путь был несколько длиннее и поэтому мало кого привлек. Он был длиннее почти на два километра, но тут и поворотов было меньше процентов на двадцать. Я собирался выиграть именно за счет этого. И за счет семи светофоров. Это разница между основной и моей трассой.

Кстати, здесь же оказалось и гораздо меньше пешеходов, и по современному проспекту я пролетел метеором, физически ощущая, как раскаляюсь от трения о воздух – на двух пешеходных переходах не тормозил, светофор проигнорировал, в одном месте касательно и без последствий задел неожиданно вывернувшийся с остановки автобус и заработал 30 секунд штрафа. Совсем не страшно.

Мандраж ушел.

Я работал как настоящий профессионал. Автобус не считается.

Да здравствует Равель и мировые автогонки! Ура, господа! И придержите, пожалуйста, оvation до моего финиша.

Пошла узкая и длинная улочка, которая вела меня мимо парка Монсо. Насколько знаю, последний – это мировая достопримечательность, посещаемая туристами со всего света. На трассе я два раза притормозил, чтобы не задеть пешеходов, и вылетел на широкий бульвар Курсель.

— Теперь направо, потом двести двадцать восемь метров до пешеходного перехода, шестьсот шестьдесят до светофора и семьсот восемь метров до поворота направо, — подсказал Штурман.

— Окей, дорогуша, — и я сделал, как сказали. Повернул направо, пропустив пожарную машину, мчавшуюся с включенной сиреной, и тут же нагло вклинился позади нее, несмотря на присутствие темно-синего фургона. Пожарная стала моим ведущим, и в ее фарватере я мигом проскочил переход и светофор, обернув затруднение себе на пользу. Знай наших, дорогой Париж! И не открывай широко варезку. Через пару минут я влился в группу из пяти машин, участвующих в соревновании. Они, как и я, выбрали свой маршрут, отклонившись от основной трассы.

Резкое торможение. Ремни впиваются в тело, а зубы желают продолжить путешествие отдельно от своего

хозяина, то бишь меня. Так мою машину подрезал белый «фиат» с желтым одноглазым драконом, красочно выведенном по борту. Номер АС 157-204. Я запомню тебя дружище. Если бы вылетел за бордюр, меня бы гостеприимно встретил рыбный магазин со стороны улицы Москва, оборвав соревнования на самом интересном месте. Соперник заработал штрафное время, а я приобрел чудовищный заряд злости, которой хватило бы залить в бак вместо топлива и доехать на грузовой машине от Москвы до Сахалина. Не от улицы, конечно, но от города – точно.

Группа уже сворачивала на светофоре направо на улицу Мон-Дор. Ну и Бог с ними, с моими соперниками. А я продолжил двигаться по своему маршруту. Штурман вовремя подсказывал, а я вовремя поворачивал, притормаживал, огибал неожиданные препятствия, проскакивал кольца и летел вперед. Только вперед.

Пересек Сену. За ней пришлось изменить маршрут, так как впереди образовался затор. Причину я не знал. Возможно, набедокурил кто-то из наших. А может это входит в программу соревнований. Но маршрут я изменил. Карта, конечно, на него была. Но легенда отсутствовала – это раз. Путь удлинился – это два. Количество поворотов возрастало, плюс один светофор. Это три и четыре. И по этой трассе я не проезжал, то есть дорога была незнакома. Это пять. Но у меня была решимость сделать все как положено, а это означало, что минус, во-первых, во-вторых, в-пятых и десятых.

Победа будет за нами!

По-моему, я издал боевой клич каманчей, выходящих на тропу войны в поисках чужих скальпов. Номер АС 157-204 – я тебя помню.

За поворотом меня ждала умора – черный «кадиллак» из группы GI поцеловался с фургоном, перевозившим бройлерных цыплят. И теперь светло-желтые комки

покрывали всю проезжую часть, некоторые смогли забраться на окружающие дорогу деревья, другие чинно прохаживались поперек проспекта, запрыгивали на опрокинутые машины. Мне пришлось выехать на тротуар, иначе я бы застрял. На птенцов я не обращал внимания, так как знал, что компьютер если и насчитает штрафное время, то не мне и не за это. Несколько раз колеса пробуксовывали...

Наконец цыплята табака остались позади.

Теперь я почти не притормаживал.

На спидометре стрелка прыгала как молодой чертенок в припадке резвости, от ста девяноста до двухсот десяти

километров в час. Вот это я понимаю! Главное, что правила совсем даже не запрещают подобного. Им, правилам, это безразлично. Им главное, чтобы был абсолютный победитель с призовым фондом в пятьдесят миллионов за первое место. Недурной фрукт, способный украсить любой сад. И я хочу... Нет, я желаю попасть в такой сад первым.

За высотным зданием, вымахавшим этажей на тридцать, пошел лабиринт Минотавра – иначе не назовешь. Направо, двадцать метров вперед, направо, сто метров вперед, снова налево, опять прямо, налево, направо, налево. И вперед, вперед, вперед – скорость тридцать, сорок, максимум семьдесят километров в час. Город брал свое за мою скорость на прямых участках. Выжав педаль газа, я тут же тормозил и поворачивал. Если бы не Равель, то мой боевой дух вполне мог уступить место заплесневевшему пессимизму. Я даже не вызывал справочное окно с результатами гонки. Не сейчас. Цифры могут меня расстроить – это будет не ко времени. А если я в призерах (хотя даже компьютер не может этого знать, настолько все

переменчиво), то вдруг расслаблюсь?

Подобная круговерть продолжалась около восьми минут, за это время я прожил как минимум в десять раз больше. В последний поворот машина вписалась на скорости в сто тридцать километров в час и на двух колесах. Возможно, есть на свете Бог, болеющий за автолюбителей. Иначе как объяснить, что я не перевернулся?

На прямой я выдал сто сорок километров в час, хотя желал бы скорости в два раза большей. Спустя пять минут в дневном потоке машин я пересек городскую черту. А еще через семь выскочил на евроазиатскую трассу. Я запросил Диспетчера и на правом экранчике появились последние данные. Ха! Я вошел в число первых десяти тысяч и индекс машины сменился на АА, что означало – первая сотня тысяч, и первые десять тысяч. Группка что надо. И пока еще не вечер.

– Дружище, – сказал я Диспетчеру, – шепни мне ласково на ушко о номере АС 157-204.

– Вас не понял, – эти электронные мозги хороши только для счета купюр, особенно мелких. Я думаю, это у них получается гораздо лучше, чем все остальное.

– Диспетчер, Диспетчер, – я была сама серьезность, – выдай мне информацию о номере АС 157-204. Где сейчас желтый петушок (я вспомнил цыплят на дороге) с задницей дракона?

– Номер АС 157-204 выбыл из соревнований.

– Я рад за него, дружище. А теперь нарисуй картину в общем. Особенно по первым десяти тысячам.

И этот нудист действительно стал рисовать карту в своем углу. Ну и придурок! Что я там увижу, кроме мелких точек, толкающих друг друга в броуновском движении? Пришлось объяснить во всех подробностях, чего от него хотят.

Итак, в Париже нашли свое пристанище семь с половиной процентов стартовавших. А это больше чем двести восемьдесят пять тысяч автомобилей. Они сбивали друг друга – столько-то процентов. Они таранили стены и въезжали прямо в магазины – еще столько-то процентов. Они давили пешеходов – столько-то процентов. Они, конечно же, выскакивали на встречные полосы и таранили все, что там двигалось – проценты, проценты и проценты.

Мой же номер стал восемь тысяч четыреста семьдесят восьмым.

А всего ведь около четырех миллионов!!!

Я запросил связь с Лешим. «Выбыл», – доложил Диспетчер. Произошел банальный наезд на группу пешеходов возле какого-то кондитерского кафе чуть ли не у самого старта. Четверо погибших, водитель врезался в фонарный столб и вылетел через переднее стекло, где его полет остановила стена ближайшего дома.

Да! Зная Лешего, гарантирую, что такого исхода он не ожидал. Это большое разочарование. Сразу отпала необходимость связываться с ним, как я пообещал. С такими связь невозможна.

Я уже выжимал из машины около двухсот тридцати километров в час, внимательно вглядываясь в дорогу. Таковую скорость удавалось держать лишь на самой крайней полосе. Метрах в трех слева мелькал полосатый разграничительный барьер. Черно-белые полосы чередовались с чудовищной быстротой, и единственное, на что я оказался способен, это лишь ощущать смену цветов краем глаза, совершенно не различая подробностей. Справа отставали обычные машины, при этом моя полоса тоже не пустовала. В таких случаях приходилось дожидаться просвета справа и делать лихое опережение. Вжик – и позади белый «мерседес» не имеющий отношения к гонкам. Вжик – и обхожу группу из чужих машин,

компактной стайкой летящих вперед. Где-то рядом постоянно находятся гоночные автомобили – не запрашивая Диспетчера, я точно знаю, что их 99, а со мной ровно сотня. Иногда мы мешаем друг другу, но не слишком. По крайней мере, пока никаких подрезаний и выжиманий на обочину. Хотя, нет – где-то позади метрах в трехстах над потоком машин взлетает автомобиль черного цвета. Он кувыркается в воздухе как воздушный акробат, при этом в сторону отлетают отдельные части. В зеркале заднего вида я вижу только бешено вращающийся корпус, ни о каком визуальном определении марки не может быть и речи, а через несколько секунд это не сделал бы и специалист. Глухой взрыв и яркий столб огня поднимается метров на десять вверх. Лишь компьютеры бесстрастно фиксируют происходящее.

Тут же запрашиваю Диспетчера и вижу картину аварии сверху – да, я очень рад, что оказался далеко впереди от взрыва. На дороге затор и я слежу за цифрами на мониторе – вышло восемнадцать автомобилей, двадцать, двадцать четыре, появляется двадцать пять, с задержкой двадцать шесть и вот окончательная цифра – двадцать семь. Стандартная группа состоит из ста машин – это значит, минус двадцать семь процентов только по одной нашей группе. Неплохо! Весьма неплохо!

На экране Диспетчера появилась движущаяся картинка лидера – пока я привыкал к ней, француз сменил бельгийца, а его вытеснил американец. Впереди была дикая конкуренция, лидеры менялись как мужья у ветреной женщины. Или наоборот – жены у ветреного мужчины?! При этом Диспетчер суммировал данные по всем первым группам и постоянно выдавал результаты в

режиме реального времени.

В такой обстановке ни о какой связи с кем либо нельзя было даже мечтать.

Обдумав сложившуюся ситуацию, я запросил данные по своей группе. Нас уже поджали – номера выбывших заменили ближайшие по времени участники гонок. Но главным было не это – главным для себя я посчитал малый интервал. Мы шли в такой плотной группе, что рисковали наткнуться на пятки друг друга. И не дай Бог, случится заминка. Споткнись впереди группы хоть одна машина, и мы все окажемся запертыми на коротком участке дороги в шестьсот двадцать один метр надежнее, чем бриллианты в сейфе Лондонского банка. А подобное с затором очень даже возможно. И тогда, лови победителей на всем пространстве от Парижа до Берлина хоть до следующего года.

Из-за облачка выскользнуло летнее солнце. Оно проникало в кабину с правой стороны, но освещало только колени. Неожиданно я поймал себя на мысли, что не имею представление о той погоде, что царила в Париже во время скоростного вояжа. Могу гарантировать лишь одно – дождя там не было.

И тут у передней машины, раскрашенной с пестротой дальтоники, не различающего ни единого цвета кроме черного и белого, и которому при покраске подсунули под руку все существующие цвета, с громким звуком лопнуло заднее колесо. На скорости за двести километров в час это подобно попаданию 45 миллиметрового снаряда машине под днище. Автомобиль тут же лихо юркнул вправо, на место, где неторопливо отставал пятитонный молоковоз. Их поцелуй был страшен. Я видел происходящее в ближайших метрах во всех подробностях – правда, по-своему личному времени. За полторы секунды я увидел встречу, удар, вращение страшного волчка, интуитивно

почувствовал первый удар машины, следовавшей за молоковозом, и даже поймал вдогонку взрыв. Лопались шины, со скрежетом рвался автомобильный металл, хрустело, лопаюсь и крошась, закаленное стекло. И в такой кутерьме я крутил баранку во все стороны, следуя своему чутью и судьбе гонок. Меня спасла близость к машине. Та ушла в сторону, а я успел протиснуться вперед, когда на месте, где я был секунду назад, развернулась гигантская воронка, раскрывая металлические челюсти поперек дорожного полотна.

Удары, взрывы, полеты по асфальту и по воздуху, заканчивающиеся одним результатом – для них всех все было кончено. А меня только накрыло литрами ста молока, и по заднему стеклу прошлись дробящие куски чьего-то автомобиля, превратив стекло в белую простыню, пронизанную мелкой сеткой паутины. Багажник позванивал, как пустая кастрюля, еще секунд пять. С крыши на лобовое стекло потекли серые потоки. Пришлось включить щетки и частично опустошить емкость с водой, чтобы смыть остатки грязного молока.

Какая связь с друзьями?!!!

Я улепетывал от места аварии со скоростью не меньшей, чем летел к нему. Но сейчас разделить мои руки с баранкой можно было только с помощью мощного резака по металлу. Я забыл Равеля и солнышко. Я забыл свой номер в общем списке соревнующихся и свое место в группе. Я не забыл лишь смотреть на черное полотно со стальным отливом.

Потом я подумал, а не подстроена ли подобная ситуация организаторами соревнований. По-моему, в правилах это не обговаривалось. Но, как известно – что не запрещено, то разрешено. Но почему-то спрашивать об этом Диспетчера не хотелось. Я вдруг почувствовал в его компьютерной душонке холодного слизняка, что презрительно наблюдает, как какие-то твари копошатся

внутри его жилища. Друзей тут не было. Здесь царил лишь голый расчет со скоростью пять миллиардов квинтильонов операций в секунду. Не успеешь подумать, как эта гигантская извилина не предугадывала, а совершенно точно знала, что произойдет через многие, многие секунды. Для него это все равно, что человеку уметь просчитывать события будущего через сто тысяч лет. Вот, наверное, кто больше всех зевает во время исполнения своих обязанностей.

Штурман у меня что-то спрашивал.

Я неосознанно промычал: «Да», — и сзади хлопнуло. Штурман отстрелил разбитое стекло. Я усмехнулся. Эти ребятки играют свои компьютерные роли с прилежностью актеров первоодков. Правда, стало видно происходящее сзади. Что было не совсем бесполезно. Сидишь в машине как в окопе с круговой обороной и ждешь подвоха. А Штурман обеспечивает, чтобы ты увидел, как тебя будут давить.

Не знаю, сколько тысяч компьютерных лет мы ползли с тягучим чувством пережевывания прошлогодней жвачки. Снова меня зажали машины. Я очень хотел в первую группу. Туда, где отрыв на километры, скорость двести пятьдесят – двести восемьдесят километров в час, а протяженность группы во времени (я мечтательно прищурил глаза), ну, например, десять минут и я впереди всех.

И мы воткнулись в запрещающий знак – дорожные работы! Без всякого предупреждения – лети вперед хоть по воздуху, но проезд дальше отсутствовал – покрытие взорвали до самого горизонта. Сквозь острые обломки асфальта проглядывал желтый песочек, и там копались рабочие, с моего места похожие на странные силуэты со старинной картины.

— Что это? — в моем голосе ощущалась злость. Я не ожидал такого подвоха.

— Дорожные работы, — сказал Штурман.

— Понятно, что не ковром дорогу выстилают. Запроси Диспетчера. Почему на дороге сюрпризы? Разве в легенде трассы они предусмотрены? — тут я умолк. Мне не нравились их правила. Я думаю, это не совсем честная игра. Но злость злостью, а поворачивать пришлось. Разговаривая, я не потерял ни одной секундочки. Даже в аварии я шел с плюсом. Тем более покажу класс и теперь. Знак приказывал ехать назад. Ну что же — встречная полоса чиста как попка младенца после первого купания. Неси меня вперед (то бишь назад) все четыре колеса!

Тут Штурман снова заговорил таким вежливым голосом профессионального обслуживателя гостиничных номеров:

— Вы можете не волноваться (спасибо большое) за правила. Все участники поставлены в одинаковые условия. У всех шансы равны.

— Почему ты не добавляешь — равны нулю?

— Извините, это не так.

— И почему ты стал меня называть на вы? Разве мы не договаривались?

— Мне было рекомендовано.

— Значит так — по этому поводу тебе могу рекомендовать только я один. И мои рекомендации — это требования с нулевым приоритетом. Ты усек?

— Я тебя понял.

— Вот так-то. А своему Диспетчеру... нет, своего Диспетчера... Знаешь, что? Дай ему задачу определить, куда Макар своих телят не гонял. И пусть он идет в это место.

— Я...

— Только после соревнований.

— ... тебя понял.

— Умница.

Утешало единственное – по закону равенства условий что-то подобное должны испытать все участники гонок. Но зато двигатель машины смог показать, на что он способен – стрелка дрожала возле цифры 287 километров в час. И те несчастные десять километров в обратном направлении автомобиль пролетел по пустому шоссе за две минуты. Моя группа осталась прежней, но я внезапно переместился по расстоянию на триста шестьдесят четыре тысячи седьмое место.

Со мной попытались связаться. Из-за хриплого мужского голоса подумал о Семене. Я мгновенно пресек все попытки и заказал современную музыкальную вещицу «Попытка бегства в тридцатый век». Она в самый раз соответствовала настроению.

Равель остался в Париже.

На развилке я чуть не проскочил поворот по указателю. Спасибо недремлющему Штурману. Выиграю – куплю ему порядочные мозги.

Нормальное покрытие кончилось – нам предложили щебенку на стиральной доске. Скорость упала до восьмидесяти, но и этого казалось много. Меня бросало во все стороны как мячик в пинг-понге. Только баранка служила относительной опорой. Ну и придумали! Через две минуты дорога вытрясла все посторонние мысли. Я желал одного лишь спокойствия. Еще через десять не хотел ничего. Ноги, руки и все тело потеряли чувствительность. Взболтанное серое вещество не желало думать.

Снова появился асфальт, и мы пролетели через красивую деревеньку.

Сельская дорога стала превращаться в тропинку, шириной подходящей только для трехколесного велосипеда.

Придорожные кусты шелестели по дверцам. Несмотря

ни на что мы двигались по гоночной трассе. Я гнал вовсю. Семьдесят, восемьдесят, сто двадцать и почти сразу сорок километров в час. Объехал группу молодых ребят на мотоциклах, никого не задавив. Заворачивая в небольшую рощицу, увидел, как на байкеров несутся пять машин, не снижая скорости.

Километра через полтора я выскочил на небольшой деревянный мост местного значения, перекинутый через наполовину заболоченную речушку. С противоположного берега двигалась деревенская повозка с тремя крестьянами. Я успел на мост первым. И тут я решился. Пусть Штурман доносит, а Диспетчер принимает меры, но я выполню задуманное.

Я обогнул крестьян, тут же развернул автомобиль и надал в зад телеге. Сивая кобыла проснулась и по инерции пробежала вперед, при этом их транспортное средство дало крен влево. Седой мужчина и две женщины горохом сыпанули на проезжую часть. Телега еще сдвинулась метров на пять и перевернулась. Лошадь упала. Проход оказался перекрытым как минимум на несколько минут. Это как минимум.

Гордый от сделанного, я сдал назад, и моя гонка продолжилась. Диспетчер не промолчал – к тридцати секундам ранее полученного штрафа он добавил еще столько же – значит никто не погиб и не покалечился.

В стороне остался небольшой городок. Сквозь густые деревья выглядывали золотистые шпили трех церквушек.

Теперь дорога улучшилась до вполне приемлемого уровня.

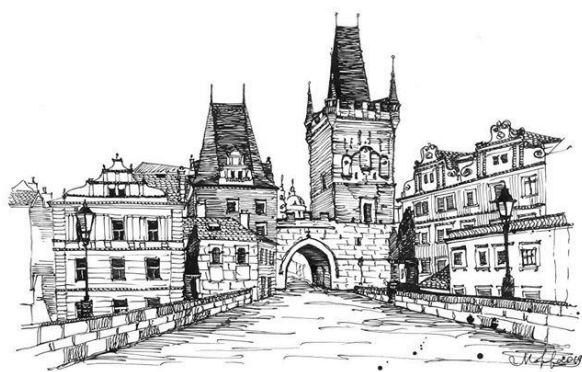
Потом мы снова выскочили на гоночную трассу, и я очутился в гуще машин, как и прежде. Место в группе

менялось стремительно. Я переместился с номера 20 431 на 9 295, потом занял свои старые позиции и даже продвинулся вперед и попал в первую пяти тысячную группу.

Можно было представить, как в эти минуты участники гонки со скрежетом преодолевают первую полосу препятствий, теряя места или выходя в тираж.

В данный момент от звездно-полосатого лидера меня отделяло четыре минуты времени. Он был не так уж далеко впереди. Точнее они. В мгновение ока лидером стал нубиец. Первая тысяча вписывалась в интервал в тридцать пять секунд. И первый в тысяче менялся с частотой электрического тока в сети.

Я запросил трассу на ближайшие двадцать километров, потом пятьдесят, потом на всю сотню. Неужели нельзя ничего придумать, чтобы сократить разрыв с первой тысячей? На прямом шоссе шансов не очень много, причем это относится ко всем. И именно поэтому по пути должны быть сюрпризы. Иначе как выяснишь мастерство водителей?

Мы миновали Ле-Пото и направились вдоль границ Бельгии в сторону Валансьена. Дорога блестела от солнца, периодически закрываясь теневой шалью березовых рощ.

Гонка длилась час пятьдесят. Я уже привык к тому напряжению, что вошло в нас с момента старта. Теперь оно казалось неотъемлемой частью пейзажа, проплывающего мимо. В какой-то мере можно расслабиться и продумать стратегию. Мысли закрутились о предстоящем сюрпризе. Диспетчер сильно не распространялся – можно было узнать, что в районе Валансьена существует рукотворный

канал, направленный к границе с соседним государством, в сторону Бельгии. Состояние моста, ширина канала, удобство подъездных путей – все это оказалось тайной гонок. Думаю, что где-то там задумана каверза, иначе информация была бы побогаче и водители не стали бы ломать головы. Диспетчер мог бы и солгать. Хотя, нет. Пятый пункт международных правил это запрещает.

Я запросил карту объездных путей в радиусе двадцати километров. Диспетчер отказал под благовидным предлогом – канал вступил в действие в прошлом месяце, поэтому данных нет.

Так я ему и поверил!

Я запросил карту объездных путей в радиусе ста километров, чего, вероятно, никто бы не сделал. На таком расстоянии все выгоды лучшего пути поглотит время объезда. Данных не было.

Ах, так!

Я запросил сведения по всему каналу, длиною в две тысячи километров.

Диспетчер скромно отметил, что данными не располагает.

Вот я их и поймал – канал в центре Европы перекрывает множество транспортных путей, а как пересечь его неизвестно, чего не может быть, потому, что не может быть никогда. От их легенды несло ловушкой за тысячу верст. Я думаю, на мосту что-то задумано – какой-нибудь фильтр мастерства, реакции или смекалки, поэтому все остальные пути оказались отрезаны.

Я попросил Штурмана процитировать пятый пункт правил соревнований:

«... 5.11 Диспетчер не предоставляет ложной информации. Если же в целях создания условий состязательности или условий равенства потребовалось бы таковое, максимум, что возможно – это не предоставление

данных и только в случаях, оговоренных в пункте 5.15».

Мне этого было достаточно, и Штурман переключил свое внимание на дорогу. Он добросовестно твердил легенду трассы, которой я уже не верил. Поворот налево, поворот направо, разъезд «клеверный лист» и прочая мишура.

Дорога летела под колеса с максимальной скоростью. Все устоялось – передо мной шел «БМВ» модели 2032 года, сзади поджимал «москвич-соточка» от китайского автопрома. Никто никого не обгонял.

Проскочили заправку, сошедшую с картинки – она так и зазывала завернуть на минутку и, конечно же, отстать на такое же время от остальных участников. Думаю, эта проблема возникнет несколько попозже – где-нибудь после Брюсселя, не раньше.

Вначале шестого я запросил связь с машинами и дал список, включивший четыре номера. Безрезультатно. Ребята приказали долго жить, не успев попрощаться. Я дал еще один список. Теперь в нем было восемь номеров. Снова никого.

Это уже не лезет ни в какие ворота. Ну, они же готовились!

Я подумали запросил «рено», базовый номер SD 444-781. Через пару секунд услышал голос Ирины:

- Юрка?
- Так точно, товарищ автогонщик мирового класса.
- Кончай издеваться. Ты где?
- Докладываю – в данную минуту нахожусь на трассе Париж – Брюссель, это где-то на севере Европы.
- Хорошо. Сейчас сама узнаю, – Ира Иванова отключилась секунд на десять.

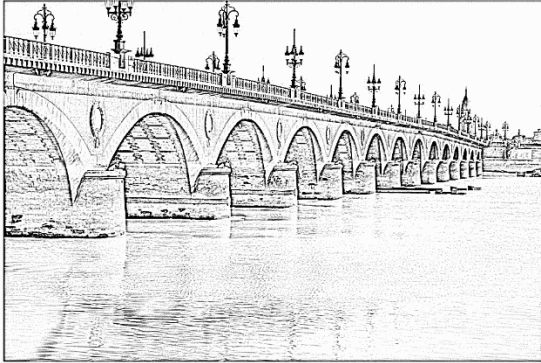
– Вздумал хвастаться, да? – в голосе прозвучали легкие нотки зависти, – Всего на девять минут впереди. Я тебя догоню.

— Ир, ладно тебе. Я просто так звякнул – как там погода на трассе? – конечно, вопрос был, что надо.

— А ты не знаешь? – она хмыкнула, – У нас в Европе круглый день идет дождь со снегом. И вообще, ты меня отвлекаешь.

— Прижимают?

— Так... чуть-чуть и иногда. Ты по делу али так?

— По делу. В трассе есть изменения – в районе Валансьена будем пересекать водный канал. Все легенды полетели вверх тормашками, а Диспетчер напрочь отказывает в информации.

— Да? Я не знала. Подожди, пожалуйста, – она снова отключилась. Теперь уже минуты на три. Я грешным делом решил, что девушка встретила свою судьбу на дороге, как ее голос вновь появился в эфире.

— Юрка?

— Да, девочка.

— Знаешь, м-а-л-ь-ч-и-к, – последнее слово она выделила, – Диспетчер молчит, как немой. Я не сумела выудить ни байта лишней информации. Ты что-то знаешь?

— Не больше твоего.

— Думаешь, там ловушка?

— Какой-то сюрприз задуман. Ни одного моста по всему каналу.

— Не может быть!

— Точнее, Диспетчер ничего не дает, А значит, их как бы и не существует. У тебя есть знакомые впереди?

— М-м-м... Да.

— Свяжись с ними, может что-то прояснится.

— Уже связалась – это ты.

— А еще?

— Ладно, — и мы отключились.

Я попросил Штурмана просеять всю головную группу, опережающую нас не меньше чем на минуту. Через десять секунд на экране появился список из трех могилевчан и двух парней из Бобруйска. Все незнакомые.

Через четыре минуты я сидел злой как могучий джин, заточенный в бутылке на миллиард лет. Какие хамы едут впереди! Из пятерых, двоих я с удовольствием послал бы на вечную каторгу. А остальных посадил в первый класс учиться сообразительности. Теперь нужно опасаться, что тревога, поднятая мною, растечется по всей трассе, и я потеряю преимущество. Точнее потеряют преимущество все те, кто думает головой.

Я связался с Ирой и попросил дать отбой. Она тоже ничего не узнала, какой-то парень из Минска под номером пять тысяч четырнадцать только запудрил ей мозги. Мы договорились поговорить попозже и расстались. Как не рассчитывать, а без точной карты можно придумывать легенду трассы до бесконечности, точнее, до переправы. За тридцать пять километров до Валансьена Диспетчер лично соединился со мной и совершенно бесцветным голосом предложил просмотреть карту маршрута, что я тут же сделал. И ужаснулся. Моста впереди не было. Только маленький паромчик на девять – десять машин. Штурман мгновенно сделал расчет – при ширине канала около двух километров, скорости парома в три с половиной узла максимум, понадобится примерно семь часов на преодоление водной преграды полноценной группы в сто машин.

Я растерялся и чуть не увеличил скорость до неприемлемой величины. Выиграет тот, кто попадет к переправе первым. Или нет? Мысли побежали со скоростью света. Вдруг нахлынула масса вариантов. Я едва успевал надиктовывать Штурману новые идеи – если

попаду во вторую группу, а если в третью? А какая площадка для въезда на паром – ширина, длина, возможность протиснуться вне очереди? А если объехать по ближайшему мосту? И вообще, давай-ка, наконец, сюда карту объездов в радиусе трехсот километров. Всего шесть мостов! А переправ сколько – нет, нет, самых обычных, там, где высота воды не более метра и дно твердое. Данные отсутствуют. А в радиусе восьмисот километров? Уже тридцать мостов? А где проложены тоннели под горами, и какие дороги идут поверху? Не ближе двухсот восьмидесяти километров в сторону Брюсселя?

Тогда я заказал расчет минимального времени объезда по каждому мосту или по дороге в горах. И попросил сравнить с проездом на пароме. Варианты: я в первой группе, во второй, и так по убывающей. Вай-вай-вай – чем больше знаешь, тем чувствуешь себя глупее! Компьютерная братия вываливала на экран сотни вариантов, в которых я давно запутался.

Ну что же, уважаемый Штурман, сделай сравнительный график лучших вариантов. В цвете, цвете, будь ты неладен! Да побыстрее!

МИГовцы добавили еще один страшный фактор – стремительно сокращающееся время, отпущенное на выбор вариантов. До переправы оставалось почти сорок километров, которые таяли наподобие снега в разгар знойного лета. Осталось десять минут. Потом девять. Потом восемь.

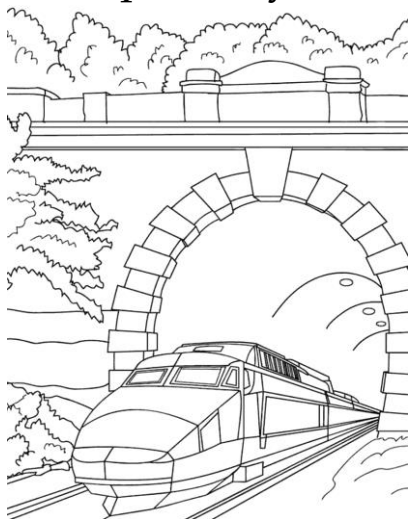
Я вспомнил Иру и вызвал через Диспетчера. Еще один сюрприз – пятидесятикилометровая зона оказалась отрезана, чтобы раньше положенного времени не допустить утечки информации.

Я уже не мог думать ни о чем, кроме парома. Семь часов!!! О Боже!!!

Кто-то из замыкающих группу стал уходить в сторону,

решив прорваться по одному из мостов. На ближайшем разъезде добрый десяток машин рассыпался в разные стороны, потом еще семнадцать из самых последних в моей группе. Когда мы выскочили на окружную дорогу возле Балансьена, то около двадцати гонщиков рвануло через город, а оттуда по мосту на северо-восток в сторону Лиля и дальше через горы с возвратом в Монс. Меньше двух часов объезда не существует. Причем в идеале. А так, лучшие варианты колеблются от двух с половиной до трех часов. Помоги им Железный Бог!

Осталось пятьдесят две машины. Я сразу прикинул – около четырех часов для самой последней десятки. Поэтому мы все летели, как снаряды, выпущенные из скорострельной гаубицы. При въезде на регулируемый перекресток произошла крупная авария. «Плимут» под английским флагом не пропустил бензовоз. Я был в пяти километрах от того места, а столб дымного пламени все еще подпирал голубое небо.

На предельной скорости миновали по мосту железную дорогу и пассажирский состав, направляющийся в сторону канала. Я позавидовал локомотиву и его возможностям. Через минуту мы были на переправе. Автомшины шли так плотно, что почти одновременно вливались на неширокую площадку возле воды.

Двигатели сердито ревели.

В азарте синий «бьюик» и белая «мазда» вылетели через ограждение. Машины с всплеском скрылись в темных глубинах.

Десять секунд понадобилось, чтобы до предела забить всю заасфальтированную площадку и подъездные пути к

ней. Я оказался где-то с краю, и свои шансы оценивал как средние – примерно третий десяток, а это потеря на переправу ста минут. Разрыв с первыми увеличится до нескольких часов.

Бывает, что не думаешь четко о чем-то конкретном, а просто чувствуешь выход из ситуации еще неизвестным для науки органом. Так произошло и со мной – безо всяких мыслей я вывернул на траву, подмял пару тонких березок и перебрался на полосу выезда. Наверное, окружающие приняли меня за сумасшедшего. А, скорее всего, решили, что еще один гонщик направился к ближайшему мосту за две с половиной сотни километров. Что ж, хотя бы в этом мне никто не мешал.

Через минуту я был над железной дорогой, а еще через одну – на самой дороге. К счастью, железнодорожная насыпь имела достаточную ширину, так что мне мешали только бетонные шпалы. Диспетчер не ожидал подобной наглости, и перед поворотом железной дороги в лес допустил заминку в анализе моей ситуации, за что получил три минуты штрафа согласно правилам соревнований.

Меня трясло как в бетономешалке, но я держал скорость на уровне ста километров в час. Лишь бы машина не развалилась.

Справа и слева пошла болотистая почва, потянулись лиственные деревца, чахоточные, как после химической войны. В стороне заблестели круги воды. Насыпь вдруг увеличила свою высоту, и где-то слева я увидел проплешину в зеленом массиве – от нее на буксире медленно отходил желто-коричневый паром с первым десятком машин.

Мост приближался с неотвратимостью возмездия. Мой «мерс» по-прежнему трясся в пляске «Святого Витта». Солнечное пространство под колесами вдруг разбилось на десятки черных полос, и я содрогнулся в нервном ознобе.

Все равно, что выйти без одежд на северном полюсе.

Происходящее имело чисто психологическую подоплеку, но, тем не менее, мое тело почувствовало усиление тряски. Как только я

попадал на тень от фермы моста, тут же казалось, что машину подбрасывает как-то иначе. Можно подумать, на дороге разлеглись невиданные животные из потустороннего мира.

Когда зеркальная лента с игрушечным буксиром у самого берега остались за спиной и снова меня окружили желто-зеленные деревца, я запросил карту данной местности. Железная дорога уходила вправо и ни разу не пересекала нужное мне шоссе. А первый переезд оказался лишь в пяти километрах от канала.

Я сильно вспотел, струйки пота стали пробиваться через импровизированную повязку на лбу, щекоча щеки и шею. Но, чтобы остановиться и протереть лицо – об этом не могло быть и речи! Совсем недавно в мою сторону прошел пассажирский состав. А так как это была однопутная, то скоро должен появиться следующий состав – он мог, как догонять меня, так и нестись навстречу на всех парах. Я обратился к Штурману за справкой, потом к Диспетчеру, но добиться внятных сведений о расписании поездов оказалось невозможным. Приходилось верить в себя и свою звезду. Я уже перешел на сверхзвуковые колебания, так как стрелка спидометра привалила к цифре сто двадцать. Точнее, она скакала на одном месте с такой же частотой, с какой тряслись обе ноги на одной педали газа. Руки замлели от дикого напряжения. Теперь я лишь надеялся, что смогу вписаться в минимальный интервал между поездами, существующий для данного перегона. И надеялся, что смогу выдержать его физически.

Переезд и состав появились почти одновременно. Насыпь имела все ту же высоту, что и возле реки. Я только косился на лесистые болотца в далеком низу. Съехать туда приравнялось к самоубийству. Состав стремительно приближался. За лобовым стеклом локомотива показалось удивленное лицо машиниста, сморщенное как у смеющегося Арлекина. Или машинист сообразил, или сработала автоматика, но тепловоз тормозил.

Я сжался в комок и поднажал еще – почти до ста тридцати. Лес выровнялся, мы неслись сквозь лесной массив. Тяжелый состав очень медленно останавливался, по инерции его тянуло прямо на переезд и дальше, нацеливая проутюжить всю дорогу чуть ли не до канала.

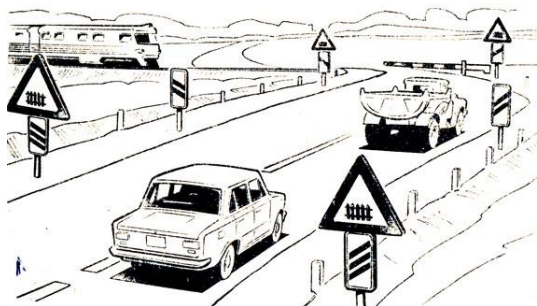
Я как загнанный заяц долетел до полосатого столба переезда, заранее притормаживая перед локомотивом, и юркнул в сторону. В тоже мгновение за спиной чиркнули два металла, машина вильнула, задела столб ограждения багажником и ее жестко бросило на придорожные кусты. Те мягко спружинили, меня тут же вернуло на дорогу. Тем временем состав неторопливо проскрежетал через переезд.

По привычке я жестко выжал газ, заставив автомобиль вильнуть наподобие собачьего хвоста, и рванул от переезда в лесную чащу. В стороны полетели комья грязи. Меня трясло – трясло руки, трясло ноги, мелко дергалась голова, где-то внутри гулко трепыхалось, сбитое с ритма сердце. Дорога позволяла держать прежнюю скорость. Правда, то, что летело под колеса, дорогой назвать было трудно – две утоптаные узкие полосы в гуще травы – не то просека, не то забытая с прошлого века лесная тропинка, которой и раньше-то пользовались не каждый день.

Со стороны железной дороги раздался близкий гудок локомотива. Похоже, испуганный машинист снова отправлялся в путь.

Я же летел вперед по наитию, с трудом ориентируясь по

карте, на которой существовали переезд и узкая линия, врезающаяся в круглое пятно небольшой деревни. И все.

Поэтому я свернул на просеку, потом на другую просеку, потом попал на заросшую тропку, уменьшил скорость до сорока километров, и вдруг выскочил к дорожной

насыпи. Это была моя трасса, но въезд отсутствовал. И все равно мне повезло, так как дорога на этом участке оказалась прямой как тетива лука, и с целью экономии металлический барьер вдоль обочины отсутствовал. Мне оставалось только включить передний мост и как танку, медленно вползти на полотно. Там я остановился отдышаться и осмотреться.

Я сыграл ва-банк, и риск оправдался. Когда Диспетчер выдал текущие результаты гонок – я безмерно удивился. Первый в списке.

Фантастика!

Правда, меня до сих пор трясло. Поэтому я дал команду Штурману проверить автомобиль и выполнить необходимые регулировки, а сам расстегнул шлем и припал к спасительной бутылочке с укрепляющей смесью. Она была приготовлена заранее – туда входил кефир, мед, хлопья овсянки, яичный желток и лимон. Этот старинный тибетский рецепт придуман для подобных случаев – для работы при физических и нервных перегрузках.

Тряска сделала еще одно дело – она взболтала все жидкие среды моего бедного организма, и некоторые из них просились наружу. Пришлось уделить время и этой проблеме.

Когда я снова устроился на свое место, Штурман все еще тестировал машину. Ему пришлось заново

отрегулировать подачу топлива, немножко тормоза и поджать семь болтов на колесах, а также восстановить три шплинта в рулевой колонке и заменить треснувшую тягу. В дополнение к регулировке я потребовал дозаправить машину из своего запаса в багажнике. Так я узнал, что одна из канистр с дизтопливом оказалась пробитой насквозь, и все содержимое вылилось по пути через две дыры, появившиеся в днище багажника еще со времени аварии молоковоза. Канистру я приказал выбросить и обработать багажник специальной смесью для адсорбции топлива.

Пришлось подождать. Это можно себе позволить, если преодолел канал за пятнадцать минут – минус три минуты штрафа Диспетчеру. Итого двенадцать минут, вместо двадцати при самом благополучном раскладе. Скучая в машине, я решил занять Диспетчера, и связался с Ирой – теперь она оказалась где-то ближе к побережью Северного моря, и мои советы ей не понадобились.

В семнадцать тридцать две я тронулся с места и попал в жидкий поток первых сотен. За шесть минут стоянки я получил номер 199, что считал не таким уж плохим промежуточным результатом – еще один подобный рывок (я размечтался), и чем черт не шутит, когда Бог спит.

Моя вторая группа растянулась до трех километров – наконец-то мы перестали напоминать сельдь в бочке. Ближайший автомобиль опережал меня на пятьдесят шесть метров.

Теперь я следил лишь за дорогой. А минут через пять началась кутерьма в эфире – со мной пытались связаться тысячи и тысячи. Началось с одного звонка, на который я не ответил. Потом попытались пробиться сразу пять человек, и пошел обвал. Я едва успевал кричать Штурману: «Не связывай». Потом я просто «громко» думал, а Штурман считывал сигналы мозга на мнемонические кристаллы и отказывал звонившим в соединении. А потом я и вовсе

приказал включить фильтр для всех автогонщиков без исключения. Кто-то быстро просек мое время прохождения канала, но маршрут оставался тайной, так как Диспетчер не уполномочен давать подобные сведения без разрешения владельца.

Я ехал в полной тишине по холмистой местности, изредка посматривая на горы в отдалении и слушая легкий звук мотора. Кроме этого, если что и шумело, так это кровь в сосудах, отдаваясь в ушах. Тишина и покой не мешали. Солнце сверкало и отражалось от моего капота – тогда я на ходу поменял цвет на темно-синий безбликовый. Колеса вращались сами по себе.

Мы проскочили пустую стоянку для большегрузных машин. Водители грузовиков заезжали сюда отдохнуть или подремонтировать машину. Внутренне я им позавидовал – после железной дороги тело все еще ломало как при ревматизме.

В том же порядке, что образовался после переправы, мы доехали до границы Бельгия-Германия, счастливо избежав заезда на территорию Нидерландов из-за изменения маршрута. Без проблем пересекли границу, и вкатились на территорию страны Финиша.

Вечерело. Солнце стало клониться к горизонту. Оно еще висело достаточно высоко, но тени удлиннились в два раза, и в воздухе стало меньше энергии – точнее, казалось, что свет стал каким-то скользящим и боковым. Теперь желтый шар светил со стороны спины, целенаправленно заваливаясь в Атлантический океан.

Голова отошла от звона, что появился в ушах после железной дороги, но теперь верхнюю часть черепа зафиксировало в металлических тисках, усиливая зажим с каждым километром. Уже в Германии я съехал на правую полосу и в небольшом потоке местных машин принял две сильнодействующие таблетки от головной боли. С трассы

не сходил.

Через десять минут полегчало настолько, что я обогнал три гоночных автомобиля и распечатал первую сотню. Я даже поставил Аве Марию Шуберта в исполнении Лобертино Лоретти и тихо получал наслаждение.

Лидеры менялись постоянно. Мне вдруг стало любопытно – насколько часто это происходило? Запросил расчеты и... удивился. От канала в голове колонны поменялось тысяча триста семь участников. Восемьдесят семь процентов из них погибли. Я глубоко задумался... Погибли на прямых участках трассы. Понимаю, что водители могли устать, их машины могли разрегулироваться, соперники поджимали и старались оттеснить их с трассы, да и в скорости себя никто не ограничивал. Но ведь разрывы увеличились до сотен метров между машинами в первых группах!

– Штурман, – сказал я, – какова вероятность гибели лидеров на отрезке от канала до границы Бельгия-Германия?

Машина, не задумываясь, выпалила:

– Стандартные семь процентов, плюс-минус один.

Я уточнил:

– Это теоретические проценты?

– Да, – сказала машина, – вероятность определена исходя из возможной ситуации и новой трассы.

– Тогда снова уточни по факту.

Штурман тут же бесстрастно выдал:

– Восемьдесят семь целых, двадцать четыре сотых процента, – и замолчал.

Я не успел ничего решить, как наступила ночь. Со временем было все нормально, просто гонки вошли в полосу ливня, и свет померк. Нас укутал мрак, завернутый в потоки воды. Вода хлынула и ко мне.

Через дыру на месте заднего стекла лилось как из ведра,

перетекало ко мне по полу, исчезая в отверстиях для педалей.

Я успел сбросить скорость до сорока километров в час, и потащился улиткой по черной полосе. И, тем не менее, место в первой группе сразу же сместилось на тринадцать номеров вперед. Кто не учел

специфику первых минут дождя, сразу же улетел в кювет или перевернулся. Я принял дополнительные меры безопасности – свернул вправо и поехал по крайней полосе еще медленнее. Так я избежал нескольких столкновений. В свете фар остались размытые силуэты покореженных до неузнаваемости машин.

Потом налетел ветер. Холодный, северный, он принес град величиной с грецкий орех. Теперь я не следил за остальными участниками гонок, а только вглядывался в развешанные в воздухе потоки непрозрачной воды, заполненные летящими сверху кусками льда. Весь мир исчез. Все машины включили фары, но я не видел ни единого огонька, ни впереди, ни сзади. Несколько раз порывы ветра тряхнули машину, пробуя ее вес. Колеса на мгновения ослабляли контакт с мокрой бетонкой, вызывая неконтролируемый ужас. Я чувствовал, как начинаю скользить в сторону обочины. Кроме того, вода прибывала в мою кабину быстрее, чем уходила через узкие щели возле педалей. Теперь ее уровень достиг щиколоток, что я прекрасно видел в зеленоватом свечении приборной доски. Щетки также не справлялись с потоками дождя. Мне это была месть за переправу, которую я обогнул так эффектно.

Теперь я пробовал воду со всех сторон. Я сидел в ней по уши.

Грохот одиночных градин перешел в сплошной шум, похожий на шум падающих с горы камней. И все эти звуки причудливо изменялись в пелене водопада.

А потом стало еще хуже. Появился поворот, метров через сто еще один, и вдруг дорога запетляла как козлиная тропа. Мы лезли куда-то вверх по очень извилистой кривой. Я бы сказал – по очень кривой кривой. Пришлось все время сверяться с навигатором, где красной точкой в унисон движению петляла моя машина. То слева, то справа чудились странные тени, периодически уступающие место черным провалам без дна и стен. Иногда фары выхватывали из темноты отдельные куски гранита, влажно блестящие в нескольких метрах от дорожного серпантина. Я только крутил баранку. Сверху вниз неслись плотные потоки грязной воды, ослабляя сцепление колес до нуля.

Ее Величество Время осталось у подножия горы. Мы двигались вне времени и пространства, так как эту мокроту пространством назвать мог только идиот.

Похолодало еще сильнее.

Дождь сменился снегом, а дорога покрылась твердой, как алмаз ледяной коркой. Теперь скорость не превышала двадцати километров. И все так же было одиноко, только периодически я встречал проломленные барьеры на крутых поворотах.

Шли минуты, из них слагались десятки минут. Музыка давно кончилась, да и не это мне надо – я включил радио и настроился на волну местной радиостанции. Штурман успевал переводить с минимальной задержкой, но ничего интересного там не оказалось. Даже про нас пока молчали, хотя это было сенсацией номер один, о которой говорили с самого утра по всем каналам радио и телевидения. Наверное, надо дождаться очередных новостей.

Я отключился от эфира и снова полностью сосредоточился на дороге. Мы уже поднялись на высоту трех с половиной километров над уровнем моря, а дорога все также задиралась в небеса. Мы достигли четырех километров, и четырех с половиной. И, наконец, заползли на отметку в пять километров. Двигатель стал чихать, как туберкулезный больной в свой предсмертный час. Из нас двоих, больше всего доставалось ему. Он страдал. Он умирал. Он работал через раз. Он дергался рывками, как неугомонный паралитик.

На вершине властвовал холод. Мертвящий воздух, отдав всю воду вниз, теперь забирал ее у машины, делая это единственным способом, который знал – превращая ее в лед. По лобовому стеклу поползли белесые узоры. Пришлось

включить обогрев кабины и периодически опрыскивать стекло теплой водой. Стараясь не замечать изменений, я продвигался вперед.

А потом мы покатали вниз.

И это оказалось таким же сложным делом, как и подъем. Точнее, еще более сложным. Земля тянула вниз, не учитывая поворотов. Я старательно притормаживал, и меня стали обгонять. На трех тысячах метров прямо на глазах какой-то швед не вписался в поворот, и его габаритные огни в мгновение ока сгинули в черном полотне окружающего пространства. Я неторопливо проскользил мимо, осторожно заворачивая за очередную скалу.

Лихачей нашлось много. Теперь гонщики торопились отыгаться на каждом прямом отрезке. Только поймать птицу счастья смог один из десятка. Несколько раз меня очень опасно цепляли. Я все ждал, что посветлеет, однако если немного света и присутствовало раньше, то теперь он как теплый воздух поднялся к вершинам гор и улетучился в космическое пространство. Подножие погрузилось в абсолютный мрак, густой как вишневый кисель.

Когда я добрался до двухтысячной отметки, часы в машине показывали «19.32». Задача оказалась вполне выполнимой – спуститься на три километра ниже, как я себе загадал. Ледяные узоры теперь уменьшились и лежали отдельными пятнами. Поэтому я загадал дальше – спуститься живым на равнину и снова попасть на евроазиатскую трассу. О времени не думать, время осталось по ту сторону горного хребта.

На отметке километр снова налетел ураганный ветер, сдирая жесткими ударами, остатки оледенелой корки с капота и ветрового стекла. Самое странное, что он нес с собой не воду, а мелкий снег. Снежинки, разогнавшись над дорогой до космических скоростей, вмиг отшлифовали автомобиль со всех сторон, содрав все лишнее.

В руках появилась предательская дрожь, снова заболела голова как после похмелья. Мой личный Финиш маячил перед глазами – в любой момент я мог выйти в тираж. После всех трудов на трассе – что может быть хуже?

Все когда-то заканчивается. Мы с трудом преодолели перевал, проехали еще несколько минут по холмистой местности и попали на свою дорогу. Пропали горы, пропал и дождь с темнотой. Катя по сухой бетонке не верилось, что в нескольких минутах езды полчище гонщиков насмерть сражается с природой и организаторами соревнований. Солнце еще не село. Слева от дороги расстилались стриженные под ежика желтеющие поля, с которых уже

успели убрать пшеницу. Справа на холмах зелеными пятнами лежали небольшие рощицы. И все это освещали оранжевые лучи заходящего светила.

Я свернул на обочину и быстро проглотил еще одну таблетку от головной боли, запив обычной водой. Рассиживать некогда, поэтому лечебные действия я провел в темпе быстрого танца и снова влился в вечерний поток автомобилей. Теперь нас окружали большие фургоны, ошетилившиеся десятками антенн. В этой стране они чувствовали себя хозяевами и особо не считались с такими как мы. Их полосой была та, которая им больше всего нравилась. А, как известно, на вкус и цвет товарища нет.

Жизнь странная штука, и законы у нее такие же, законы колеи – если попал в нее, то, чтобы выбраться, надо приложить усилий раз в десять больше. Иногда это хорошо, иногда – плохо. Так случилось и со мной – еще у границы я твердо попал в первую сотню, да так там и застрял, несмотря на чудовищный перевал и свою осторожность. Многие из тех, кто обгонял меня на дорожном серпантине, успели раньше, но только не туда, куда им мечталось – они просто перешли в категорию бывших соперников.

Тем временем мы миновали по окружной дороге Дормунд и оставили позади Дюссельдорф, проехав больше половины расстояния по гоночной трассе. Учитывая опыт первой половины маршрута, я не имел ни малейшего представления, сколько времени надо, чтобы попасть к Финишу.

За моей спиной произошла еще одна авария – белоснежный рефрижератор вдруг съехал на обочину и загорелся. Что-то произошло с его задним мостом и теперь там полыхало яркое пламя, затмевая солнце.

Минуты через три сзади меня появилась группа однотипных «фордов» М-400GK. Их было ровно пять и все

разного цвета. Прямо на капотах красовалась огромная эмблема, на которой были изображены те же «форды», стремительно вытянувшиеся в зигзаге молнии – размазанные капот и багажник создавали иллюзию скорости. Машины шли ровно и быстро. Они образовали ровную поперечную линию из четырех машин, впереди которой на безопасном отдалении лидировал пятый автомобиль. Я подумал, что водители выбрали весьма удобную позицию, даже идеальную, если дорога была свободна. Ни один из экипажей не мешал другому, а все вместе они могли устроить кого угодно. Корпуса машин после горных дождей блестели как на выставке.

Мне сразу стало интересно, как они обойдут меня, если, конечно, я им позволю. Как раз метрах в пятидесяти ехала колонна грузовиков-трейлеров вытянувшись километра на два. Их караван на удивление имел равную с нами скорость.

Первый «форд» долго не думал, он плавно сдвинулся на правую полосу и чуть ли не по обочине выполнил запрещенный обгон меня, а потом и грузовика. Остальные оставались за спиной.

Их лидер ушел вперед.

Внезапно белый «форд» увеличил скорость до двухсот шестидесяти – двухсот семидесяти километров и уперся бампером в мой багажник. Я почувствовал удар средней силы, словно шлепок по надоедливой мухе. «Что, черт побери, он вытворяет?», – я тоже увеличил скорость. Дистанция до трейлера сократилась до минимума. Машины отстали. «Они что, пытаются дать понять, чтобы я ехал быстрее или чтобы освободил дорогу?» – я не понимал, краем глаза поглядывая в зеркало заднего вида. А, подумав, взял и переключил экран Диспетчера на задний обзор, чтобы постоянно видеть, происходящее за спиной. Может связаться с ними по внешней связи?

Теперь четыре машины благоразумно маячили метрах в двухстах позади.

Я переместился на три четверти корпуса вправо, выглянув из-за трейлера, и посмотрел, свободна ли дорога впереди?

И тут трейлер встал намертво. Его тормоза визжали на всю окрестность, сдвоенные колеса замерли в неподвижности, а на асфальте остались прочерченные ими черные полосы. Машина уже заняла весь обзор, но я мгновенно крутанул руль вправо и вылетел на чистую полосу.

Я видел, как в это время из-под передних колес стремительно уходил первый «форд». Они разыграли все как по нотам. Я сразу это понял. Первая машина заходит перед грузовиком, в то время как задние автомобили заставляют жертву сократить расстояние, а потом лидер внезапно притормаживает. Трейлер встает как вкопанный, жертва тут же вдребезги, а отставшие машины-шакалы, обойдя место аварии, снова образуют свою группу. И ничего им не сделаешь. Они даже не заработают штрафных баллов.

Меня трясло как в лихорадке. Большое счастье для всех окружающих, что участники соревнований не могли применить автоматическое оружие.

У них ничего не получилось, но теперь я оказался окружен со всех сторон, и что делать не знал.

Белый «форд» был уже метрах в трехстах и обходил следующий грузовик. Вскоре он скрылся в отдалении. Пространство за моей спиной казалось чистым, и только четыре разноцветные акулы все так же маячили на экране заднего обзора.

Солнце опустилось к горизонту. Теперь оно подсвечивало в глаза через зеркала. Пришлось их отключить. Потом один за другим, мимо проскочили все

четыре «форда». Я ждал любого подвоха, но это был обычный обгон, если не считать, что машины проследовали по самой правой полосе, подстраховывая, друг дружку.

Машины ушли вперед. Это меня порадовало. Только километров через пять я осмелился пойти на обгон рефрижератора. Не сидеть же теперь в окопе до самого финиша.

Потом обошел следующего.

Снова авария – теперь уже где-то впереди. Когда мы подъехали к тому месту, горела «фура» и три легковушки, две из них оказались машинами гонок. На сером полотне дороги валялись рулоны туалетной бумаги и картонные коробки. Некоторые пылали огнем с кровавым отблеском.

Многие водители стали притормаживать. Два трейлера тут же свернули на обочину, а водители выскочили с огнетушителями наперевес и бросились вперед как в атаку.

Я осторожно обогнул затор и последовал дальше – к сожалению, все «форды» вышли сухими из того, что они сделали.

Пока мы забавлялись подобным образом, наступили сумерки – самое паршивое время суток. Уже плохо видно, но фонари совершенно бесполезны. Они только отвлекают.

Последние полчаса, когда снова стало до этого дело, мой номер в гонке колебался в пределах пятой десятки. Неплохо! И я решил сразу же после Ганновера выложиться на все сто процентов.

Самообладание, кажется, снова вернулось ко мне. По всей видимости, открывалось второе дыхание, потому что я вдруг повеселел и начал что-то мурлыкать под нос – не то молитву, не то мелодию. По трассе протянулись красные точки габаритных огней.

Я все ждал, что колонна уйдет в сторону, однако ничуть не бывало – не иначе как она направлялась в Берлин вместе

с нами. Своим присутствием грузовые машины вносили ощущение сплошного автомобильного потока, стремящегося к единственной точке планеты.

Улучив момент, когда трейлер с аббревиатурой «TIR» сместился на среднюю полосу, я увеличил скорость и пошел на обгон, внимательно всматриваясь в серую пелену сумерек. Фары постепенно обретали ночное зрение – теперь полоса просвечивалась на добрую сотню метров. Где-то впереди неслись «форды», я вызвал Диспетчера и просмотрел результаты – мой номер стал сороковым, форды – от двадцать девятого до тридцать седьмого с небольшими разрывами. Я решил, что данный порядок до Вольфсбурга, а может и дальше, лучше не менять.

Прошло часа полтора. Вольфсбург появлялся постепенно – вначале увеличилось количество населенных пунктов, они теснились вдоль дороги, создавая иллюзию города, но не успеешь привыкнуть к домам, как тут же все строения пропадали за спиной. Потом вдаль проявилось туманное пятно, которое быстро расширялось, превращаясь в море огня. Потянулись освещенные коттеджи. Они шли на протяжении многих километров.

К городу стекалось множество автомобилей, их поток стал гораздо плотнее, и приходилось внимательно посматривать по сторонам. На Вольфсбург я рассчитывал – у меня было ровно пять дополнительных вариантов, как проскочить напрямую по его проспектам и улочкам, увеличив свое время хотя бы до первой десятки. Все пять маршрутов я опробовал два дня назад и не пришел к выводу, какой лучше. На каждом

можно что-то выиграть, а что-то потерять. Ничего не решив, я отложил проблему до ключевой развилки на окраине города.

Часы на компьютере высветили «23.47». Я поймал отражение задней машины в своем стекле – ее фары отсвечивали двумя размытыми пятнами и я вспомнил об отключенных зеркалах. Мозг зацепился за эту мысль и тут же вытащил следующую за ней – давным-давно пришлось включить фильтр для связи со всеми автогонщиками и теперь переговоры велись только с компьютерами. Я уже забыл про это. Хотя, по правде говоря, одиночество не мешало. Отнюдь.

– Штурман, включи все зеркала и убери фильтр, – дал команду Штурману.

Компьютер безропотно выполнил команду. Фактически ничего не изменилось, но для рывка я решил подготовиться по полной программе. На всякий случай включил картинку лидера. Я тут же увидел, как он сменился – темное «Рено», уже подсвеченное рекламными огнями города, вдруг лихо вильнуло и вцепилось в переполненный рейсовый автобус. Может это плохо, но именно это я ему и пожелал за секунду до столкновения, настолько ситуация показалась логичной. Удар получился сильный и пришелся точно в заднюю площадку.

Принимать решение о маршруте мне не пришлось – совсем не желая, я снова оказался среди уже знакомых мне «фордов». Их стало четверо. Они снова шли единой группой, что помешало обойти авто на оживленном перекрестке возле огромного супермаркета, и я сразу же оказался в окружении недружелюбных машин. Пот мгновенно стал заливать лицо, я вцепился в руль, будто меня оглушили невидимым молотом.

Машины тут же стали брать меня в коробочку и через пару кварталов смогли окружить с трех сторон, оставив

неприкрытым лишь правый борт со стороны тротуара. Водители действовали синхронно – чувствовался опыт огромного количества тренировок.

Неожиданно первый чуть притормозил, а левый стукнул в дверь. Сзади плотно поджимали две машины, одна из них тут же наподдала в багажник, и мне ничего не оставалось, как резко дернуть руль в сторону и вылететь на тротуар, а оттуда врезаться в угловую аптеку на скорости за сто пятьдесят километров в час. Машина как шило прошла через огромное витринное стекло, заполнившее все пространство от тротуара до второго этажа здания, сбила трех посетителей, разбросала продавцов и прилавки и выскочила в проулочек через другую витрину. Я только успел выровнять машину, и поехал к ближайшему повороту, на ходу осматривая автомобиль. На удивление, меньше всего пострадал я – даже лобовое стекло полностью уцелело.

Теперь ближе всего оказался маршрут номер 3, так что обошлось без выбора. На четвертом повороте я вырулил на широкий проспект и снова увеличил скорость почти до предела. На меня давили три с половиной минуты штрафа за погибших, и хотелось эти минуты наверстать.

Согнувшись над баранкой, я слился с двигателем. Руки превратились в жесткие губки тисков, ноги гудели (особенно правая) как высоковольтные провода, ягодицы горели огнем, но я не потерял решимость победить.

Вот новый поворот. Вдали, подобно маяку светил очередной светофор. Я передвигался от поворота до поворота как сомнамбула. Все мысли ушли на покой.

Поворот, прямой отрезок до светофора, еще поворот перед носом у лимузина.

В сложившихся обстоятельствах я прошел город достаточно хорошо – в седьмом десятке, несмотря на крупный штраф. Не то на что рассчитывал, но все же...

Помог затор в центре города, в который попало большинство автогонщиков из разных групп.

Немного нервничая, я вызвал подробную справку по первой десятке, в которой пятое и седьмое места заняли «форды». Остальные, к моей радости, приказали долго жить. Просмотрев общий список с подробным указанием времени прохождения городского маршрута и баллы мастерства, я запросил данные по пятому и седьмому номерам – оба оказались поляками. Одному уже стукнуло шестнадцать лет, а второму только четырнадцать с половиной.

Я пожал плечами – не знаю, что это давало? Что эти ребята напоминали матерую стаю волков в период заключительной стадии охоты, было понятно и так. Возраст тем более не играл никакой роли.

Среди молодежи, кстати, достаточно много фанатов автогонок. Так было во все времена. Думаю, так будет и дальше.

Не знаю, как это случилось, но вдруг замелькала картинка с лидерами – будто ветер подул на раскрытую книгу, не торопясь, но основательно перелистывая страницу за страницей. Желтый пикап марки «шевроле» не вписался в поворот, за ним огромный корпус грузового автомобиля протаранил барьер на следующем повороте, а синий «жигуль» только появившись в кадре, тут же врезался в задний борт притормозившего грузовика «магirusа», и их развернуло на дороге. В небольшой, но спаянной куче-мала явно чего-то не хватало. Но об этом знал один лишь Автомобильный Бог. Он и добавил в ворочавшуюся кучу покореженного металла сначала 500-сильного «мана» модели 2030 года с грузовой платформой, заполненной строительными материалами, а за ним и норовистого «форда-шакала».

Я лишь периодически посматривал краем глаза на

правый угол монитора, где разыгрывались основные события в голове колонны, и, вероятно, поэтому пропустил на экране Диспетчера появление бетонного барьера и трудягу «рено». Но они сделали свое дело, уменьшив число претендентов на роль лидера, на пять машин. Туда им и дорога, особенно синенькому «форду». Губы сами сыграли похоронный марш.

Тем временем, я чисто прошел довольно крутой поворот, лихо обогнул грязную «мазду» с прицепом, прикрытым сверху гибким пластиком от дождя, и добавил немного скорости. Своей не ухоженностью «мазда» напоминала загулявшего на полгода, домашнего кота. Так, что брызги из-под колес моего «мерседеса» совершенно не отразились на внешнем виде машины.

Я медленно догонял спортивный «форд», когда неожиданно перед моим соперником вынырнула пухленькая мамочка с детской коляской. Женщина действовала совершенно по правилам, переходя дорогу под светофором на зеленый свет, появившимся за мгновение до этого.

«Форд» торопился, так как его догонял я. Поэтому через секунду коляска летела в одну сторону, упитанная мама – в другую. Удар был такой силы, что молодую женщину выбило из летних босоножек, и те, опережая хозяйку, унеслись на второй этаж ближайшего здания.

Ха-ха! Минимум две минуты штрафа. Так, что я приостановился на мгновение, а потом пересек пешеходную дорожку, набирая скорость. Шины визжали. Фары вырывали из темноты все новые метры трассы, а колеса тут же заглатывали живьем новое пространство, не пережевывая. Диспетчер добавил лишь пятнадцать секунд к моему времени, так как я нарушил только правила проезда уже пустого (!!!) пешеходного перехода.

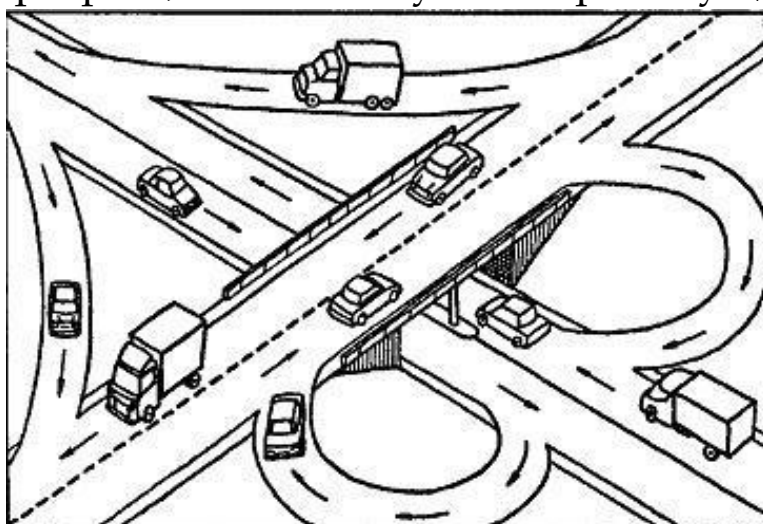
Коттеджи, сверкая пятнами многочисленных окон,

расступились и тут же остались далеко позади, превращаясь в месиво ярких точек. А мое место стало... мое место стало... Я не поверил Диспетчеру. Он что-то напутал. 235 это не правда!

Я разозлился и потребовал подтверждения. В какой-то степени я оказался прав. Диспетчер спокойно доложил, что мой «мерседес» переместился на триста седьмое место. Это надо было переварить. Пока же мелькнула шальная мысль – если переспрошу еще раз, он поставит меня в самый конец очереди.

Наша, уже бывшая головная колонна, влетела под мост и проследовала дальше, разгоняя тишину и мрак.

Вот она прореха! С кольцевой дороги, торопясь во всю мощь, один за другим соскальзывали парные световые точки. Похоже, многие свернули на окружную дорогу, относительно пустовавшую в этот час, и на этом выиграли – дальше, но быстрее. Я с досадой посматривал в зеркало заднего вида на то, как с небольшим промежутком с моста сворачивали автомобили. Теперь дорога превратилась в артерию, наполненную быстро бегущей кровью.

Мост остался позади, а я переместился на номер 517 в шестую группу.

Темп гонки резко взвинтился. Машины снова толкались на коротких участках,

длина первых групп, растянувшихся до города на километры, теперь составила несколько сот метров.

Атмосфера сгустилась. Из новой толпы лидером вышел гонщик из Кувейта. Но мне уже было все равно. Все

потенциальные лидеры находись в первой группе.

Я выругался на весь шлем. Теперь надо держать себя в руках и восстанавливать прежние позиции. По возможности, конечно.

Через час я вдруг понял, что не все потеряно. Вступал в действие фактор готовности к длительному соревнованию. Мы давно уже пересекли границу между Бельгией и Германией, миновали по окружной дороге Магдебург и спустились со стороны севера на равнину, оставив гористую местность позади. Я видел, как на ближайшую заправку вынужденно свернули сразу машин двадцать из первой группы. По прошествии десяти минут я снова вошел во вторую сотню. В этот ночной час внимание резко упало, что тоже сказалось. Через двадцать минут я ехал в середине второй группы под номером 147.

Лидеры вдруг стали слетать с трассы, как осенние листья с деревьев. К этому моменту я немного подкорректировал обзорный экран Диспетчера, расположив его точно по центру, несколько уменьшив размеры и сделав изображение прозрачным, и одновременно следил как за дорогой, так и за тем, что происходит в голове колонны.

В рассеянном свете фар лидера мелькнул дорожный знак, и я автоматически пожелал опередившему всех итальянцу врезаться в дорожный бетонный столбик. Что и было исполнено в ту же секунду. Не понял, как это произошло, но вдруг автомобиль налетел на препятствие и вылетел за пределы дороги, по пути проламывая металлическое ограждение.

Следующий гонщик утонул, когда попытался проехать через лужу. Та неожиданно поглотила машину по самую крышу. Только волна плеснула до широкой обочины. И пошли круги по черной, грязной водяной поверхности.

У меня создавалось впечатление, что картинка с

лидером вдруг ожила, стала управляемой, она пульсировала в унисон нашим мыслям. Когда мелькнул поднятый шлагбаум на железнодорожном переезде, я пожелал (подумал, почувствовал), чтобы полосатый барьер перегородил дорогу очередному выскочке, что и было исполнено. Но как, осталось совершенно непонятным. Просто шлагбаум прошел лобовое стекло, смял правую стойку кабины и улетел в окружающую темноту, вырванный с мясом. Машина же крутанулась волчком, и выскочила на железнодорожный путь, прямо под колеса товарняка или пассажирского состава. Я так и не понял, что там было.

Мы миновали уютный городок, расположившийся километрах в десяти от Берлина.

Я стал тридцатым.

Очередной лидер загорелся в кювете. Машина немного посветила в ночь, а потом с ужасным звуком разорвалась на мелкие кусочки.

Я стал двадцать девятым. Двадцать восьмым.

В Берлин я въехал двадцать пятым и практически на остатках горючего. По ночному городу можно было нестись, не боясь кого-нибудь задавить. Ведь штраф стал золотым – теперь он сразу мог лишить призового места. А нет людей – нет и штрафа. Точнее, теперь надо очень сильно постараться, чтобы получить хотя бы несколько дополнительных секунд.

Первые зрители появились через три квартала. Они кучками толпились за ограждением. Еще через пару кварталов народу прибавилось, а я передвинулся на восьмое место. Машины вылетали пачками. Стоило кому-нибудь попасть в аварию, и он тащил за собой всех окружающих. Очередной автомобиль не справился на повороте и попал на тротуар, заполненный радостно встречающими берлинцами.

Я переместился на четвертое место.

И, наконец, стал дышать в затылок норвежцу на бойкой «БМВ» с форсированным двигателем. Теперь этот пилот стал единственным препятствием на моем пути к финишу. Впервые я видел две одинаковых картинки – то, что показывал для всех Диспетчер на своем экране, то же мельтешило и за моим передним стеклом.

На последнем повороте фары высветили открытый люк посреди мостовой. «БМВ» не успела среагировать и попала левым колесом в огромный колодец, а я свернул на финишную прямую.

— Сколько осталось? — я кричал в азарте Штурману, хотя он все великолепно слышал своими чувствительными микрофонами.

— Пятьсот шестьдесят два метра, — тот был скупен в своей точности, как любой калькулятор.

— Давай отсчет голосом по сотням! На последнем отрезке включи отсчет метрономом по двадцать метров! — я хотел почувствовать шик победы. Именно шик, а не только ее саму. Я стремительно летел к финишу по прямой линии, выжав педаль газа до пола. Теперь ничто не могло меня удержать.

Триста метров!

Над трассой завис вертолет с телеоператорами.

Следующую сотню мы преодолели за 1,2 секунды. Примерно.

Стрелка спидометра уже завалилась за красную черту и строго стала на цифру 295. Это все что я мог сделать вместе с ним. Именно с ним, а не с ней.

Я хлопнул рукой по рулевому колесу, которого не было, и изо всех сил уперся правой ногой в педаль газа, которой тоже не было в природе. Игровой костюм тут же произвел полную имитацию всех движений так, что я в полной мере почувствовал, как педаль газа до конца ушла вниз и моя

пятка уперлась в пол, но все равно, несуществующая машина уже не могла выдавить ни капли дополнительных метров скорости.

Мы неслись в виртуальном пространстве, организованном транснациональной компанией «Мировая ИГротека». Огромный поток гонщиков со всего мира был весьма рационально разбит на группы по сто машин, идущих примерно с одинаковым временем, так что вкус борьбы ощущался каждым, и одновременно у каждой из этих групп существовала своя виртуальная реальность, не мешающая остальным, а Центральный компьютер, с понятным именем Диспетчер, следил, чтобы число участников в группе всегда равнялось сотне. На финише моя машина оказалась первой из самых первых среди всех марок машин даже после полученных штрафов. Фактически абсолютный победитель среди всех категорий машин. И теперь я ничего не боялся. Правда, я и раньше беспокоился только о двух вещах – не выбыть из соревнований и попасть в лидеры, а может и выиграть. Мы, сидящие в своих домах на всех континентах земного шара в игровых костюмах, могли врезаться куда угодно, и давить всех и вся. Погибший понарошку, выбывал из соревнований по настоящему, что было досадно, но не смертельно. Пропадали лишь триста долларов, внесенных за участие в первом первенстве мира по компьютерным автогонкам в режиме реального времени с полной имитацией маршрутов, окружающей обстановки и машин. Да еще каждый тратил баксов 50 за международную связь со штаб-квартирой корпорации в Париже.

Диспетчер нарисовал радостные лица болельщиков за финишной лентой. Я видел мужчин, женщин и детей всевозможных рас и, по-моему, даже эпох. По крайней мере, возле судейской трибуны нетерпеливо гарцевал рыцарь на лошади. И можно быть уверенным, что в данное

мгновение весь мир замер в ожидании у своих компьютеров и телевизоров, наблюдая за исходом беспримерных соревнований.

И внезапно пространство разверзлось...

Полотно дороги пропало, раскрывая бездонную пропасть. Или нет. Гладкую, как гладильная доска, бетонку, перегородил

замшелым камнем старинный немецкий замок. И лопнули шины. И река вышла из берегов, заполнив пространство от земли до неба. И лопнуло покрытие, вздыбившись как после артиллерийского обстрела. И взорвался встречный бензовоз.

И я летел в пропасть. Горел. Тонул, захлебываясь в илистой воде. Машина сминалась о камни, как пустая консервная банка. Мои кусочки, разносило взрывом на сотни метров округи. Корпус автомобиля молотило лопастями вертолета, пробивая кр...

* * *

Из газетной статьи Сергеева А.Г. «Взорванный мир – открытие всех времен и народов» в еженедельнике «Новости» от 15 августа 2037 года.

«... явление «КРИМ». Возможно, кому-то покажется весьма странным, но, будучи современниками величайшего открытия человечества, мы не в состоянии донести до потомков точные сведения о происхождении этого слова. Именно слова, а не самого физического явления. Последнее, правда, не менее скрыто от нашего понимания, но как говорят телеведущие – это уже другая история. Все затруднения имеют вполне объяснимую

природу – аббревиатура «КРИМ» возникла спонтанно и не носила официального характера. Поговаривают, что слово впервые появилось на одном из серверов в Интернете примерно через неделю после памятной и глобальной катастрофы, затронувшей самый центр цивилизованной Европы. В мире царили растерянность, недоумение и страх. Никогда еще мировое сообщество не стояло на грани поголовного безумия в подобном масштабе. Мир занес одну ногу за грань и балансировал на второй. Произошла совершенно невероятная вещь – центр Европы претерпел коренные изменения. Погибли десятки тысяч человек со всего мира. Примерно за 12 часов оказались нарушены все основные транспортные магистрали большинства европейских государств, появились весьма ощутимые затруднения в передаче радио-, теле- и телефонных сигналов. Сейчас уже известно, что лишь спутниковые системы не позволили полностью потерять связь с остальным миром.

Дала сбой система энергоснабжения. Уже к утру 15 августа было отключено одиннадцать атомных станций и пять гидроэлектростанций. В ночь на 16 число половина Европы погрузилась во мрак. Останавливались производства. В боевую готовность были приведены войска и части гражданской обороны. Биржи, как им и положено, отреагировали сумасшедшими скачками цен на все. Курсы долларов, евро, экю, рублей, йен и всего остального прыгали как зайцы, удирающие от погони. В те дни вынуждено ушло в отставку 21 правительство в различных странах – примерно 12 процентов из всех существующих на земном шаре. Автор совершенно не ставит своей целью описать известные каждому человеку последствия компьютерной игры «Мировые гонки», включая реальное появление «Виртуальных гор» и «Центрально-европейского канала». Цель в ином – напомнить

атмосферу, царившую в те дни.

Мир рухнул, чтобы больше никогда не вернуться на прежнее место. Привычные системы связи оказались разрушены, но жизнь ведь не остановилась. Газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет – буквально все переполняли эмоции и предположения о явлении, впоследствии названном учеными Резонанс Ментальной Энергии – сокращенно РМЭ. Оставшиеся островки Интернета работали на предельных режимах, как и уцелевшие линии связи. Вот с одного такого и выплыло слово «КРИМ». Кто-то упомянул работу Альфреда Коха, профессора Массачусетского университета «Критерии расчета имитационных моделей», положенную в основу технологии производства игр, подобных «Мировым гонкам». Если присмотреться к названию, то первые буквы и составляют искомое слово. Но тогда об этом не думали.

Примерно через месяц это слово уже было в ходу наравне с не очень произносимым РМЭ, а еще через несколько недель явление ментального резонанса стали называть КРИМом в газетах, журналах, оно кочевало по остаткам Интернета.

Слово стало официальным. Но его расшифровывали чаще как КРИтическая Масса, осознав, что для превращения мысли в реальность необходима

одновременная мыслительная работа в одном направлении не менее двух тысяч человек при одновременном же усилении сигнала кристаллами CR-4578В фирмы «Intelл», применяемых в игровых костюмах для отслеживания движения глаз и для считывания и расшифровки особо сильных сигналов мозга. Кристаллы – уже следующая

гипотеза происхождения «КРИМа». КРисталлы Intell Мыслительные – может неуклюже, но достаточно правдоподобно. Этой гипотезы, как не вызывающей никакого сомнения, придерживается огромное количество русскоязычных компьютерных фанатов.

А уже через полтора месяца газета «Известия» в статье Сергея Якубовского трактовала появление аббревиатуры «КРИМ» как звук, появившийся на финише при аварии лидера гонки из Беларуси Юрия Тюмина. Действительно, этот звук, или его подобие, можно четко различить при просмотре записи катастрофы на финише, кончившейся смертельно для гонщика. Именно там во всей полноте смогли записать вариант реализации ментального резонанса известный как «многомерный мир». Лидер взорвался, утонул, сгорел, упал в пропасть, и все это случилось одновременно. С одним объектом происходят совершенно разные, в обычной жизни полностью несовместимые вещи. Грохот ударов, скрежет рвущегося металла, звонкий шлепок о воду и из всего вдруг выделяется «КРИМ». Звук повторяется три раза, последний раз почти захлеб, и тонет в грохоте взрыва. Кажется, что это крик отчаянья. Это не голос человека, но в нем звучит тоска и печаль пропадающей надежды. По правде говоря, автор при подготовке статьи прослушал запись не менее пяти раз и в какой-то мере подтверждает написанное в уважаемой газете. Но только в какой-то. Звук похож, но доказательств, что именно он послужил основой для названия явления резонанса, не имеется. На взгляд автора – никаких.

И последняя гипотеза, которая достойна упоминания в общей группе наиболее достоверных. По достоверности, точнее, первичности появления, она стоит в самом конце, но автор выдвигает ее на первое место. Есть в ней некоторая философия, некоторое предостережение миру.

Скажем, есть в ней некое двойное, может даже тройное дно. И самое пикантное – неизвестно, что там спрятано. Это слово тоже мелькало на интернетовских серверах Северной Америки. В английском написании оно выглядело как «cream», что в переводе означает – крем, то есть, некая сладкая оболочка, вкусная и привлекательная.

Если заставить себя поразмыслить и дальше, то сладкая оболочка может скрывать какие угодно вещи, включая и весьма горькие. Не вызовет удивления, если окажется, что слово «cream» появилось

лишь как транскрипция на одном из многих человеческих языков, хотя и самом распространенном, уже указанных выше названий и не несет самостоятельной нагрузки. Может и так, но, несомненно, ментальный резонанс успел показать свою двойственную природу в применении к развитию человеческого общества. Последовала глобальная переделка основ мировой паутины известной как «Интернет». В настоящее время существуют чисто физические ограничения на одновременную связь более трех клиентов, а контроль за разработкой мнемонических кристаллов, применяемых в игровых костюмах, осуществляется на уровне контроля за испытаниями ядерного оружия. Человечество боится повторения. Измененный рельеф Европы в ближайшие годы, пока не будут проведены весьма опасные и длительные исследования в строительном деле, таковым и останется. При положительном результате открываются грандиозные

перспективы, идущие бок о бок с не менее грандиозными опасностями, превышающими разрушительное действие глобальной геологической катастрофы. Причем результат от «КРИМа» проявляется мгновенно.

В военной области и в рамках борьбы с государственным терроризмом...»

ЗЕРКАЛА

Что отражает зеркало
в пустой комнате?

У нее была великолепная попка. И вообще – девушка выглядела настоящей балериной и мне это нравилось. Взгляд как охватил ее стройную фигуру, так и не отпускал. Она вынырнула из соседнего здания, я даже знал, откуда – в девятиэтажном доме имелась пристройка – большой зал с широкими окнами и одной стеной закрытой зеркалами на всю высоту. Совсем как в балетном классе, но его назначение было несколько иным – там размещался клуб атлетической гимнастики «Атлант». Года три назад на наружной стене еще красовался огромный плакат с нарисованным атлетом, потом плакат убрали. Но, как и раньше три раза в неделю с шести до восьми вечера, по вторникам, четвергам и субботам за широкими окнами мелькали силуэты занимающихся спортсменов.

Сегодня был четверг.

Молоденькая культуристка неторопливо плыла вдоль нового дома в сторону автобусной остановки и со стороны казалось, что к нам на землю на один вечерок отпустили небесного ангелочка. Девушка гордо несла точеную головку, плечики были развернуты, она совсем не сутулилась и я этому удивился. Ее осанка представлялась идеальной – в эпоху засилья сидячих профессий такое

увидишь редко. Стройные ноги обтягивали черные колготки, а на левом плече висела легкая дамская сумочка с небольшой застежкой из желтого металла. И лопатки... это очень важно. У нее не было крыльев из лопаток, вся эта зона была плоской и красивой. Из организма наружу ничего не торчало. Все было совершенно по-спортивному.

Я шел метрах в пяти позади, а глаза отдыхали на идеальной фигурке. Что касается пропорций, то молодое создание выглядело настоящим совершенством и к тому же весьма сексуальным. Мужчины меня поймут.

Солнце уже завалилось за горизонт, но ночь еще не наступила – был тот промежуток времени, когда тьма борется со светом, отвоевывая свою территорию медленно, но неотвратно. Тем временем город наполнялся искусственным светом – включились лампы вдоль дороги, всюду заиграли неоновые вывески на магазинах, а из квартир ближайшего здания на тротуар упал первый свет.

Вот тогда я это и заметил. Мой взгляд в очередной раз оценивающе пробежался сверху вниз и замер на великолепных икрах, а так же...

Тени не было!!!

Не знаю, как я на это обратил внимание, ведь в тот момент смотрел не туда и даже об этом не думал.

НО ТЕНИ НЕ БЫЛО!!!

Свет свободно струился сквозь неплотные занавески квартиры первого этажа. Он заполнял вечерний воздух, проходил через тренированное тело (тело?) девушки и мягко ложился на то место, куда и должен падать в отсутствии прохожих. Происходящее выглядело настолько нелепым, что, даже заметив подобную дикость, пришлось потратить секунды три, чтобы осознать и еще пару, чтобы удивиться. Только после этого забегали буксовавшие мысли. Но даже тогда, еще не веря, я посмотрел себе под ноги – моя тень была. Не очень темная в вечерних

сумерках, но она уже двигалась вместе со мной по тротуару.

Туда... Вслед за...

Тогда у меня не нашлось слов, чтобы подумать – за кем.

«Кто она?»

«Точнее, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?»

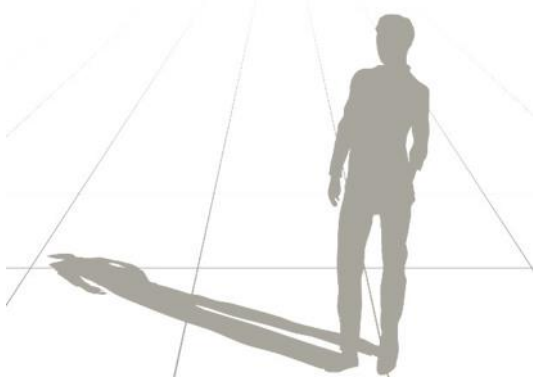
Наверное, в тот момент на моем лице появилось не самое умное выражение. Правда, надеюсь, что рот как у деревенского дурачка я не открывал. Хотя подобное было бы весьма простительным.

Темные спортивные туфельки с плоской подошвой без каблука медленно удалялись в сторону перекрестка, совершенно не производя шума. Девушка ступала мягко, как большая кошка, вышедшая на охоту...

«Может это бесплотный дух?» — что еще я мог подумать в тот момент?

«Или ее тень устала на тренировке и осталась отдыхать в спортивном зале?»

Ничего более умного в голову не приходило. Я просто продолжал двигаться, напоминая механическую куклу, у которой еще не закончился завод или не иссякло питание, и которая не предполагает когда и где это произойдет.

Мы дошли до угла длинного кирпичного дома, в котором жители еще считали себя новоселами, а я так и не пришел к каким-либо выводам. Из глубины сознания, как со дна огромного озера, всплыли дряблые останки каких-то псевдознаний – “Человек-невидимка” Герберта Уэллса (это явно не подходило); “Властелин мира” – это уже из немного наивного романа Александра Беляева – в нем перед героями появлялись видения, внушенные гипнотической

установкой (все это сказки, но я украдкой оглянулся назад – там было пусто, только какая-то женщина с девочкой лет десяти неторопливо двигалась в нашу сторону).

Но может надо мной висит НЛО, и я рассматриваю голографическую картинку инопланетян? Последняя мысль заставила взглянуть на небо – в вечерней синеве проклевывались первые звездочки, вдоль проспекта начинала подсвечивать ущербная луна, по форме похожая на ломоть спелого арбуза желто-белого цвета.

И это все, что я увидел.

А следующей мыслью была мысль о вампирах. «Женщина-Вамп», – так их, кажется, называют. Последние сведения не имели никакого отношения ни к книгам из моего детства, ни к популярным статейкам из бульварной прессы, типа: «Визит зеленых человечков в город N. День первый». Это все современные видеофильмы.

Я зацепился за мысль о видеофильмах, вампирах, фильмах ужасов... и неожиданно на голову вывалилось из Булгакова:

«... но над спинкою на полу не было теневой головы Варенухи, равно как под ножками не было ног администратора».

«ТОЛЬКО ЭТОГО НЕ ХВАТАЛО!»

Я на секунду замер. Но стройное создание из плоти и крови (я на это надеялся) казалось реальным и также реально направлялось по своим делам... и рожек я не заметил. Она ушла вперед, теперь нас разделяло метров двадцать – целая пропасть и, по правде говоря, мне захотелось ее увеличить еще больше.

Но, черт побери, одновременно ситуация была и архиинтересной. Возможно, данное чувство от самого дьявола, который не забыл вложить его в душу человека, когда Бог лепил свое создание.

Возле одной из витрин девчонка притормозила, что-то

там посмотрела, беззаботно отвернувшись, кокетливо поправила темные волосы и двинулась дальше. Мне же следовало свернуть налево и отправиться на автостоянку к своему «жигуленку». Он ждал меня с самого утра, более того, он ждал меня лишних два часа, на которые я задержался на работе и... я решил, что лишних десять минут машина потерпит.

Но каким надо быть осторожным!

Когда барышня на секундочку замерла у большого витринного окна, купаясь в потоках белого света, тени не было, как и раньше. Теперь я это видел совершенно четко. Ничего не менялось! В этом было что-то неправильное, и, в высшей степени, ужасное. Причем, меньше всего проблема тени волновала молодую девушку.

Открылась дверь магазина и на тротуар вышла пожилая супружеская пара – они не обратили внимания ни на девушку, ни на отсутствие тени. В этом была вся суть проблемы. Никому не было и не будет дела, пока его не ткнешь носом в асфальт под ногами. Меня же погубило любопытство и... у нее, действительно, была классная фигура, и походка тоже классная. Даже если она ведьма. Во внешнем восприятии это ничего не меняло.

Я миновал ту же витрину. Отражение в стекле казалось тусклым, не таким как в зеркале при подобном освещении, но мои растерянные глаза выделялись и там. Ко всему прочему, я нахохлился, напоминая взъерошенную курицу – моя мама всегда говорила, что по этой позе можно легко определить мое душевное состояние.

Тем временем, девушка без тени приблизилась к регулируемому перекрестку и остановилась. Светофор уже переключился на желтый, мигнул, и перекрыл движение красным светом. За спиной стройняшки стали скапливаться люди.

У девчонки оказалось простое лицо юного человека.

Можно сказать, оно было даже симпатичным, от него веяло молодостью и свежестью. Легкая матерчатая куртка с воротничком-стойкой, застегнутая под самое горлышко, давала девушки определенный шарм. И даже теперь, украдкой разглядывая неподвижную девичью фигуру, я ощущал гибкость, кошачью грацию и собранность, что дается от рождения или тренировками с раннего детства, и то не каждому. Почему-то это было очень приятным.

Светофор снова замигал красным, потом желтым и разрешил переход дороги. Народ двинулся к автобусной остановке, что была на той стороне перед огромным пустырем, сплошь покрытым травами и низкорослым кустарником. Я двинулся следом. Просто посмотрю, как она садится в автобус и... и тогда решу, что делать дальше.

Слишком все необычно.

Спеша проскочить перекресток на скорости пролетел тяжелый синий «форд», не обращая ни на кого внимание. Мы ступили на дорогу. В этом была своя интрига, я вел себя как разоблачитель шпионов из далеких детских игр – легкое движение, как бы случайное, до предела неуклюжее касание (если что – простите мэм)..., и я почувствовал! Не знаю чего я ожидал от этого, но мой локоть и моя кисть коснулись настоящей живой плоти. По крайней мере, она была осязаема, ее можно было потрогать, и с нею можно было столкнуться.

Что это могло значить? Я не знал.

Как и не знал, что еще можно было сделать с ее телом... или душой.

Поговорить можно? Нет, нет. Она мне не нужна, я только хотел поинтересоваться, куда пропала обыкновенная человеческая тень.

Остановка оказалась мечтой грабителя – практически она не освещалась, я видел лишь силуэт девушки в сгустившихся сумерках. Силуэт был, а вот тени

отсутствовали даже у нормальных людей, толкавшихся в ожидании автобусов.

ОНА НЕ ПАХЛА!

Только теперь, с самых задворков мозга, выплыла запоздалая мысль. Когда я стоял совсем-совсем рядом у пешеходного перехода, и вот теперь, в нескольких метрах за спиной, не ощущалось никакого запаха.

Не знаю, что за ароматы должны исходить от такой красоты – запах послетренировочного пота, если там у них отсутствуют душевые (в чем я сомневался); женской косметики, слегка осязаемой, может совсем воздушной, но реально существующей или просто одеждой – курткой, кожей дамской сумочки.

Подшло несколько автобусов. Остановка пустела, но девица не торопилась.

Может она такой родилась?

Маршруты оказались не ее. Последний автобус тронулся с остановки, бросив на нас свет из салона. Свет упал мне под ноги, пройдя через девчонку, но я не сказал бы, что тело стало прозрачным.

Спортсменка пошевелилась, я оторвал глаза от асфальта, и мы встретились глазами. Меня прожигали насквозь. В голове пронесли кошмарные мысли:

«Сейчас что-то произойдет – она отправит меня в преисподнюю или подойдет и прямо при всех перекусит яремную вену (это где-то возле шеи) и напьется досыта, или, наоборот, впустит в меня свою поганую кровь, как случилось в каком-то романе Стивена Кинга».

«Я сделаю вид, что ею не интересуюсь».

Почему-то я снова уставился в то место на асфальте, где должна быть тень.

«Боже, что я делаю?»

Я рывком вернул взгляд на прежнее место... Девушка смотрела туда же на асфальт... и понимающе подняла

голову.

Я все же что-то почувствовал, и с моей стороны даже было зарождающееся инстинктивное защитное движение.

Рука?

Нога?

Не знаю. Большая злая оса ужалила под самое ухо, свет уходящего автобуса мгновенно исчез, а в затылке разорвалось мегатонная бомба.

* * *

Боже мой, моя голова!

Кусочки серого вещества оказались рассеяны по всему черному полю, застилая круговой обзор и мешая смотреть. А рядом мычали: «Ммм-ммм-ммм», — тяжело, нудно и противно. Мне не нравилось. Звук вгрызался в черепную коробку, стараясь отколоть еще парочку небольших кусочков для черного поля.

Потом я открыл глаза, и звуки тут же прекратились, так как исходили из моих уст.

Я видел закат, теперь наблюдал восход, ночь же провалилась в неизвестность. Я ее просто пропустил, сам того не заметив. В затылке плескался жидкий свинец, а в шею воткнули большой тупой гвоздь и тот застрял в основании черепной коробки, успев пустить свои отростки внутрь головы.

И еще я замерз.

Стать на четвереньки оказалось проблемой, но я справился. Не сразу, но, в конце концов, все получилось.

Эта засранка с кастрированной тенью хотела меня

убить и у нее почти получилось.

Пропавшая тень уже не интересовала. Появились более серьезные проблемы – например, как встать на ноги. А также состояние головы и шеи. Да и с землей случились неприятные изменения – она превратилась в огромный магнит, и тот притянул мое тело к себе, как обычную пылинку из железа. Земля стала моим полноправным хозяином. Под руками похрустывала сухая трава и даже стоя на четвереньках, я умудрялся качаться как хорошо подгулявший матрос.

Или я оказался на палубе корабля во время шторма?

Но нет, где-то рядом была остановка. До меня доносился характерный шум (отходящего? подъезжающего?) автобуса.

Может того же?

Голова соображала очень плохо. Она стала напоминать большую картонную коробку со стеклянной посудой, случайно упавшую с последних этажей высотки. Любая мысль отражалась дребезжащим позвякиванием, и пыталась выбраться наружу прямо через кости черепа.

Внутри головы поселился колючий ежик.

И бронзовый колокол, треснутый и покрытый от старости зеленым мхом.

И мне было очень плохо! А внутренности вели себя просто отвратительно. Желудок дернулся несколько раз и меня вырвало. Правда, ничего путного не получилось – я только запутался в своих слюнях.

Она действительно пыталась меня убить!

Я помнил жестко сжатые в острую линейку губы и блеснувшие белки глаз, как у бешеной собаки перед последним боем.

Здорово она врезала!

Может в том клубе учат карате, а не атлетизму? Я вдруг снова превратился в организм с единственной функцией –

очистительной.

Но, Господи! Если бы это помогло снять боль в голове! Прошло никак не меньше половины Вечности, пока появилась способность встать на ноги. Рядом зеленела крытая остановка. Девушка не потрудились, как следует замаскировать бессознательное тело и только ночное время не позволило кому-нибудь наткнуться на меня. Я сдвинул рукав и вместо «Электроники-5» обнаружил раздавленное месиво в обрамлении металлического корпуса. Половина покореженных внутренностей высыпалась, а остатки походили на распотрошенное существо. Той даме можно вписать в счет и их. Конечно, если она принимает претензии.

По инерции, я пошарил по карманам и понял, что часы – не единственное неприятное открытие. Кошелек на месте не было, вместе с ним пропала большая связка ключей. Без нее я не только не мог воспользоваться своим автомобилем, но и попасть в квартиру. К счастью, меня никто не ждал в ней.

Два года назад я уже посеял огромную как у ключника, связку ключей и многие из которых пришлось в спешном порядке восстанавливать заново. Связок сразу стало две – одна моя личная, а вторая чисто рабочая. Как-то незаметно они слились в одну и разрослись до больших размеров. Та постоянно растопыривала карманы, иногда превращаясь в четки.

Со стороны я напоминал пьяного, но, тем не менее, вернулся назад и внимательно осмотрел место своего ночлега. Да, можно было не беспокоиться – вещи исчезли. Я еще немного пошатался на том месте, пытаясь сообразить который час показали бы мои часы, если бы уцелели. Судя по освещенности – шесть. Тогда услышанный автобус один из самых первых. Еще три часа и начнется мой рабочий день, но в контору мне нужно сейчас. После той памятной

потери связки пришлось долго высаживать дверь квартиры и теперь в верхнем ящике рабочего стола лежали дубликаты самых важных ключей. Все важные, кроме автомобильных. Дубли последних находились в квартире.

Моложавая женщина в светлом пальто осуждающе всмотрелась в меня возле магазинчика, где та ведьма вчера (!!!) прихорашивалась. Но это уже не трогало, мне было все равно. Я доковылял до входных дверей своей конторы и немного постоял возле ступенек. Свежий ветерок теребил волосы на чугунной голове. Легче не становилось.

По милости вчерашней дамы я мог получить сотрясение мозга.

Мне и раньше приходилось попадать в большие переделки – бил я, били и меня. Очень давно, еще лет в шестнадцать-семнадцать я успешно противостоял сразу троим уличным бойцам. Победителем я не стал, но и те не выиграли. Я знал толк в этих делах. Но чтобы вот так... с одного удара (фактически я его не заметил) какая-то дамочка смогла отправить меня на целую ночь в нокаут! Я даже не слышал о подобном. Меня вдруг прошиб пот, когда представил реакцию своих знакомых – они будут смеяться до конца своей жизни и за спиной показывать на меня пальцем своим детям и внукам.

Прошла пара минут. И еще раз пара. И я сделал несколько шагов по каменной лестнице наверх и толкнул тяжелую дверь. Та оказалась не запертой. В этот ранний час дверь действительно была открыта, как если бы

ожидала меня со вчерашнего вечера. На пороге я наконец-

то оглянулся назад и посмотрел под ноги. Тень лежала на своем обычном месте. В утреннем свете нечеткие отпечатки распластались по серому бетону, своим присутствием внушая, что не все так плохо, как могло показаться.

В вестибюле дежурил ночной сторож. Я его знал, но все равно понадобилось несколько минут, чтобы уговорить выпустить в контору, но даже сторожа порой смягчаются. Когда за спиной сомкнулись двери лифта, часы в вестибюле показывали «6:24».

Лифт дернулся и сонно пополз вверх, а мои глаза уткнулись в инструкцию возле панели управления. Так часто бывает – взгляд сам упирается во что-то подобающее моменту. В мелком тексте выделялись большие буквы – «ЭТО ОПАСНО». Мне следовало знать про «ЭТО» еще вчера вечером.

Ведьма понимала, что не дает тени. И еще, дамочка была категорически против, чтобы подобные интересные вещи рассказывали другим (по настоящему – «ЭТО ОПАСНО»). Насколько я представляю анатомию человека, прямо под ухом находится смертельная точка, и носок туфелька почти попал в цель. Теперь я чувствовал опухшую шею, как если бы по ней прошлись бревном. И вообще, надо быть снайпером, чтобы с одного раза уложить человека ударом ноги по шее.

Кабина замедлила ход, где-то заскрипело, я подумал о схожести наших состояний – я тоже поскрипывал, меня покачивало, ход был не таким уж и быстрым, и так же не тороплюсь, как и лифт при открывании своих дверей.

Первым делом пришлось забраться в шкафчик, достать электрический чайник, сходить в туалет, набрать там воды и поставить его кипятиться. Только после этого я плюнул на условности и вытащил из Натальиноного стола небольшое круглое зеркальце. Но оно мало что дало – я видел какие-то части лица, то низ подбородка, то один глаз, а второй не

вмещался, то кончик носа вырастал до размеров пирамиды Хеопса, закрывая весь обзор. Лишь правую сторону шеи не удалось рассмотреть.

Эта стерва ударила меня слева!

Похоже, именно по этой причине удар проскочил незамеченным. Ведь даже очень резкий замах как-то воспринимается, но когда его не ждешь..., и когда перед тобой сопливая девчонка, хотя и без тени..., и когда она левша...

Количество переросло в качество, которое меня свалило как быка на скотобойне.

Ладно, чайник пока не важен, пусть закипает, а мне необходимо привести одежду и лицо в порядок – вот что главное. Хотя бы хорошенько осмотреться – я еще помнил взгляд одинокой женщины, разбирающей глазами мое тело на отдельные части. И ничего сексуального во взгляде не было.

Я немного подумал, захватил полотенце и пошел к лифту. Мне необходимо было спуститься на второй этаж, где в мужском туалете висит огромное, в человеческий рост, зеркало.

Лифт так и не проснулся, он все также, дрожа и покрхтывая, спустил меня вниз.

По всей правой стороне шеи разлился большой припухший синяк, среди красноты четко выделялась темная область, куда попала спортивная туфелька. Я сделал примочку из полотенца и занялся одеждой. Серая куртка имела грязные пятна на спине – результат ночлега под открытым небом. Я скрутился в штопор, чтобы суметь все рассмотреть, не сообразив просто сбросить куртку, потом потянулся в сторону раковин и в таком положении осмотрел грязные брюки и туфли.

Я только увидел себя целиком, как снова попал в историю. Я развернулся к зеркалу всем корпусом,

полностью выпрямился и протянул вперед руки.

Я ПРОТЯНУЛ ВПЕРЕД СВОИ РУКИ!

И это «Я» было там, в зеркале, в царстве отражений. Но сам-то я так и не пошевелился, и оставался повернут спиной к зеркалу. А теперь и подавно меня сковал столбняк. Восприятие изменилось, время превратилось в медленно ползущую черепаху (по мне?), движение (там!?) стали замедленными и неотвратимыми, две знакомые руки приблизились..., вцепились в куртку..., две огромные хватательные пиявки рванули меня за отвороты одежды... **ТУДА!!!**

Помешал умывальник, о который я ударился, а резкая боль в боку и спине вернули на землю. Я дергался, упирался в белый фарфор раковины и визжал как поросенок.

У НЕГО была цепкость!

У НЕГО была еще ТА ЦЕПКОСТЬ!

Куртка сползла с тела и накрыла голову, но я видел перекошенное от напряжения и ярости лицо.

Мое лицо!

Оно жило своей жизнью!

И оно тащило меня к себе!

...И это не было сном.

Но кошмар все же лучше, чем подобная явь. Даже в самом страшном кошмаре когда-нибудь можно проснуться, хотя бы от собственного крика.

Мне стыдно даже думать, но в какой-то момент присутствие духа покинуло меня, я потерял лицо, тело билось в судорогах животного страха. И я немного обмочился.

Раздался резкий звук разрываемой ткани, я полетел на кафельный пол. Затылок с размаха въехал в белоснежную плитку, на время пропало зрение. Но это длилось не очень долго...

На той стороне рука отражения легла на левый край широкого зеркала, и существо неторопливо шагнуло ко мне.

Теперь в помещение был слышен лишь шум моего дыхания и звук его шагов.

Из оцепенения меня вырвал не страх, и даже не это, до боли знакомое лицо с двухдневной щетиной, а тень. Точнее ее отсутствие.

«Я» шагнуло от стены на залитое светом трех ламп пространство, а под ногами оставалось девственно чисто.

Это тоже не имело тени! И оно... шагнуло ко мне!

«Как мне хочется проснуться», — подумал я, — «пусть бы все оказалось сплошной выдумкой, или обычным плохим сном», — но, тем не менее, ноги к животу я поджал и прикрыл пах.

Еще шаг и «Я» нагнулось!

Ноги выстрелили, превысив по силе Царь-Пушку. Во всплеске силы сказала вся ярость, растерянность и леденящий душу страх, балансирующий на грани безнадежности или безумия. И еще там проявились две вещи – память о девчонке, что хотела меня убить. Ее рот, ее равнодушные до жестокости глаза, ее безразличие к моей жизни. И второе – «мое» лицо напротив, с таким же бездушием фиксирующее все мои движения. Лично я никогда прежде не замечал подобного выражения у себя в зеркале, да и окружающие не говорили про это. Все впечатления автоматически сложились в удар и тот получился.

Ноги попали в область грудной клетки, и если бы за спиной ожившего отражения оказалось зеркало, то тело летело бы до самого конца на той стороне и лопнуло от удара как переспелый арбуз. И только брызги усыпали бы окружающее пространство.

Но зеркала не было, «Я» отлетело в сторону раковин и в

узком пространстве туалета загрохотало как при горном обвале. Тело сбило несколько стоек, сорвало два умывальника. Они упали вместе со «мною» тем. Изображение даже вскрикнуло, как настоящий человек. Из сорванных кранов хлестануло водой. Она ударила в пол, разбившись на миллион водяных капелек, всплывающих по воздуху. Одна из струй, как в фонтане, взлетела под самый потолок. В туалете образовалась быстро растущая лужа. В этот утренний час напор в трубах был самым мощным за сутки и струи гудели как сопла реактивных двигателей.

Я судорожно вскочил на ноги, сжав руки в кулаки – изображение барахталось на фарфоровых осколках, тщетно силясь подняться. Оно гремело кусками раковин как костями.

И еще оно ругалось:

– Ты ударил меня, сволочь! Понимаешь, ты ударил меня! – там, в углу лежала кошмарная тварь, абсолютно похожая на меня, внешне совсем как я, а внутри... Внутри это и было той тварью. Она поднималась, отвратительно ругаясь и грозя:

– Я кастрирую тебя сейчас! Ты посмел ударить меня! Я сделаю это, – тварь-изображение совершенно не маскировалась, она была открытой и прозрачной, как только что вымытое оконное стекло. Все чувства выползли на лицо, исказив черты до неузнаваемости.

Это был не я!

Но ОНА хотела меня!

Я это сразу понял – она хотела меня, как умирающий от жажды странник хочет пить, и как сексуальный маньяк желает свою жертву.

И ОНА ХОТЕЛА МЕНЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!

Мы стояли как в бане, окруженные горячим паром. Зеркало запотело, но сквозь белесую пелену угадывалась наша комната, бьющая в воздух струя, ярко просвечивали

лампы на потолке, а меня не было. Помещение казалось совершенно пустым, там не было нас двоих.

— Иди сюда, сволочь! — тварь еще не успокоилась, ее руки призывно поманили к себе. — Ну, иди же сюда, — а ноги сдвинули такое знакомое тело к выходу и... пути отступления оказались отрезанными. Для этого ей пришлось пересечь несколько тугих струй. Тварь топала, мокро хлюпая по воде, и не обращая внимания на хлеставший кипяток, а взглядом ела меня.

Сердце бухало как в бочке, вода и пот заливали глаза, а голова раскалывалась от боли. Отчаянно хотелось не верить в то, что видел, в проклятый сон наяву, в химеру, вставшую на пути.

Тварь ухмыльнулась!

(Боже, неужели и у меня такая же похабная ухмылка!)

Она ухмылялась кровожадно и победно. А потом выставила перед собой полусогнутую левую руку, а второй ударила по локтевому сгибу. И снова ухмыльнулась:

— Выкуси-ка дружище, — голос твари перекрывал шум воды.

— Ах ты, мокрая курица, — я почти обиделся, — сама получи, — и ответил тем же жестом, но правой рукой. А ругаться так же грязно, как и та тварь, мне не хотелось.

— Ты — это я и ты не имеешь права на отдельную жизнь, — мой голос звенел от напряжения. — Уходи назад, — возглас поднялся над ревом воды. Я был похож на мальчишку, заклинающего свои детские страхи спрятаться под кровать.

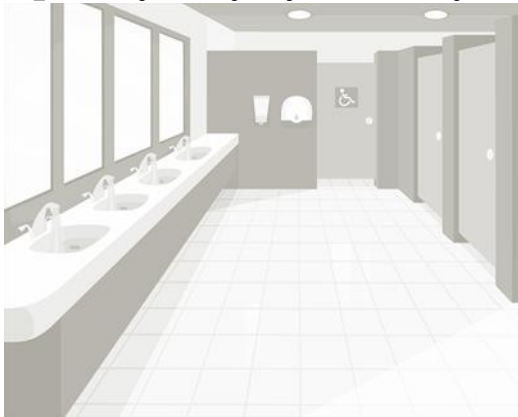
— Сейчас я тебя сделаю, — она просто проревела не своим голосом, перекрывая все и вся. Я не стал дожидаться продолжения. Просто как смог быстро метнулся в угол к осколкам раковины, туда, где только что беспомощно барахталась тварь. Большой, острый как кинжал, кусок фарфора удобно уместился в руках, я даже не почувствовал

острых граней. С яростным криком смертельно раннего льва, тварь (это не мог быть я!) бросилась в мою сторону.

Кошмарная мысль еще успела молнией проскочить через воспаленный мозг, эхом ударив изнутри так, что я чуть не выпустил свое оружие на ноги:

«А вдруг тварь живуча как сказочный Кощей Бессмертный и, прежде чем вступить в бой, мне необходимо найти ту иголку в яйце, в котором спрятана ее мерзкая жизнь. Вдруг осколок раковины ударит, не причинив вреда, и мое же изображение поглотит меня в одно мгновение. Господи, помоги мне здесь и сейчас!»

...и метнул острый кусок в летящую морду – со всей силы и с небольшим разворотом так, что самого потянуло в огромную лужу на полу.

Белый, мраморного цвета, осколок не подвел – он вошел прямо в лицо, издав громкий хруст. Удар оказался такой силы, что существо мгновенно опрокинулось навзничь и с шумным всплеском распласталось на плитке. Оно

по инерции пролетело-проехало-проплыло ногами вперед и чуть не сбило меня. Туча брызг разлетелась во все стороны. Теплая жидкость достала до головы.

Я схватил еще один кусок, а точнее целую половину фаянсовой конструкции, с гиком вздернул над головой. В черепе разорвалась очередная шутиха, а огненные мошки пронзили мозг до самого основания. И с размаху, с чувством проклятого облегчения, что ставлю точку в этом диком деле, и совершенно безжалостно опустил камень «себе» на голову.

Отражение треснуло с противным звуком взрыва воздушного шарика, треска упавшего серванта и визга

испорченной бормашины. В стороны метнулось что-то черное и потекло по окружающим стенам. Липкое и противное попало на щеку. В водяных испарениях комната дрожала, наполняясь туманом, мешая объективно оценить происходящее. И все же я понял – дрожал не только воздух, дрожала и черная субстанция, покрываясь паровой рубашкой. Черное нечто истаивало. Разбитое тело вдруг стало призрачным, совсем призрачным и исчезло, оставив после себя лишь одни воспоминания. Вода тут же сомкнулась на освободившемся месте, и волна достигла моих ног.

И это существо тоже хотело меня убить.

Вода стремительно прибывала. Скоро она зальет все помещение, переберется через порог и выберется на свободу. Но прежде чем что-либо предпринимать, мне следовало сделать одно очень важное дело. Еще оставались цельные куски фарфора, и я их использовал, вложив душу, надежду, гнев и отчаяние.

Сначала зеркало только треснуло, от угла к углу протянулась густая сеть морщин. Комната на той стороне попала в паутину и уже никому из нее не выбраться. Со второго удара на пол полетел добрый десяток осколков. Хрустальный звон давал удовлетворение и то, что оставалось на кафельной плитке, теперь было только серебристыми клиньями толстого стекла и ни чем иным.

Потом я потратил несколько минут, чтобы отыскать и перекрыть вентили.

ВСЕ!

И обессилено вывалился в коридор, оставляя за собой лужицы. Но закрыть плотно дверь я не забыл! Только вместе со щелчком замка пришло относительное успокоение.

Вода еще стекала, а коричневые туфли противно чавкали, отмечая каждый шаг. В царстве тишины, которая

бывает только перед началом рабочего дня, пока город не проснулся по-настоящему, я двигался со странными звуками, напоминая столетнюю улитку. Влажное причмокивание возвращалось назад измененное до неузнаваемости эхом, пугая меня самого.

МНЕ БЫЛО СТРАШНО!

Вот теперь мне было **СТРАШНО ПО-НАСТОЯЩЕМУ!** Пришла разрядка. Она барабанила изнутри в черепную коробку и норовила дать под коленки. Мокрая одежда противно прилипла к телу, разделившись на две половинки. Первая из них лунатической походкой, цепляясь руками за стены, двигалась к выходу, а вторая летела в бездонную пропасть – в паху образовалась тянущая вязкая пустота, а ягодичы сковал ледяной панцирь. Всю жизнь я не переносил качели именно из-за подобного состояния, и всякий раз не был уверен, что когда-нибудь попаду на землю.

Куда попаду сейчас – было под еще большим вопросом. Теперь в голове царил настоящий кавардак – от мыслей остались одни обрывки из фраз, сценок, звуков и кусков эмоций. А над всем царствовали какие-то шумы, более всего похожие на шум сорванных кранов или стенания неисправного унитаза.

Я медленно миновал приемную директора, пустовавшую в этот ранний час. Удалился на несколько метров от обитой коричневым дерматином двери и облокотился на стенку. Тут я замер секунд на десять. За мной остались мокрые следы гигантской лягушки, закрытая дверь в туалетную комнату (я три раза мысленно перекрестился) и тишина пустого здания.

Химер больше не было!

Они пропали вместе с разбитыми зеркалами. Даже изображение вернулось на прежнее место – при выходе мой профиль мелькнул на нескольких уцелевших осколках.

Сейчас я уже не был уверен в этом, поэтому тут же мысленно себя поправил – вернулась только часть изображения. Хорошо это или плохо я не знал.

Лифт открылся сразу же – он ждал меня здесь все это время как верный пес... или как яма-ловушка. Запоздалая мысль ударила в самое темечко:

«Зеркала!!!»

... и тут же отпустила – в кабине зеркал никогда не было. Я это вспомнил. Теперь передо мной открылась пустая панель с восемью круглыми отверстиями. Я восславил экономию и поехал на свой этаж.

Чайник энергично пыхтел белым паром, не громко посвистывая сквозь шум кипящей воды. Мне даже стало легче – я попал в привычную обстановку..., но на столе лежало круглое зеркальце..., и я не знал, что делать. Не разум руководил мною, а обычный инстинкт – чайник с кипятком тут же оказался в левой руке, а потом с оглядкой и осторожностью, как мину, готовую взорваться в любую секунду, пододвинул маленькое круглое озерцо, отражающее... Кого? Меня?

Я заглянул и чуть не выплеснул весь кипяток...

Руки дрожали и пытались опередить мысли. Я увидел себя с расстояния в вытянутую руку и... все было нормально, как раньше, как полчаса назад, в ту часть утра, между которой уже прошел серьезный водораздел.

«Мне нужно к кому-нибудь обратиться. Мне нужен собеседник, мне нужен товарищ. Возможно, мне нужен психолог или психиатр. Скоро здесь начнется настоящий тарарам. Будет не легче, чем в туалете перед зеркалами».

И еще я чувствовал злость и печаль – это существо научило меня убивать. Кем бы оно ни было, оно научило меня убивать, и это оказалось просто и легко. Я ведь даже почувствовал настоящее удовлетворение. Хотя я убивал не кого-то – я убивал частичку себя и в себе. Меня лишили

целомудрия, и я не мог быть благодарным за это.

— Мы еще разберемся с тобой, кто ты есть на самом деле, — я разозлился только теперь. — Мы еще разберемся, сволочь.

Я скинул всю одежду с себя – совсем как в детстве. Нагота не смущала – о том, что зайдет кто-нибудь из коллег – ранних пташечек, не думалось. Скинул и отжал в ближайшую урну, решив прибраться лужи на полу попозже, когда все закончится.

Оказывается, одеваться в мокрое гораздо неприятнее, чем сбрасывать белье – оно холодило, приставало к гусиной коже, и было просто мерзким, а куртка еще и оказалась с надорванным левым рукавом. Но той Химере досталось побольше.

А потом я сел и уставился на телефон.

Ну, вот и снова встал извечный русский вопрос: «Что делать?»

Куда звонить? В милицию, психиатрическую лечебницу, госбезопасность, друзьям или отцу в Смоленск? Как рассказать про королеву стройных фигур и про себя... и... мне пришла в голову одна мысль. Это надо проверить. Во имя моей веры в свою нормальность.

В шкафу висел чей-то летний плащ – по-моему, он принадлежал Володе Пахадне. В данную минуту сухая одежда была гораздо нужнее мне. Я сбросил куртку, надел плащ, осмотрел шкаф, потом второй, на полках которого валялись разбухшие папки с древними запыленными инструкциями и, наконец,

отыскал длинный металлический прут, которым пользовались, чтобы поправлять штору, и ушел, не закрыв кабинет. Все равно я должен сюда вернуться. По крайней мере, я на это сильно рассчитывал.

Дедок на вахте додремывал, а на первом этаже уже работали уборщицы, и я порадовался, что их не было видно ни на втором, ни на четвертом этажах.

Моя цель высилась в ста метрах от конторы – путь лежал прямо в спортивный зал. Утренний воздух охлаждал через влажную одежду.

Вчерашняя красotka вышла оттуда!

Возле подъезда находилась вывеска. На ней золотистыми буквами на черном фоне красовалось:

«Общежитие N 3 объединения Химволокно».

«Я лишь осторожненько посмотрю, что там, в зале и сразу назад», — я старался успокоить самого себя, но это не очень-то получалось. Сердце работало на повышенных оборотах.

«Я гляну, откуда вышла культуристка и вернусь», — рука нащупала холодную металлическую ручку и потянула на себя дверь. За ней оказалась еще одна. Открыл и ее. Вахта в здании отсутствовала, темно-синие, почти грязные казенные стены тянулись по бокам, окружая продолговатый коридор со ступеньками в центре, и упирались в лестницу и лифт, сразу же расходясь в стороны.

«Тут нет никого, мне пока везет», — подумалось с облегчением, — «и пока чертовщиной не пахнет, и серой не воняет. Это тоже важно».

Когда рука коснулась металлической ручки, пальцы дрожали от пробирающегося под одежду холода, от напряженных нервов или от того и другого вместе. Металлический прут я держал как шпагу вдоль ноги, стараясь его не афишировать.

«Куда я иду и что хочу найти?»

Полного ответа не было. Произошедшее еще не успело уложиться ни в голову, ни в сердце – произошло событие настолько невероятное, сказочное, без права существования в реальной жизни, что теперь в мозгах кроме обломков прежних представлений, колючих и может быть совершенно бесполезных, ничего не было. Но самое страшное – теперь пропали всякие критерии истинности происходящего.

Я не думал, что стал сумасшедшим, просто вдруг стал хорошо себе представлять, каково быть в их шкуре. Пока это было моим внутренним состоянием – окружающее об этом не знали. Но хуже всего было думать, что с ума сошел окружающий мир. Это уже серьезно. Полная картина так и не складывалась – мироздание слишком велико и фундаментально. Мы пришли в этот мир и также уйдем, а он, тем не менее, останется.

«Нет, не складывалось», – подумалось, несмотря на жужжащие мысли и желание понять.

Ступая по коридору и поднимаясь по боковой лестнице, выводящей на площадку к буфету, почте и спортивному залу, я шептал как слова молитвы:

«Сейчас мы разберемся. Сейчас все станет ясным. Сейчас... Сейчас... Сейчас... Господи, не дай мне пропасть. И дай мне проснуться».

Буфет работал с 10 часов, о чем свидетельствовала табличка и огромный замок на двери. Почта – с 8 часов и тоже была закрыта. Я не торопился, шел медленно, неся голову с засевшей в ней болью, как заполненный до краев сосуд, и судорожно сжимал блестящий, никелированный прут. Где-то возле выхода послышались голоса – гулко, не таясь, несколько раз стукнули входные двери. Люди уходили в день.

Вывеска «Спортивный клуб «АТЛАНТ» затормозила мое продвижение.

«Он должен быть закрыт», — подумал я и потянул дверь на себя. Та со скрипом открылась.

«Не заперто», — это был факт без комментариев.

Взору открылся узкий коридорчик. В нем было бы темно, если бы не полдюжины рваных отверстий, через которые проникал свет из спортивного зала. Рассеянные лучи с трудом выхватывали непонятные полосы на полу, что протянулись от изуродованных дверей в сторону раздевалок.

Не придя к каким-либо выводам, я осторожно шагнул внутрь, а в сознании отпечаталось: «Клуб открыт».

Через минуту я уже знал, что клуб не просто открыт — он открыт полностью. Все двери, выходящие в коридорчик, были не заперты — их просто прикрыли, но не закрывали на ключ. А внутри... Я... Я с трудом сдержал позывы к рвоте. Возможно, во мне жило ожидание чего-то подобного, но все же...

По левую руку шла раздевалка, теперь уже без разницы — мужская или женская. Тем, кто там находился, разделение на два пола было глубоко безразлично.

Они все были мертвы! И не просто мертвы!

О н и б ы л и у ж а с а ю щ е м е р т в ы !

Молодые тела стащили в одно место и бросили вповалку. Некоторые еще были в майках и в спортивных трусах. Глаза случайно выхватили из общей массы стройные девичьи ноги, обтянутые серым трико с потеками застывшей крови. Недалеко от входа лежал крепкий парень с развитыми до безобразия грудными мышцами и круглой черной гантелью, наполовину вошедшей под ребра. И над

всем стоял удушливый запах скотобойни.

Я заставил себя шагнуть в помещение и сразу ступил в сторону, стараясь не наследить.

Все нужно сделать до конца.

Глаза поневоле натыкались на разбитые головы, размолоченные чудовищной силой торсы, и искали ее. Я нашел свою королеву у зарешеченного окна – девушка разбросала руки в попытке обнять весь земной шар, темная юбка задралась, обнажив белые трусики. И только шея неестественно завернулась на бок так, что головка оказалась лежащей на плече.

Я подумал, что когда ЭТО случилось, она собиралась домой.

Я чуть не развернулся к выходу, чтобы уйти прочь. Я уже почти сделал это, но наконец-то в полной мере пробудились инстинкты, меня спасло чисто животное чувство опасности – за спиной что-то было, может просто предполагаемое, но в кровавой атмосфере любой знобящий ветерок был чувствителен и ошпаривал кипятком крайне ранимую плоть.

Я замер – позади что-то было, и я подозревал ЧТО! Мелкий бес противно нашептывал:

«Посмотри! Ну, посмотри же! Как ты можешь вытерпеть? Опасность встречают грудью, а не задницей. Ну, давай же!»

«Ну! Оглянись!»

«Будь мужчиной!»

Я до скрипа сжал зубы, и не спеша двинулся в сторону выхода, напоминая речного рака. В ушах стоял звон от непередаваемой тишины, только мое дыхание чуть-чуть вибрировало в вонючем воздухе. Несколько раз я поскальзывался на крови, не полностью засохшей под коркой.

«Господи, как мне хочется вылететь пулей наружу,

выплескивая по дороге остатки желудочного сока».

Снова зачавкала обувь. Несмотря на боязнь поскользнуться я смотрел только на оконную решетку.

Как неосмотрительно я вошел сюда!

Сейчас будет проверка капкана. Прут звякнул о стекло: «... стекло на двери! Но она же деревянная?!»

И с полным размахом, со злостью, с остервенением и с облегчением я врезал металлическим прутом по невидимому зеркалу, а потом стал двигать им как бильярдным кием. Стекло звенело, трескаясь и разлетаясь на кусочки, разнося тревогу по всему зданию.

Я не знал что происходит, но вдруг всеми фибрами души уверился в необходимости увидеть свое отражение. Только после этого оно полезет наружу, как это произошло в туалетной комнате.

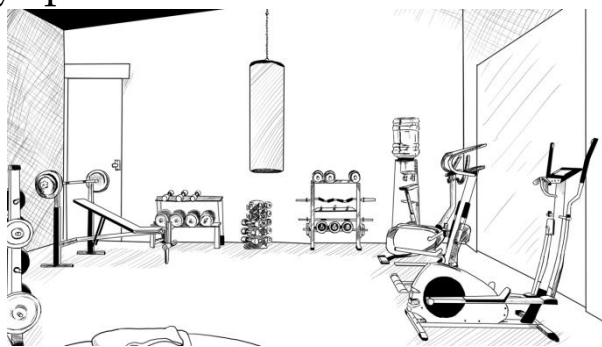
Еще несколько резких ударов наотмашь в полную силу и зеркала не стало.

В зал я не пошел. На этот раз меня так просто не заманишь в ловушку. Я только постоял на самом пороге. Все было понятно. Следы вели не в зал, а из него. Вчера вечером там произошла бойня – в центре зала стоял спортивный конь, залитый кровью. Между растопыренными ногами снаряда валялся огромный мужской кроссовок, еще вчера имевший белый цвет. У входа в зал бросили грязную изорванную тряпку, бывшую когда-то майкой. И по всему помещению тянулись к выходу кровавые полосы.

Я специально расположился таким образом, чтобы совершенно не видеть зеркал, тянувшихся на десятки метров вдоль одной из стен.

Увиденного оказалось достаточно, чтобы воображение дорисовало вчерашнее происшествие. Прямо во время тренировки что-то случилось. Я, как наяву, видел подтянутые фигуры с упорством выполняющие

упражнения.

Вот кто-то застыл на
тренажере, накачивая
тугой бицепс,
периодически
удовлетворенно
поглядывая в свое
отражение; вот девушка

качает пресс – лечь-встать, лечь-встать, потолок-зеркало, потолок-зеркало; а вот спортсмен между подходами идет вдоль зеркальной стены, восстанавливая дыхание. Одновременно он рассматривает изъяны и достоинства тренированной фигуры – плоский рельефный пресс, грудь атлета, ширину плеч.

И тут происходит ЭТО. Не понятно, как и почему, но ЭТО происходит.

Несинхронное движение по ту сторону зеркал. Еще одно. Никакого промежуточного перехода, никаких внешних симптомов, никакой ряби на зеркальной поверхности. Просто «спортсмены» с той стороны бросают свои снаряды, а некоторые, захватив гантели, как «ударный инструмент», перешагивают в клуб «Атлант» и число их на некоторое время удваивается.

Зал же работает. Зал не сразу замечает и тем более зал не сразу понимает. Они еще увлечены собою – до первых безжалостных ударов. Но и тогда первым чувством является растерянность. Все равно еще непонятно. Особенно тем, кто перед этим успел отвернуться.

Кто кого бьет?

За что?

Почему?

Откуда эти близнецы?

Наступает шок. Изображение дошло до мозга, но оказалось отброшенным, как не имеющее смысла –

сработал предохранительный фильтр. Они еще думали, что подобного с ними не может случиться – с такими крепкими бравыми ребятами. Их стальные мышцы готовы были снести любую преграду. Они привыкли к уважению. Да и как ударить себя! Себя же!

А близнецы ничем не пахнут, они просто отражения, все их усердие в зеркалах – одна видимость.

Хруст, звон, крики боли, визг девчонок...

Я отступил и тихо прикрыл поврежденную дверь.

* * *

Она так и не восприняла произошедшее. Ей все еще казалось, что это бред, что кто-то над ней насмехается. Недоверчивый взгляд превратился в блестящий кареглазый щит, за которым можно удобно спрятаться, завернувшись в мечты и надежды как в спасительный кокон. Девчонка в курточке просто не поверила в то, что видела – так было проще всего.

– Закройте шторы, – сказала молодая официантка в зеленом фирменном платье. На левом карманчике полоска картонки, запаянная в полиэтилен, гласила, что девушку зовут Аня Кузнецова.

– Мне это уже надоело, – она обращалась к мужчине лет пятидесяти с сединой в висках, выглянувшем в данный момент на улицу в окно, – они нас заметят.

Мужчина промолчал. Если молчание выражало несогласие с девушкой, то я был полностью солидарен с ним.

Где-то в центре города, отдаленно и дробно застучало.

– Калашников бьет, сволочи, – мужчина у окна ни к кому не обращался.

– Закрой шторы, – официантка взвизгнула. – Они нас заметят, – и неожиданно разрыдалась. Ее никто не поддержал.

Мы находились на втором этаже в ресторане

гостиницы, двадцать лет назад считавшейся самой комфортабельной в городе.

В зале стояло, сидело и ходило двенадцать человек, но лишь одна Аня оказалась работником этого заведения. Все ее бывшие коллеги теперь лежали в освобожденной кладовой на первом этаже и еще одну девчонку с кухни разместили в кабинете директрисы на мягком диванчике. У раненной было с полдюжины рваных ран на голове, проникающее ранение в брюшной полости и перелом правой ноги. Спокойная постель и небольшая перевязка – это все, что мы могли сделать для нее в наших условиях. Вот и весь персонал ресторана.

Меня занесло сюда совершенно случайно – меня и мою юную спутницу.

— Посмотрите, они возвращаются, — возле дальнего окна нервно вскрикнул молодой парень, похожий на студента. — Они снова везут их.

Почти все подошли к окнам. Большой МАЗ медленно полз возле самого тротуара. Если бы не хитрая конструкция на автомобиле, то, скорее всего, его приняли бы за мусороуборочную машину. Со второго этажа было хорошо видно, что на каждый борт подвесили зеркала, закрепленные в деревянных рамах. Но это было не все – человек пятнадцать окружали машину со всех сторон, напоминая странную похоронную процессию. Почти все были вооружены – некоторые несли палки и ломы, двое держали в руках охотничьи ружья. Дико и смешно смотрелась полная женщина с лопатой на плече – к ее нарядной одежде и золотым украшениям данное орудие труда совершенно не подходило.

Они ловили «ворон»!

Процессия сопровождала машину, но зеркал от прохожих не заслоняла. Все кто смотрел, еще раз увидели, как это произошло. «Видики» (такое название успело прилипнуть к нашим отражениям) шли перед машиной, когда из дверей ближайшего жилого дома вышла молодая пара. Парень нес черный дипломат, а девушка держала молодого человека под руку. Больше всего они напоминали счастливую парочку, вышедшую из дома только по необходимости. Девушка широко улыбалась.

Представительный мужчина-видик, похожий на начальника средней руки, подошел к молодой чете, остановился, как бы случайно преграждая дальнейший путь и заговорил, энергично жестикулируя руками в сторону машины. Обыденно и просто: «Ворона каркнула во все воронье горло», а молодой парень посмотрел на зеркала, что успели поравняться с ними. Девушка даже специально вытянулась, выглядывая через плечо мужчины.

И они увидели...

Новые «видики» шагнули в наш мир, а над тротуаром несколько раз взлетела лопата.

«Гады!»

«Неужели никто не поможет?»

«Бог ты мой!!!»

Женщины отвернулись. Я же досмотрел до самого конца – сжал зубы и досмотрел. Я хотел знать все, что происходит. Жизнь изменилась в одночасье, и приспособится тот, кто быстрее всех успеет разобраться в ситуации. Так я считал.

Трупы мгновенно прикрыли мешковиной, тут же откуда-то подкатил огромный трейлер и все сбросили внутрь машины. Лишь на асфальте появилось два новых темных пятна. И все!!!

— Мужчины! Надо позвонить! Есть же армия, есть же милиция, надо позвонить президенту, — какая-то женщина

завизжала изо всех сил. — Неужели ни у кого не работает мобильник? — мне вдруг показалось, что еще чуть-чуть и человек забьется в истеричном припадке.

Мужчина у окна успокаивающе буркнул:

— Здесь нет связи. Совсем, — и снова отвернулся к окну.

Женщина поперхнулась и выдавила последний крик:

— Где же вы мужчины? Может вам отдать наши юбки?
— ее никто не поддержал и та вскоре выдохлась.

— А если мобильный заработает сам? — неуверенно добавила моя спутница. И это был не вопрос, а скорее надежда, облеченная в слова. — Ведь может случиться такое? А?

Я промолчал.

— Я бы позвонила домой, и за мной приехал папа. Ведь дома будет безопасно? Да? — вопрос снова повис в воздухе.

Тем временем машина с зеркалами успела доползти до конца проспекта и свернуть в сторону драмтеатра. Я посмотрел на тротуар перед гостиницей — где-то под каменным козырьком дежурило три «видика» с зеркалом, которое они вынесли из магазина женской одежды напротив. Еще утром «Видики» бережно пронесли его через дорогу, напоминая заботливых наседок, решившись перевести яйца птенцов в более безопасное место. А вон там, слева, расположено ателье «Срочное фото». Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы не представлять как минимум несколько зеркал перед входом в фотолабораторию. Сразу же за деревянным зданием фотомастерской высился современный кинотеатр — закладываю головы всех присутствующих в данном зале, что зеркал там много — в буфете, в вестибюле, в туалетах.

А дальше по проспекту расположилось невидимое отсюда ателье высшего разряда по индивидуальному пошиву одежды, А еще дальше шли ЗАГС, фирменный магазин по продаже импортных товаров с зеркальными

потолками и два театра: кукольный и драматический.

И везде они есть! По-моему, человечество так любит себя рассматривать, что готово вывешивать зеркала повсюду, в каждом здании, в каждой комнате.

Я отошел от окна: «Женщина права, надо что-то делать, хотя бы попытаться».

— Хочешь пить? — спросил у своей новой подруги, если так можно ее назвать.

— Хочу.

— Пошли в запасники, заодно проверим, на какую еду можем рассчитывать.

Когда мы заходили на кухню, в зале кто-то спросил:

— Это конец света, да? — ответ я не слышал.

Погром на кухне устроили гораздо больший, чем в ресторанном зале. В когда-то большой кухне теперь казалось ужасно тесно из-за опрокинутых пятидесятилитровых кастрюль; очищенного картофеля, валявшегося горками в лужах воды начиная с самого входа; сбитых чудовищной силой трех вентиляционных труб, которые рассыпались на отдельные сегменты по всему помещению; груды битой посуды и опрокинутых столов, невесть как оказавшихся здесь. В дальней электроплите, вогнанный в металл почти по самую рукоять, торчал огромный кухонный нож. В дневном свете мрачно темнели кровавые потеки на когда-то желтой ручке.

Перед первой плитой бесстрастно блестела огромная лужа из смеси всевозможных растительных масел, в которой плавали осколки стекла с разноцветными

этикетками, а также там было с десяток красных солонок.

С трудом перешагнув через препятствие, и опасаясь

поскользнуться, сразу попал на белое поле из муки. Понадобилось несколько минут, чтобы перебраться через помещение длиною в двадцать метров. На выходе мы остановились, и я старательно обтер когда-то белым халатом обувь. О том, что тут происходило, я старался не думать. На лестничной клетке выстроились в один ряд запаянные в пленку упаковки с «Вейнянским родником». Я вскрыл ближайшую, достал бутылку апельсинового напитка и в два движения сорвал пробку. Напиток вспенился.

— На, подружка, — я протянул бутылку девушке. Себе же выбрал «Шиповник», посчитав его менее сладким и более полезным.

— По-моему, я столько никогда не выпью.

— А ты по потребности. Не сколько можется, а сколько хочется. Пользуйся моментом, пока коммунизм не закончился.

— Какой коммунизм? — она не поняла иронии.

— Бесплатный, — не хотелось говорить банальности, но приходилось.

— А когда нас спасут?

— Кто?

— Ну... милиция.

— Не знаю, — слово «никогда» с трудом удержалось на языке. И не потому, что я боялся испугать ее — я боялся испугаться сам.

— А я не верю в них, — она сообщила об этом как о великом открытии, носик ее задорно вздернулся. — Я каждый день смотрюсь в зеркало дома. Такого просто не может быть, — она нелепо хихикнула.

Мне оставалось только приложиться к своему «Шиповнику», бульканьем пытаюсь заглушить грустные мысли. Наверное, подобных невер еще очень много, но с каждым часом их становится все меньше и меньше. Самое

страшное, что в этом не их заслуга.

А милиция...

Я не выдержал ранним утром, вернулся из спортивного зала и позвонил в отделение милиции. Вкратце я рассказал почти все про зеркала и спортивный зал. Себя не называл. Через десять минут за мной приехали – ровно в восемь ноль три. Я столкнулся при выходе из конторы на своем этаже с милицейским нарядом и был поражен их оперативностью. Только тогда запоздало пришла мысль об определителе номеров.

Они вошли, по-хозяйски шныряя глазами по всем углам, и настойчиво оттесняя меня в глубину комнаты.

– Ты звонил? – штатский не церемонился.

– Куда? – к сожалению, мое лицо совершенно не соответствовало наивности слов. Даже без зеркала я это чувствовал.

– Он еще спрашивает, – штатский уже внимательным взглядом осматривал мою мятую и мокрую одежду.

Только шок от невиданных событий и неожиданность встречи не дали объективно оценить обстановку в те мгновения. Но когда до меня наконец-то дошло, я уже шел с двумя сержантами, лейтенантом и штатским по направлению к лифту – для дачи показаний, как мне объяснили.

«Они приехали очень быстро».

Мысли прыгнули дальше:

«И меня ведут как преступника, чтобы не удрал».

И снова маленький прыжок:

«... и оружие с ними...».

И уже не прыжок, а логичное завершение простой мысли:

«... на правом боку».

«...?!».

«Как у немцев в отечественную войну...»

«????!!»

Я на секунду замер, и сержант грубовато подтолкнул в спину:

— Пошли, пошли.

«... а мундиры у них женские. У мужской одежды борта пиджаков накладываются друг на друга слева направо, а у женских наоборот – справа налево... как у этих полицейских. Так и должно быть у отражений».

И тут же вспомнил – они были левшами! Все!

До единого!

Я помнил жесты, я помнил ручку в левой руке. Глаза уже безнадежно нашли то место, где должна была бы лежать слабая тень от дневного света. Конечно же, ее не было.

ГРАЖДАНИН

ПРОЙДЕМТЕ!

Я ощутил себя смертником, бредущим под конвоем в последний путь. Часы в конце коридора показывали десять минут девятого, уборщицы уже ушли, вахтер внизу должен был сменить сторожа, примерно через полчаса появятся и служащие. В тишине гулкие отзвуки наших шагов ввергали меня во все большую растерянность. Даже мой отчаянный крик был абсолютно бесполезен и даже смешон.

Я о многом передумал, подходя к лифту. Тот возник прытко, как подкативший из-за угла черный воронок, двери с тихим позвякиванием разошлись, и мы вошли в кабину всей компанией. Они были спокойны и уверены в себе, они выглядели по-деловому, внушительно и удовлетворенно – птичка сама прилетела в сети.

Куда меня везли?

Я уверен, что к ближайшему большому, во весь рост зеркалу. Может быть, мы даже ехали в клуб «Атлант».

Желтая цифра 4 сменилась на 3 и уже готовилась вспыхнуть цифра 2, когда меня осенило. Мысль казалась скользкой и необычной, но при этом была простой и невероятной. И я поверил в нее сразу и безоговорочно. На проверку нужны были мгновения. Для верности я еще обмозговал весьма оригинальную идею. Я думал над нею все то время, что лифт ехал через второй этаж. Я думал и рассматривал своих спутников. Лейтенант стоял возле пульта управления – когда-то это был молодой крепкий парень. И таким же было его отражение. Не менее опасными казались и два сержанта. Одного возраста с лейтенантом, они смотрелись не менее внушительно, причем стоящий слева и чуть позади меня был несколько тучноватым, но полнота его представлялась спортивной – так набирают вес бывшие борцы и штангисты, неожиданно бросившие заниматься спортом, но не умерившие свой аппетит. Среди них штатский казался посторонним человеком среднего возраста и неопределенной профессии. Теперь я не мог поручиться, что он тоже из милиции. Он спокойно стоял спиной ко мне, заслоняя собой выход.

Страх пропал. Под потолком неярко светила единственная лампа дневного света, что казалось достаточным минимумом для небольшой кабинки. И то, что она единственная, сильно облегчало задачу.

Еще раз, мысленно восславив экономию ламп, и сделав в уме глоток «Шиповника» за здоровье коменданта здания, я пожелал нашей Елене Антоновне удачи. Пусть ее хранит Господь от ее же отражений в зеркалах! Как наяву я видел движение лифта, переваливающего через второй этаж. При этом я чувствовал каждый сантиметр пути. Лифт еще двигался где-то между этажами, но было пора.

Резко выпрыгнув вверх, я ударил правым кулаком по... лампе, а левой по световым индикаторам. Я не хотел лишиться зрения, поэтому предусмотрительно прикрыл

глаза. Длинная белесая трубка легко лопнула, просыпавшись на пол, на волосы, на наши лица, острые осколки обожгли ребро ладони, а костяшки на правой заныли от тупой боли. Везде погас свет, даже в указателях этажности, о чем я беспокоился больше всего.

Кабина погрузилась в темноту.

Нас будто бы окунули в черную тушь, изолировав от остального мира. Но этого было мало, точнее, могло оказаться мало. Я ничего не знал, я только надеялся и верил, и поэтому бросился на дверь, расшвыряв мешающие тела. Штатский отлетел в сторону как замешкавшийся индюк, понапрасну возомнивший себя хозяином местного курятника. Это их всех и погубило. Гордыня ведь никогда не помогает по-настоящему. Мое тело распласталось на двери в попытке поймать любой отблеск света снаружи, а спина ожидала потока яростных ударов, способных с первого раза переломить позвоночник. Я вжимался и ждал, ждал, ждал...

Лифт дополз до первого этажа, нервно дернулся, раздумывая о чем-то своем, медленно-медленно подобрался к определенному месту, добрав недостающие сантиметры, и судорожно раскрылся настежь.

Я обессилено выпал на площадку первого этажа. Вывалился и оглянулся – меня никто не преследовал. Причина была проста – кабина опустела. Ведь отражений без света не бывает, о чем им надо бы помнить всю их недолгую жизнь.

Я сразу свернул направо и пошел по длинному коридору до дверей женского туалета. Туалет небольшой, поэтому и больших зеркал тут не было. Урной вышиб окно, грохоча на весь квартал, и быстро покинул здание, оставляя небольшие пятна крови на подоконнике.

Теперь у меня есть маленький секрет, словно я превратился в фокусника, показывающего коронный

номер с исчезновением на дьявольской вечеринке. Боюсь только, что придется напрашиваться, не ожидая персонального приглашения. Эпизод в лифте подействовал как легкий наркотик, вызвав эйфорию по поводу быстрой победы.

Через несколько часов я уже так не думал. При свете дня надежды рассеивались с каждым встречным человеком – вот странный шофер-левша с обручальным кольцом на левой руке подъехал к остановке на автобусе номер 8.

«Куда он вез пассажиров?»

А вот, на секунду притормозив у светофора, через перекресток проехал мотоциклист. Красный шарообразный шлем полностью закрывал голову. Мои глаза уже автоматически поискали подобие тени на дорожном покрытии – ее не было не только у седока, она странным образом исчезла и у мотоцикла.

Неужели это вижу я один?

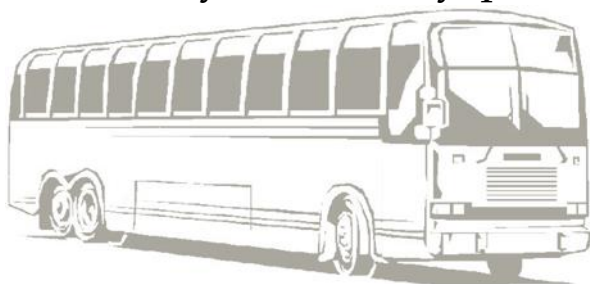
Эта мысль не покидала все утро. Она превратилась в пиявку, непостижимым образом высасывающую жизненные силы. Она отнимала уверенность. И вообще, утреннее состояние было достаточно нервным. За одну ночь я превратился в изгоя в своей стране, в своем городе, на своей работе.

Они будут меня преследовать, пока не заменят изображением!

Я направлялся домой, судорожно вспоминая, где и какие зеркала висят в моей квартире. Прежде всего, в туалетной комнате; в стенке в двух местах – за дверцей бара и за стеклянными дверцами отделения для посуды; в шкафу для одежды, с обратной стороны двери. Есть еще зеркало-шар, напоминающее свернувшегося ежика, но без иголок.

Примерно в тот момент я и увидел первые автомобили. Они были разные – это мог быть автобус с занавешенными

окнами, будка для перевозки людей, или огромный грузовой фургон с цветными надписями снаружи, не соответствующими внутреннему содержанию.

Их объединяла не принадлежность к автомобильному парку – все они были закрыты и то, что происходило внутри, с улицы не видел никто.

Нельзя было перепутать такие машины с чем-то другим – их всегда сопровождали загонщики. Они даже выходили на проезжую часть и неспешно двигались вслед машинам. Правда, стоит признать, что с утра они еще таились, стараясь заманивать людей скрытно.

Они всегда обманывали, обещая больше, чем могли дать – отражаясь в зеркальных плоскостях, они обещали рассказать всю правду о нас. А на самом деле все оказалось грубой ложью. Они совсем другие, под нашей наружностью хранилось бездушное нутро, а зеркала отражали одну оболочку.

Скрытность на улицах закончилась часа в три – похоже именно к этому моменту они нас перевесили. Теперь прятаться следовало не им. За каких-то полдня мы поменялись местами. Отражения загоняли нас в угол по-настоящему и... навсегда. Такая мысль засела в голове острой занозой. Но то уже было после обеда, а тогда утром все только начиналось по-настоящему.

Где-то на Пушкинском проспекте я торопливо вынырнул со двора на тротуар и чуть не столкнулся с мужчиной средних лет в плаще и осенней шляпе. В отдалении в нашу сторону медленно полз старенький Маз. Я замер, рассматривая странную процессию, что неторопливо шла параллельно автобусу. До них оставалось еще метров двести. В тот момент я увидел, как

разношерстная толпа поравнялась с несколькими студентами, явно направлявшимися со своими тубусами на занятия. Завязался короткий разговор, после которого пять человек двинулись в сторону открытых автобусных дверей.

Они вошли внутрь.

Я сразу обратил внимание на плотные занавески из серой невзрачной материи. Они были на всех окнах, кроме лобового стекла. Со своего места я успел рассмотреть, что салон со стороны шоферской кабины аккуратно завесили куском плотной материи, и с улицы было невозможно определить, что происходит внутри. Но к этому моменту я уже о многом подозревал.

Мужчина на тротуаре сравнялся со мной и остановился, внимательно рассматривая мое лицо. Я решился и потянул его за рукав:

— Идемте со мной, только быстро и не шумите, пожалуйста, вы в опасности, — слова напоминали дешевенькую реплику из третьеразрядного детектива. Но так получилось.

Прохожий посмотрел мне прямо в глаза. На его лице что-то отпечаталось – какая-то мысль.

— Куда вы меня тащите? — визг поднялся до средних высот. Теперь я четко видел выражение лица – «Я-тебя-не-боюсь-не-трогай-меня». Существа возле автобуса как по команде повернули головы в нашу сторону. У нас могли возникнуть очень серьезные неприятности. Моя хватка ослабла.

— Вы же погибните, вас убьют через несколько минут, — я ждал хоть искорки понимания, все больше чувствуя дикость своих слов.

Я ничего не добился, кроме того, что понял – мужчина испугался по-настоящему.

Мелькнула мысль: «А как бы сам повел себя в подобной ситуации?»

Но я не мог сдаться перед первым же препятствием.

— Слушай меня внимательно. Прямо за твоей спиной идет большая группа людей с автобусом. Посмотри, что они делают!

Мною овладело ужасное глубокое и нехорошее чувство: чувство, что перед самой пропастью я безнадежно уговариваю человека шагнуть со мной в сторону от обрыва. «Эй, спокойнее», – нервно подумал я.

— Я меньше всего хочу сделать нам рекламу. Не надо кричать на весь проспект о том, что мы люди. В автобус приглашают всех прохожих, и они уже не возвращаются, – в эту секунду из автобуса бодро выскочила группа молодых парней. Тубусов у них уже не было.

Из-за автобуса «Маз» неожиданно вывернул «БМВ» синего цвета. Машина юрким ужом проскочила автобус и сдвинулась поближе к тротуару – они явно направлялись к нам.

«Ого! Пора уносить ноги, иначе мы сгорим», запоздало мелькнула весьма здравая мысль, и я попытался ретироваться.

Но не тут то было. Меня держали цепкой хваткой за рукав плаща. Я все еще ничего не понимал:

— Пусти мужик, ты мне не нужен, но советую, поберегись автобуса и вон той «БМВ».

Из-за облачка выглянуло солнышко, а глаза поменяли цвет с голубого на серый.

«Неужели он думает, что поймал хулигана?»

Я дернулся в сторону со всей силы. Шляпа прохожего улетела на тротуар, но железная хватка не ослабла. Слабо треснул шов под мышкой, дав ощущение некоторой свободы в левом рукаве плаща.

А синий «БМВ» уже споро накатывал на нас, нетерпеливо визжа покрывками. Глаза случайно поймали шляпу на тротуаре, и в душе все оборвалось – на грязном

асфальте мою тень держал черный теневой силуэт, не имевший головы.

Я не стал мешкать ни секунды – острый локоть правой руки со всей силы въехал в морду хитрого существа по всем правилам боевого искусства. Мгновенно острая боль пронзила сустав и прошла до самого плеча, хотя удар получился. Когда отражение отбросило на тротуар, раздался еще один звук – он не был похож на все предыдущие, в нем смешался грохот водопада, шелест мокрого мусора, вылетающего из опрокинутого мусоровоза и дребезжание стеклянной посуды, несущейся единым комком в бездну. Сотни непрозрачных осколков брызнули из-под головы поверженного существа, и добрая дюжина приземлилась на мои ноги. Мне показалось – на брюки плеснули тягучим и липким мазутом. И это запомнилось.

А потом я занялся неспортивным бегом, и еще долго казалось, что вот-вот из-за спины вынырнет страшная погоня. Я петлял между домами как загнанный заяц, сбивая след и на ходу просчитывая варианты как покинуть квартал, чтобы никто не смог перехватить на дороге. Представлялось, что квартал окружают со всех сторон, по периметру начинают курсировать машины, из которых загонщики внимательным взглядом высматривают меня среди стандартных коробок жилых зданий.

Но все обошлось. У них было достаточно дичи, чтобы не гоняться за одним человеком.

Домой я попал уже после двенадцати часов, о чем свидетельствовали часы в квартире. Если не знать, если не присматриваться, и, конечно, если не задумываться, то казалось, будто город находится в относительном порядке. Лишь встретятся где-нибудь в глубине жилых кварталов

пара, другая помятых машин и воображение тут же подскажет, что на них устраивали смертельные гонки на узких, петляющих дорожках между домами. В другом месте окна отдельных квартир смотрели рваными дырами наружу. Встречались темные пятна на пешеходных дорожках, заметные лишь внимательному наблюдателю. Однажды я наткнулся на опрокинутую детскую колясочку, возле которой валялось детское одеяльце в лужице молока и розовая кукла с оторванной головой.

Людей я старался обходить – между нами всегда оставалась буферная зона, что было все тяжелее, так как с каждым часом облавы встречались чаще, а число отражений, бредущих в одиночестве в качестве приманок или по каким-то своим делам между домами, увеличивалось в геометрической прогрессии. «Видики» уже мели подряд все улицы, не оставляя ничего живого.

Облака стали рассеиваться и к тому моменту, как я вошел в свой двор, наступил безупречный день, из тех, что часто бывают в начале осени. Я вздохнул с облегчением. Я был на месте. Медленно прошел вдоль домов до своего подъезда. На стенах кое-где слезла краска и в нормальной обстановке домоуправлению не помешало бы ее обновить. На четвертом этаже соседнего дома через разбитое окно вылезла зеленная занавеска. Легкий ветерок поигрывал ею как флагом. Я почувствовал прежний страх, заковавший меня, как новый стальной капкан, предназначенный для медведя, но к великой радости, поймавший человека. Дойдя до клумб, окруженных кустами сирени, я остановился в отдалении от входа. Скамейка перед соседним подъездом была вырвана с мясом и ее остатки в ярости разметали по зеленому газону. Отсюда я видел, как из моего подъезда вышла семидесятилетняя баба Марина и ковыляющей походкой старого больного человека направилась в сторону продовольственного магазина.

Прошло еще несколько минут, ничего не менялось. Если они сделали засаду, то выполнили это настолько хорошо, что даже заинтересованный человек не мог найти ни единого признака.

Я перелез на газон через небольшой заборчик и подобрал увесистый кусок доски от скамейки. И когда взял его в руки, почувствовал огромное облегчение, какое может испытать только невооруженный человек, в минуту опасности, получивший неожиданную помощь.

Чтобы настроиться на рывок, я дважды прошелся перед подъездом, а затем остановился перед открытым зевом темного входа. Это была знакомая, грязная и обшарпанная дорога домой, на каждую площадку которой выходило четыре двери. Теперь каждая ступенька лестницы превратилась в ступеньку испытания.

Я посмотрел на окна, выходящие во двор. Лиц не видно. И тогда я решился. Обломок доски пришлось взять в правую руку, как более боевую, а в левую – ключ от квартиры. В таком оснащении я вскочил в подъезд и, перепрыгивая где через три, а где и через пять ступенек, в мгновение ока пролетел через все пролеты и оказался на втором этаже.

Сердце стучало как набат при пожаре, но легкие еще не чувствовали нехватку кислорода. Одним движением я вставил ключ в замочную скважину, отбросил доску, чтобы освободить правую руку и повернул ручку. Дверь открылась безо всяких затруднений, впуская в квартиру.

В комнатах царила тишина пустого жилища.

Первым делом я осторожно прошел на кухню, стараясь не смотреть по сторонам, забрался в холодильник и выставил из него все стеклянные бутылки. Их оказалось пять штук – две с жигулевским пивом, две с растительным маслом и большая литровая бутылка с медицинским спиртом, стоившая мне два дня работы в качестве

извозчика у соседского сына на свадьбе. Потом я медленно ходил по квартире и с величайшей осторожностью молотил ими по всем зеркальным поверхностям, отворачивая голову в сторону.

Бутылки рвали на куски отражающие стекла, выдавая звоном мое местонахождение. Даже несколько маленьких зеркалец, завалившихся в тумбочке в ванной комнате, я превратил в блестящее крошево, хотя уже сложилось четкое представление, что составляет главную опасность – нельзя видеть свое отражение целиком. Именно в

этот момент оживают все химеры зазеркального мира. Не удержался и полностью разгромил все стекло в стенке, не утруждая себя открытием дверей.

Мой мир вдруг сузился до единственной вещицы.

Закончив расчеты с зеркалами, я прошел по хрустящим осколкам в спальню и сбросил грязную одежду на пол. Все это утро я имел единственную цель – добраться до квартиры.

«Ну, вот я и дома. А дальше что?» Эта мысль только начинала беспокоить, но я решил ее додумать чуть попозже – после ванны и полной рюмки чего-нибудь покрепче. Одежду ногой сгреб к стене, поразившись комкам грязи на брюках. Хотя неудивительно, если время от времени приходилось падать на землю и по-пластунски выбираться в укромное место.

Я стоял в одних трусах, когда в дверь позвонили. Мне это не понравилось – я никого не ждал.

Дома никого нет, и сегодня уже не будет, но кричать об этом не было смысла.

Звонок повторили. Кто-то заботился, чтобы мои уши не

успели отвыкнуть от первого звонка, потом от второго, третьего... На звонок надавили и уже не отпускали. Садист на лестничной площадке пытался вывести меня из себя. В определенной степени ему это удалось, и я прошлепал в домашних тапочках в прихожую, старательно переступая через осколки стекол и кляня себя за любопытство.

На лестничной клетке царил полумрак. Наклонившись над дверным глазком, я внимательно всматривался в серый силуэт. То, что я смог увидеть мне не понравилось. Пуговицы были пришиты на левой стороне темной рубашки. Как бы почувствовав мое присутствие, сосед из квартиры напротив громко попросил:

— Андреич, открой двери.

— Зачем? — я стал медленно отступать в сторону зала, стараясь не шуметь.

— Помоги... мебель передвинуть. У меня..., — легкая заминка, — новый шкаф привезли.

Однако я уже успел добраться до зала и поэтому решил промолчать. Под ногами зазвенели осколки зеркал.

Снаружи стукнули в дверь. Наступила тишина, которая через секунду взорвалась тяжелыми ударами. С площадки многоруко-многоного забарабанили:

«Сволочь, открой сейчас же нам дверь».

Случайно вырвавшееся «нам» резануло слух, одновременно напугав и обрадовав – что-что, а нервы у них оказались совершенно никудышными, совсем как у неврастеников.

«Впусти нас», — буйствовали снаружи. «Впусти, сволочь! Нам надо пройти в эту квартиру. Делай, что тебе говорят».

Если бы рядом было нормальное зеркало, я смог бы увидеть, как кровь отхлынула от лица. Но, слава Богу, зеркал тут не было.

За деревянной дверью толщиной в пять сантиметров

слышалась тяжелая возня странных существ.

— Сашка, сволочь ты этакая – ну-ка впусти сию же минуту и мы тебя не тронем! Иначе войдем и тогда тебе несдобровать! Мы вышибем твои куриные мозги! Это не шутка!

Я невольно вскрикнул – под ногу попал острый осколок стекла.

«Вернись СВОЛОЧЬ и впусти нас СЕЙЧАС ЖЕ!» В дверь гулко бухнули. Шурша о стены и пол, с притолоки посыпалась штукатурка.

Пытаясь стряхнуть с себя чувство страха, я наконец-то добрался до спальни. Остановился в проходе и посмотрел в прихожую. С моего места было хорошо видно, как периодически дрожит дверь в сумраке коридорчика, треща под натиском с лестничной площадки.

Поколебавшись немного, я прошел в спальню, открыл шкаф, наскоро выбрал сухую одежду, не глядя бросил ее на кровать, и начал одеваться. Натягивая брюки, бегло осмотрел правую подошву. С ногой ничего страшного не случилось – два мелких пореза, которые быстро заживут.

В прихожей вдруг что-то лопнуло и сразу же затрещало дерево. Я бросился в зал, в одной руке держа туфли, а второй пытаюсь застегнуть молнию на брюках. Мобильный же автоматически уже сунул куда-то в одежду. По дороге опрокинул журнальный столик, на пол с грохотом полетела хрустальная ваза, привезенная мною лет пять назад из Румынии в качестве сувенира об этой стране. Стекло разлетелось на несколько частей.

Дверь наполовину выломали. В ней уже проделали два рваных отверстия, через которые топорщились острые щепки. Дверная коробка треснула по вертикальной линии, место возле замка вспухло, но еще держало задвижку.

Я стал напротив балконной двери и наспех натянул на босые ноги туфли, потерявшие цвет. Благо их не надо было

завязывать на шнурки.

С очередным ударом рухнула последняя преграда, и истерзанную дверь наотмашь отбросило на противоположную стену. В этот момент я открывал последнюю задвижку у балконной двери.

Мимо просвистел какой-то предмет, широкое стекло разлетелось на мелкие осколки. Я шагнул наружу. Не оглядываясь пока за спиной что-то происходило, я сел на перила, перебросил наружу ноги, нащупывая край плиты,

развернулся, уже не смотря в глубину комнаты через дыру в окне, сполз на руках по прутьям ограждения до самого низа. Ноги зависли в двух метрах от земли. У меня совершенно не было времени, поэтому я разжал пальцы и полетел вниз.

Приземление оказалось удачным.

Внизу я вновь услышал звук рассекаемого воздуха, инстинктивно отклонился и в тот же миг в землю передо мною вонзился небольшой ломик. Я тут же ретировался подальше.

А девчонку я отбил у «видиков» уже возле самой гостиницы. На сей раз никто не хотел убивать живого человека, просто два дюжих мужика неопределенного возраста тащили отбивающуюся девушку в ближайший магазин к зеркалам. Она визжала и брыкалась. Ее розовая курточка задралась почти до самого затылка, а из потертых джинсов выехала теплая рубашка и оголилась половина спины, вплоть до белого лифчика.

На троицу никто не обращал внимание. Редкие прохожие равнодушно отворачивались, наверное, потому, что сами не давали тени.

Я с удовольствием, граничащим чуть ли не с оргазмом, ударил куском водопроводной трубы средних размеров, обоих стекляшек. Когда из оболочек вытекло нечто черное и липучее и тут же испарилось, я помог девушке выпутаться из задранных одежд, и мы вместе ретировались в ближайшую дверь от заинтересовавшегося происходящим парня с противоположной стороны улицы. Самое пикантное, что, по-моему, девчонка до сих пор думает о попытке изнасилования или, в крайнем случае, грабежа.

Ха-ха! Этот вариант был бы самым лучшим для всех нас.

Так вот, когда мы нырнули в затемненный вестибюль, со света различая лишь общие контуры окружающей обстановки, я успел оглянуться через плечо на нашу погоню. Через дорогу спешил белобрысый прохожий, которого я назвал парнем. Я смотрел на него через стеклянную дверь, на которой как в зеркальном отражении в обратном порядке читалось знакомое слово. Пока оно не узнавалось, но оно было очень-очень знакомым.

Я напрягся.

Слово сложилось в такое знакомое название – «РЕСТОРАН». Более мелкими буквами внизу шел небольшой текст.

В мгновение ока меня прошиб холодный пот, изморосью проступивший на лбу. Я резко повернул голову в сторону вестибюля, чуть не свернув при этом шею. Потом по инерции шагнул вперед, туда, где почему-то было мало света, и не наблюдалось ни единого проблеска отражения в зеркалах, что обязательно должны быть развешаны по стенам в таком респектабельном заведении, каким является любой ресторан. Даже ресторан очень средней руки.

В ладони увесисто лежала труба. Второй рукой я держал девчонку.

Тишина и мрак.

— Отпустите меня, — отчаянный крик девчонки привел в чувство.

На каменном полу знакомо захрустело. Тут же пришло чувство узнавания и меня отпустило – под ногами так могли крошиться лишь осколки битых стекол. И скорее всего эти стекла были не

просто стеклами – когда-то они представляли собой единое целое, они были зеркалами. Вдруг с глаз как бы упала некая пелена, и я стал замечать мельчайшие проблески по всему полу вестибюля. Внизу играли блескучие искорки, как живой ковер из отраженного света.

Примерно посередине вестибюля начиналась лестница, ведущая на второй этаж. Даже от самого входа в ресторан было видно, что лестница до отказа забита столами и стульями, и те топорщились как гигантский ежик, выставивший смертельные иголки в минуту опасности.

— Что вы от меня хотите? — девушка рванула руку и освободилась.

Я подтолкнул ее в спину в сторону плохо освещенной лестницы:

— Быстро наверх.

— Пустите меня.

Не церемонясь, я дал ей хорошего пинка. За спиной раздались ужасающие звуки – там открылась входная дверь.

Я рывкнул:

— Ползи наверх, мать твою за ногу, — и показал пример.

Тело извивалось ужом, упиралось, отталкивалось, накалывалось на препятствия. Я мог три раза остаться без

глаз, и раз пять без будущего потомства. Конструкция шевелилась и жила своей жизнью, стоило лишь переместиться на один шаг.

Внизу раздались голоса. Нам что-то кричали. Сквозь треск и грохот мебели я различил лишь полу-разборчивое – ... сюда...

Девушка вскрикнула в нервном испуге.

– Не оборачивайся, – вот единственное, что я мог ей посоветовать, но слова потонули в окружающем шуме.

На втором этаже нас уже ждали.

– Бей по голове, – посоветовала девушка в фирменном пиджаке администратора, и в руках пожилого мужчины поднялся увесистый топор. Именно топор, а не топорик. Похоже, раньше им рубили мясо на кухне. Снизу я видел людей в обычной одежде и в напряженном состоянии, ожидавших наше появление. Автоматически зафиксировалось, что человек державший топор был рядовым правой, как большинство нормальных людей.

В очередной раз под рукой треснуло, я с размаху ткнулся лбом в ножку стула. Все трещало и двигалось, иногда столы сползали вниз на несколько метров и снова застревали среди мебельного хаоса.

Они принимают нас за отражения!

– Мы люди, – хрипло выдавил я. – Опустит топор.

– Бей его, – в очередной раз в истерике взвизгнула администраторша. Ее поведение здорово напоминало поведение необстрелянного новобранца в первом бою.

– Опустит топор, – вскричал я и выругался матом. – Опустит топор вниз и не на мою голову.

Топор нерешительно опустился.

Его острие мне очень не понравилось – темное лезвие было сильно выщерблено в нескольких местах, как если бы им рубили что-то твердое. Например, каменную стену или бетонный пол. Я представил, как топор в мощном взмахе

врубаются в твердое, но хрупкое тело отражения, дробя по пути оболочку на мелкие осколки, а сам застревает в ближайшем препятствии.

Еще я успел подумать о вчерашних посетителях ресторана. «Посетите нас и Вы НИКОГДА НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!», и на четвереньках выбрался на площадку.

Так мы попали в ресторан гостиницы и довели число уцелевших в этой норе до чертовой дюжины.

Воспоминания всплыли, пока опорожнялась бутылка с Шиповником.

Жизнь причудлива и непредсказуема – живые люди сохранились именно в ресторане, в царстве света, музыки и зеркал. Реально ли это? Я помню свою первую настороженность. Неужели в ресторанном зале теперь отсиживаются живые люди? Но, действительно – отражений не было. Злую шутку с ними сыграла темная ночь, узкие оконные проемы, затянутые с вечера плотными бархатными шторами и вывернутые пробки.

Теперь все с нетерпением ожидали окончания светового дня. У нас уже ходили разговоры, что, возможно, кто-нибудь догадается добраться до электростанции и отключить ее хотя бы на одну ночь. Лично я даже представлял себе тот рубильник, что надо выключить. На нем должен быть огромный рычаг для включения/выключения. В моем сознании его размеры соответствовали важности объекта и его миссии. Таковы мои представления об электростанциях.

Пока, стоя на кухне и допивая напиток, я вспоминал дневные события, жизнь пошла своим чередом. В отдалении грохнуло. Раздались приглушенные стенами неразборчивые крики и тут же смолкли. В слабом освещении воцарилась напряженная тишина. Несмотря на выпитый напиток у меня пересохло во рту и, прежде чем что-либо сказать, пришлось облизать губы. Звуки

доносились из нашего здания.

— Подружка, кончай пить.

До девчонки доходило медленно. Она жила все той же мирной жизнью, что и сутки назад. Медленно ползаешь, зато будешь жить долго как черепаха. Правда, случай с зеркалами в той жизни не предусмотрен.

— Что? — спросила она.

— Давай быстро в зал. Хочешь жить, держись меня, — дальше я не слушал.

Со стороны зала завизжала женщина, загрохотала мебель, раздался звон разбитого стекла и я похолодел: «Неужели в зале появилось зеркало?»

Не разбирая дороги, я прошел через кухню, возле электрической плиты поскользнулся, удержался за ее край и вошел в зал, оставляя внизу жирные следы масла, сдобренные мукой.

За спиной топала скаковой лошадкой моя молодая спутница. В кухне хрустело, звякало и чавкало.

Я судорожно сжал рукоятку кухонного ножа, подхваченного по пути, и осторожно выглянул в зал. Возле входа оставались четыре женщины. Теперь они вели себя как наседки, из-под которых забирают последние яйца. Полная женщина, похожая в чем-то на актрису Наталью Крачковскую, повизгивала и размахивала руками. Можно было подумать, что это заядлый футбольный болельщик переживает за свою любимую команду.

Не отставали от нее и остальные. Уборщица из гостиницы неразборчиво кричала в сторону выхода. Среди общего шума я различал лишь голос пацанки, тонко пищавшей:

«Слева заходите, слева,

слева давай, ну...»

Я подумал, что она спокойно могла бы убивать ультразвуком на весьма приличном расстоянии.

Где-то внизу произошел прорыв обороны. Пришлось вернуться на кухню и через полминуты вместо бесполезного ножа в руки легли старомодные гири от древних весов, которые изготовили никак не позже, чем в конце прошлого века.

Тяжесть легла в ладони и дала чувство уверенности – это уже было оружие.

С гирями в руках я быстро прошел через зал, огибая редкие столики, оставшиеся после того как перекрыли лестничный проход и вышел через разбитые двери на площадку возле лестницы. Там уже всюду шло сражение. Хотя... Избиение – это вернее. Все тот же мужчина, что встречал нас днем, лихо рубил подставляемые головы. Его топор мерно взлетал вверх и как только голова «видика», ползущего по дороге мучений, подбиралась к зоне досягаемости, наносил смертельный удар.

Смотрелось это впечатляюще. Топор маятником пролетал по дуге, проходящей через очередную голову, и взлетал уже вверх в ореоле черных, как куски тьмы, брызг. Противоположная стена на несколько секунд окрашивалась в темный цвет и на глазах возвращала свои естественные краски. Обезглавленные тела пропадали с негромким шипением, как если бы в воду бросили щепотку соды.

Они внутри были гнилыми как прошлогодние помидоры!

От ударов топора возникал дребезжащий звук, неприятно звучащий в узких стенах лестничной клетки. Все это напомнило мне позвякивание кастаньет, аккомпанирующих танцу скелетов на старом кладбище.

К тому моменту как я выскочил на площадку, атака уже

явно захлебнулась – по заваленной лестнице вниз пятилась худая женщина в домашнем халате. Тапочки явно потерялись по дороге, но ее босые ноги выглядели совершенно чистыми, что меня несколько удивило. За женщиной потянулся и мальчик лет девяти, в школьной форме, куртке и с ранцем за спиной – таким рано утром его отправила в школу мама. Но впереди всех проламывал дорогу назад дородный дядька с животом пятьдесят восьмого размера.

Стекляшки сползали вниз по многочисленным осколкам зеркал, рассеянным по столам и стульям. Те звенели в такт движению и сыпались куда-то вниз. Под коленками мужчины громко раздавливалось стекло, и ломалась тонкая фанера стульев.

– Убирайтесь отсюда!

– Мы вас всех уничтожим, сволочи. Толстенский... я тебе покажу, как совать нос не в свои дела.

– Кишка тонка, «видики» трусливые.

– Приходите ночью мальчики – повеселимся. – Молоденькая девчушка с короткой стрижкой зашлась в нервном смехе.

Я протиснулся мимо наших женщин, вооруженных обломками стульев и стал наизготовку возле преграды. В моих руках было настоящее оружие, и я его использовал на полную мощь.

Тут снизу донесся голос полного мужчины, холодно-вкрадчивый:

– Почему вы не хотите нас пустить? Мы ничего вам не сделаем.

Они умели хорошо прикидываться.

Я мысленно примерился и как боевую гранату, метнул килограммовую гирю в ближайшее овеществленное отражение. В плече хрустнуло, боль острым шилом кольнула сустав, и разлилась в правой части грудной

клетки.

Груз со свистом проглотил пространство над лестницей и с глухим звуком врезался в противоположную стену. От стены откололся кусок размером с кулак взрослого человека. Вслед за камнем и гирей вниз поплыло небольшое облако из размолоченной до порошкообразного состояния штукатурки.

— Не бросай! Мы уже уходим! — их это напугало до смерти.

— Убирайтесь, откуда пришли, вонючки блестящие, — прокричала официантка.

Первый бросок оказался прикидочным, но из-за боли в плече пришлось начинать все сначала. Я переложил следующую гирю в левую руку, внимательно прицелился, сделав несколько примерочных движений, как в игре в кегли, и метнул диск.

Голова мужчины лопнула как проколотый воздушный шар, и сотни осколков полетели веером вдоль захлавленной лестницы. Черное нутро освободилось. Из туловища плеснуло в нашу сторону, и я подумал – черное содержимое отражений боится света!

— Врежь им еще, — закричали за спиной и кто-то нервно расхохотался.

Это заводило. Я хотел метать тяжелые грузы еще и еще. С удовлетворением с первой же попытки попал в женщину – у той лопнула грудная клетка, и сквозь прореху в теле мелькнул пучок света, отраженный от одиночного осколка.

А мальчишку пожалел. Я все прекрасно понимал..., но

рука не поднялась.

После этого все бросились таскать из банкетного зала столы и стулья. Их мы сбрасывали вниз, потом по центру, потом куда попало, пока лестница не оказалась забитой под самый потолок. Мы перекрыли вход ИМ и выход НАМ.

Работали все – мужчины и женщины. Поблажек никому не давали. Толстая женщина, что габаритами напоминала полную актрису, носила столы вместе с уборщицей из гостиницы. Николай, мужчина с топором, не отпуская свое оружие, свободной рукой подтаскивал стулья к краю лестницы и метал их вниз. Даже моя подружка нашла себе занятие – она ловко снимала салфетки и вазы, освобождая столы, и составляла все возле стены. Получалось чисто и аккуратно.

На всю работу нам понадобилось около двадцати минут. Прошло несколько часов. Солнце пока не село, но уже готовилось к этому. Со второго этажа ресторана видно как повсеместно включается иллюминация. Такое бывало лишь по большим праздникам – играют неоновые вывески, светятся цветными огнями старые транспаранты, подвешенные поперек проспекта, на тротуарах практически исчезли тени из-за света, щедрыми потоками льющегося из витрин магазинов, окон квартир и ламп дорожного освещения.

Наступали сумерки, и вместе с ними разгорались огни.

В магазине одежды, что расположился на той стороне проспекта, стали видны фигуры. Иногда они передвигались, иногда я видел застывшие силуэты, застрявшие в каком-нибудь отделе магазина. Меня вдруг поразила мысль: «Неужели их главная задача имитировать настоящую жизнь? Может они играют в покупатель-продавец?»

— Не понимаю, — устало сказала женщина в плиссированной юбке. Утром она спокойно спустилась из

своего номера в ресторан, чтобы позавтракать, да так и застряла здесь. — Зачем им это?

Я сразу понял вопрос:

— Боятся темноты. Видно ночь их многому научила.

— А чего они еще боятся?

— Сходите к ним, — ответил я, — и узнаете. Она тут же замолчала.

Было девять часов вечера нескончаемо долгого дня.

Атака на ресторан захлебнулась, и пока не предпринято ни единой попытки по ее возобновлению. Возможно, цена последнего оказалась чрезмерно высока даже для бесчувственных отражений. Тем не менее, мы находились в постоянной готовности, а Николай притащил к выходу небольшой кожаный диванчик, и улегся на него в ожидании нападения.

По проспекту с тупостью бездумных роботов, постоянно двигались машины с зеркалами в сопровождении отражений. Редко оказывалось, что в течение десяти минут улица пустовала.

Они утюжили и утюжили город.

В голове мелькнуло: «Что же они будут делать ПОТОМ?»

Это «ПОТОМ» подействовало угнетающе. Неужели я сдаюсь?

— Убери ЭЭ-ТТ-ООО!!! — дикий визг прорезал весь зал.

Женщина в светлом пиджаке изо всех сил залепила пощечину Марине – так звали девчонку, которую я отбил на улице у отражений.

Мне не понравилось, как они сцепились между собой. По-моему, так выходят на свой последний бой женщины всего мира при защите потомства. Под выражением последний бой, я имею в виду смертельный бой. Но, возможно, женщина оказалась права – возле ног валялись мелкие кусочки круглого зеркала. Молодая дуреха

умудрилась сохранить страшную вещицу и даже хотела в нее посмотреться.

Я знал, что маленькие зеркала не являются опасными. Но я также знал, что такое не делают в компании доведенных до отчаяния, людей.

— Ах ты, маленькая сученка! Думала всех подставить? — в истерике повизгивала женщина. — Как бы ни так!

Над головой взметнулась ладонь. Марина попыталась отпрянуть, но вторая рука уже успела намотать волосы девушки и удерживала голову жертвы в нужном положении.

Раздался звонкий шлепок. Голова дернулась в сторону и Марина тихо заскулила.

— Сейчас. Сейчас. Сейчас, черт возьми, — снова прокричала женщина. — Сейчас я тебя научу вызывать своих «видиков». Ей богу, научу.

— Заткнитесь обе, — к ним уже спешил Николай. Топор он держал на правом плече. — Мало вам тех, что внизу? Хотите друг другу морды набить? Ну-ка брысь вниз и там деритесь со своими отражениями сколько угодно!

— Она достала зеркало!

— Это пустая стекляшка, а не зеркало!

Женщина отпустила волосы девушки и та, потеряв опору, упала на колени.

— Ее надо обыскать. Эта сучка могла придумать еще что-нибудь, — женщина на мгновение замерла, и как бы утвердившись в этой мысли, нервно продолжила. — Да, ее непременно надо обыскать. Снять всю одежду и обыскать, —

сказала и истерично расхохоталась. — У мужиков ЭТО должно получиться. Ей понравится. Вдруг она шпионка отражений.

Николай размашисто хлестнул женщину в пиджаке по щеке. Та тут же всхлипнула, подавившись смехом. На миг в ее лице появилась неуверенность, словно она не понимала, где находится. Потом лицо сморщилось, и она заплакала.

Я равнодушно отвернулся к окну. Пустое. Девчонка не агент «видиков». Ручаюсь своей тенью. Надо думать не о ней, а обо всех отражающих поверхностях. Малейший просчет может оказаться последним. Несмотря на то, что в пределах ресторана не осталось ни единого зеркала, здесь давно уже не осталось и просто блестящих поверхностей. Даже полированный до зеркального блеска светлый стол и одежный шкаф директрисы залили красным кетчупом. Не пощадили не только мебель, не пожалели и телефонный аппарат – его не разбили, надеясь на восстановление стационарной связи, раз мобильная не работала. Кто-то из женщин густо облил черный корпус клеем, и обмотал все блестящие поверхности кусками белого халата, оставив в неприкосновенности один лишь диск.

Теперь при посещении кабинета директрисы я непроизвольно вздрагивал, чтобы через секунду расслабиться. Попробуй остаться равнодушным, если казалось, будто из зазеркалья плеснули густой кровью, и теперь она застыла грязной коркой, постоянно напоминая утреннюю картину в «Атланте».

Телефон не работал, и я перестал беспокоиться.

— Разве вы не поняли, что наступил конец света? Мы все превратимся в свои отражения. Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять, сказано в библии. Нет защиты от кары небесной. Нам воздалось за все грехи наши, — вмешалась худощавая женщина. Она казалась самой старшей среди нас.

— Не болтайте чепухи, — ультразвуковой голосок девчонки, которая когда-то помогала защитникам криком при отражении атаки, звучал весьма уверенно. — Сегодня я видела годовалого ребенка без тени, у которого не было грехов, кроме описанных пеленок.

Ее логика мне понравилась, но дальнейшее я уже слушал с небольшой сцены в конце зала, где по вечерам играл маленький оркестрик, а теперь были свалены съестные припасы, предусмотрительно принесенные из кладовой. Умное решение – война войной, но кухня должна быть под боком.

Большим ножом, похожим на тесак, что разделявают мясо в домовых кухнях и столовых, я вскрыл банку тушенки, искромсав в усилии крышку, и стал ужинать. Через минуту к трапезе присоединился Сергей. Ему уже стукнуло двадцать семь, он работал электриком в городском отделе пищеторга и попал в ресторан по вызову. Еще с вечера поступила заявка на срочный ремонт электрических плит. Теперь он думал, что то была провокация – он оказался нужен «видикам» для контроля освещения.

Сергей спросил:

— Интересно, они спят по ночам?

— Узнаем этой же ночью. Надеюсь, у нас будет такая возможность.

— Хотелось бы знать заранее.

Я промолчал. Некоторые вопросы представлялись из разряда бессмысленных. Почему две параллельные прямые где-то далеко-далеко пересекаются? Почему человек борется до последнего? Так же как, почему некоторые сдаются безо всякого боя? Так есть..., и этого достаточно.

Мысли перескочили дальше. Я знал, почему Сергея беспокоит этот вопрос – к вечеру нас набралось семь человек, кто хотел в темноте выбраться за черту города.

Большинство посчитало удобным отыскать грузовой автомобиль и выехать в сторону столицы, против чего я категорически возражал. Отражения прочесывали городские улицы днем, и, не сомневаюсь, что ночью все дороги окажутся перекрыты ярко освещенными постами, где как атрибут произошедшего, будут установлены зеркала. Остается маленькая надежда на неизвестную нам мелочь, случайность, которая в состоянии перевернуть и этот перевернутый мир.

Так что, спят отражения или бодрствуют, окончательно станет известным только в пути... или в свой час.

Прошло минут пятнадцать. Снаружи здание обволакивали густые сумерки, пробиваемые многочисленными огнями. Зал постепенно погружался в тишину и в темноту. Напряженные лица растворялись в окружающей обстановке.

— Свет зажгите, — первой не удержалась официантка.
— Давайте включим все лампы в зале, я не могу так б-о-л-ь-ш-е, — и мы поняли, что она действительно не может «так б-о-л-ь-ш-е».

Это было нарушением всех предварительных договоренностей. Мы не хотели давать ни единого шанса «видикам». Темнота должна уничтожить малейшие попытки проникновения в ресторан. Но она же давила и на нас – лестница погрузилась в полную черноту; в зал через небольшие окна слабо пробивались отблески городской иллюминации, совершенно не давая света. Николай

попытался спуститься на первый этаж через кухонное помещение, но не решился и с топором: «Понимаю, что темнота для них смертельна, но не могу. Обойдемся без сгущенки».

В углах большого зала прятались наши страхи, а за его пределами вырастали воображаемые чудовища, и, казалось, тьма начинала жить своей жизнью.

И мы не выдержали – свет был включен. Стало легче – мы тоже любили, когда вокруг светло.

По центральному проспекту в полной иллюминации протарахтели три военных грузовика ГАЗ-66 – у машин были сорваны тенты, а вдоль бортов сидели вооруженные люди, в основном в армейской форме. В освещении уличных фонарей поблескивали автоматы Калашникова.

Колона не задержалась и проследовала в сторону реки.

Грузовики давали многочисленные тени, но над тeneвым контуром кузова не было ни единой головы в виде тени.

Страшные машины скрылись между домами.

Минут через тридцать мы сели подкрепиться. Кто-то из женщин заварил молотый кофе – он оказалось первой горячей пищей за последние сутки. Притихшие люди с тяжелыми думами набивали желудки впрок. Я вынул ложечку из горячей чашки и нагнулся, когда истошно завизжали:

– О н а с м о т р и т н а м е н я !!!

Я инстинктивно вздрогнул, обернувшись на крик. Это спасло глаза – выставленные победной буквой «V» указательный и средний пальцы, ткнулись возле уха, и пробороздили по лобовой кости, обжигая кожу. Пальцы были твердыми как сталь, и мокрыми от напитка, а на среднем застряла тонкая коричневая пленочка с поверхности кофе.

Чашка оказалась узкой для всей кисти и плоть,

покрытая полосками грязного пластыря, на мгновение застряла. От такого натиска чашка резко подпрыгнула в воздух по ходу движения пальцев, вырываясь из рук и взлетая на уровень глаз. А потом под чудовищным напором фарфор громко лопнул, разливая коричневый напиток на стол, на брюки, на пол.

Пальцы и большая
асть ладони
свалились в
сжимающуюся лужу.
заскребли по скатерти,
збрызгивая капли в
короны. Ладонь
кислела и
разжималась. Агония

длилась секунды, а потом новая плоть растаяла как дым, и ее испарения унеслись вверх вместе с кофейным парком.

Прошло еще минут десять-пятнадцать.

Все уцелевшие забились в самую темную часть сцены, куда не доходит свет улицы. Сидя на полу, тихонько постанывает командировочный мужчина из Орла – из оконного отражения в него бросили стеклянной вазой, попав в лицо.

Я старался не думать что будет дальше, хорошо представляя, как раньше нас пытались сберечь в большинстве случаев, надеясь поймать в зеркале, и как все изменилось поздним вечером.

В зале ощутимо похолодало. Из разбитых окон тянет ночной прохладой. В темноте кто-то всхлипывает и причитает, к моему плечу жметсЯ Марина – проняло и ее.

Я думаю!

Когда из окон рванули темные, не всегда и не везде четкие отражения, причем, у большинства отсутствовала

часть тела ниже пояса (что отразилось, то и ожило), нас поразил шок. Он оказался недолгим и тут же сменился паникой. Торсы вываливались из стекла на пол, глухо стуча, и этот звук казался ужаснее всего предыдущего.

Они жили долго!

Неизмеримо долго – пять, шесть секунд, некоторые гораздо больше. Обрубки незаконнорожденных тел ползли в нашу сторону, подтягивались на руках, ладони мерзко хлопали по полу, как лапы кошмарных созданий из больных снов. В полупустом ресторанном зале сразу возник шум, крик, грохот опрокидываемых столов и стульев..., и зловещий, неразборчивый, как и их силуэты, грозно-шепелявый рокот-крик оживших чудовищ: «Фей! Кватай! Каты! Упью! Упью!» Слова почти узнавались.

Метеором вылетел топор и, пробороздив пространство зала, лезвием вошел в деревянную панель, украшавшую противоположную стену. Он тоже был темным и расплывчатым и тут же растворился в воздухе.

Ко мне подобрался Сергей. Он шепотом предложил:

– Давай убираться отсюда.

Я знал, что парень был прав. Любой здравомыслящий человек сделал бы то же самое. Марина хлюпнула носом. Моя рука крепче прижала девушку:

– Надо попробовать.

Я заставил поверить себя, что сделать это еще не поздно. Как не поздно будет выбраться на дикую природу, где никогда не было зеркал, окон и витринных стекол. А также больших открытых водоемов со спокойной водой.

– Мы пойдем в лес, – тоже шепотом добавил я. – Там нет воды ..., – и замолчал. К сожалению, вода нужна везде. Это одна из самых сложных проблем, но о ней стоит подумать завтра.

Я снова вспомнил последнюю схватку, задавая себе вопрос: «Что же могло произойти еще?»

Может, более худшее ожидает нас впереди? Но говорить об этом не стоило. Куда-то нужно двигаться и я хотел, чтобы это были леса. Подальше от отражений. Подальше от цивилизации.

На какое-то время я замолчал, представляя вчерашнюю девушку без тени.

Тени, тени, тени! Будь они прокляты. Без них плохо, а с ними может оказаться еще хуже. Для отражений надо создать условия, а тени – это то, что всегда с нами. И в городе, и в поле, и в лесу в солнечный день. Вдруг и они оживут! Последняя мысль пришла с минутой назад.

Под ногами зашевелилось.

Я надеюсь, что мне просто показалось. Все же мы находимся в полной темноте, и ни отражений, ни теней тут нет и быть не может. Да и ожили последние, лишь в моем воображении.

Про саму же ТьМУ я даже думать боюсь!

ВАКАНТНОЕ МЕСТО

Не знаю, был ли он когда-нибудь озадачен и рассержен одновременно, причем до такой степени. Темные глаза за стеклами очков хмуро уставились прямо в лицо, оторвавшись от моих бумаг:

— И что? Это серьезно?

— В высшей степени.

— Но...

— Готов приступить к работе хоть сейчас, — надо ковать железо, пока оно горячо. Тем более, самая верная тактика в моей ситуации, это постоянное наступление.

— ... место занято, — непривычное состояние не помешало ему ответить жестко, в упор, разглядывая меня с легким оттенком презрения. Тот еще кадр. — И ты не из номенклатуры.

— А есть такая?

— Хм, сомневаешься?

— Нет, но..., — теперь наступила моя очередь тянуть это «но». С подобной точки зрения данную проблему я не рассматривал. Что их общество закрытое, это и к гадалке не ходи. Никто не задумывается, но без сомнения, это так. Хотя к ним и удастся иногда попасть — но какова цена

вопроса! Как всегда – это основное, и не каждый может и готов столько платить.

– Ты хоть что-нибудь про нас знаешь?

– А как бы я вышел на Вас лично? – я умудрился сделать сразу два удара, выделяя «Вас» и «лично».

Его немигающие глаза по-настоящему прожигали насквозь. Закружилась голова, и от греха подальше я уставился мимо, смотря куда-то за спину – не стал бороться на его поле. Ведь не сомневался в неслабых возможностях. Такой на раз загипнотизирует, если не выкинет чего похлеще из весьма богатого арсенала. Думаю, второе гораздо вероятнее. Пока подождем.

– Ну и как же?

А вот этого я не собирался рассказывать. Ему надо – пусть и разбирается, поэтому демонстративно пожал плечами, все также стараясь смотреть таким образом, чтобы не тонуть в бездонных глазах. В его руках находится весьма серьезная бумага, и со мной он ничего не сделает, даже если захочет. Так меня заверили. А он захочет. Не сомневаюсь.

– Вообще, ты не наш.

– Можно просто на Вы.

– Хм. Обойдешься, – сейчас он уже не скрывал злости, досада легко читалась на жестком, будто вырубленном из скалы, лице. При этом я совершенно точно знал, что передо мной сидит Великий мастер интриг, которому верить, то же самое, что доверять самой продажной девке, зарабатывающей на хлеб с маслом своим телом. Хотя обижать ее не стоит: на самом деле ей веры больше.

– Может меня хотят разозлить?

Я демонстративно промолчал.

Поизучав мой вид, его глаза снова уставились на документ в руках. Последний был качественным. Сказал бы даже – идеальным. Но самое главное, на нем стояла печать.

Мне было весьма сложно ее получить, но теперь она решала все. По сути дела, именно ее присутствие делало представленное еще и моей охранной грамотой.

— Ты действительно не наш, — он сделал паузу, что-то обдумывая. — Кое-какие слухи сюда доходили, но я им не верил. Такого никогда не было. Тем не менее, я смотрел твоё дело. На всякий случай. Внимательно смотрел. В нём сделаны купюры. Оно скорее, само сплошная купюра. Поверь ему, так тебя как бы и нет, если не считать фамилии с инициалами. Не просветишь?

Моя полуулыбка говорила сама за себя.

— Такого не бывает.

— Не было до сих пор, — я считал необходимым вмешаться и вернуть его к основному вопросу, который предстояло решить. Мало ли чего не было до меня. Сейчас я здесь, и этим все сказано.

— Информация по тебе закрыта, сам ты проверить такое не смог бы, — он утверждал, на самом деле спрашивая. Ждал, чтобы я подтвердил, или опроверг?

— Попасть ко мне на аудиенцию без моего согласия в принципе невозможно. Но у тебя получилось даже это.

— Получилось, — зачем оспаривать очевидное.

— При этом договор, — он тряхнул бумагой в руке, — составлен высококлассными специалистами — не подкопаешься. Ваша братия предусмотреть все не в состоянии — мозги не для того предназначены, — он хмыкнул.

Вот гад, я ему это пренебрежение припомню, ей Богу. Дай только решить вопрос.

— Значит? — в разговоре повисла пауза, но никто не спешил ее разрывать. Я тем более не собирался этого делать. Сам сказал, сам пусть и заканчивает.

— И при этом нет никаких следов.

— Точнее, Ваших возможностей не хватило, чтобы их

установить, — я бил по больному, и это больное отражалось на его лице. Похоже, старик за столько-то лет просто расслабился — ведь не припомню, когда последний раз хоть кто-нибудь сумел натянуть ему нос. Стало общим правилом, что все происходит с точностью наоборот. Вот он и не владеет лицом — отвык проигрывать. Надеюсь, то ли еще будет.

— Прижать бы тебя, да горяченьким, — он мечтательно окинул меня взглядом, — чтоб до косточек.

А вот это хрен.

— Ну, баньку то я и так люблю. А в остальном..., — не дам ему шансов даже на словах поглумиться. Не для того я здесь, — в остальном, такие вещи выбираю сам. Да-с.

Он еще раз оценивающе пробежался взглядом по мне, как будто прикидывал, как лучше разделать такого необычного барана — по привычной схеме, вроде как не получается, а как это сделать по иному, пока не понятно. И это для него удивительно.

— Ну, так что ж, в моем хозяйстве, — он сделал нажим на последних словах, — тебе подобрали бы все по вкусу, — он рыкнул, показав великолепные зубы и сверкнув тщательно выбритым подбородком. Насчет рыка — наверное, такой у него смех. — По нашему вкусу. Именно там

место таким, как ты, — он опять рыкнул. — Вот бы где смог стать одним из нас, если бы захотел. Взгляд изнутри, так сказать.

Все манеры подчеркивали, что несмотря ни на какие

бумаги с высочайшими печатями, главный здесь он. По-другому и быть не могло. Ведь власть не просят, ее берут. Именно так он всегда и поступал до настоящего времени, и теперь, похоже, тоже сдаваться не собирался. И, тем не менее, видно, что старикану непривычно в подобной ситуации. Даже у него сильны стереотипы, и давит опыт успехов, от которых непросто отойти.

Он тем временем добавил:

— По служебной лестнице поднимаются постепенно.

Ну, эти сказочки пусть рассказывает другим. Дорога по лестнице – это для простых, сам то он исключение. Его путь был совсем иным, что известно всем. Пусть знает – он не единственный, кто может также.

— Похоже, Вы не совсем понимаете ситуацию. По мне уже принято решение, и его оспаривать Вы можете сколько угодно, но не здесь, — я автоматически покосился вверх. — Это, во-первых, а во-вторых, я не Ваш клиент, и в Вашем, — последнее я выделил, сделав при этом совсем по театральному многозначительную паузу, — именно в Вашем, хозяйстве, как-нибудь устроюсь самостоятельно. И что главное, свои служебные обязанности я хорошо представляю, — и, не удержавшись, похвастался, — я долго готовился.

— Ну, пока ты в должность не вступил. Бумаг мало, без процедуры такое не делается.

— Откуда Вы знаете про процедуру, если прецедента не было? — вот это мне было очень даже интересно. Ведь сам был страшно удивлен, когда понял, что и в канцелярии не представляют, как надо проводить вступление в должность. Опыта то нет. Все приходится выдумывать на ходу и следовать интуиции.

— Ну, такое нельзя не чувствовать. Просидел бы я на своем месте, если бы не понимал больше того, что до меня доводят. Вот и в твоём случае – сдается мне, что попользуют

тебя в темную, а потом за ненадобностью выкинут куда подальше, как только выполнишь задуманное. Не тобой задуманное, — он предостерегающе резким движением выставил в мою сторону открытую ладонь, и я подобрался. Думаю, так он меня проверяет, или усыпляет бдительность, а потом как Штирлиц бедного Холтофа — бутылкой по голове, и полетят из глаз звезды. Это я метафорически.

— Но еще много чего можно изменить, пока не поздно.

Ну, лукавый тип. Иного ожидать и не стоило. Проще говоря, пока это пряник, который он кладет в мягко застеленную постель. А потом получившееся блюдо съест в один присест, не моргнув глазом и не подавившись.

— Не задуманное, а предназначенное, — не удержавшись, я поднял вверх указательный палец. В конце концов, он сам должен понимать всю ситуацию и мое место в ней. Да и понимает, иначе действовал бы куда жестче и агрессивнее.

— Думаю, канцелярия сама запуталась — там вечно не знают, чего хотят. Кто бы смог нормально поставить работу в этой области, если б не Я? А там, — он тоже поднял палец в сторону верха, — или совершенно не представляют обстановку на местах, в которой приходится действовать, или же поступают из таких странных побуждений, что про результат можно не говорить.

— А работа здесь сложная, — продолжил он, — и погрузиться в нее вот так сразу — верх безрассудства с твоей стороны. Ведь не думаешь же ты, что участие в подобных интригах, сойдет с рук кому-либо. Ты пришлый, — глаза буравили меня. — Ведь так?

Нечего распространяться про себя. Я очень рад, что мое дело в полном объеме для него закрыто. Возможно, часть его растерянности и от этого. Он ВСЕГДА мог знать все что хотел, если это не касалось самого верха. А сейчас, несомненно, касалось. Поэтому в действительности, моего

дела он мог и вовсе не видеть – кто б его подпустил к абсолютно секретной информации? Скорее всего, все остальное тоже притворство – даже сведения про мою фамилию и инициалы.

– Подумай, – в голос вплелись сочувственные нотки, – я бы мог помочь.

«Подсказать? Зачем торопиться».

Передо мной сидела сама доброта и забота о моей судьбе. С огромным камнем за пазухой, как я знал. Его идеальный костюм, строгий темно-красный галстук и глаза, прятавшиеся за очками в золотой оправе, казалось, свидетельствовали о заботе. И ничего более. А кто ж только что пел про горяченькое? Попробуй, развесь по наивности уши – оторвет и мало не покажется.

– Всегда есть варианты.

– Ну да, – не удержавшись, я фыркнул. – Вы всегда были Мастером интриг. Не зря канцелярия никогда не могла совладать с Вами.

– Про нас много пишут, и в первую очередь про меня. Не забывают и саму организацию, да и моих сотрудников, – он задумчиво вернулся к листам, – ты мог почерпнуть сведения оттуда. Но кто же верит письменным источникам? Они врут. И всегда врал. Так повелось изначально. Поверь мне. Человеческая природа весьма лжива и коварна. Написанному верить нельзя. Ни в коей мере.

– Никому верить нельзя. Мне можно, – не удержавшись, хмыкнул. – На моей Родине такое проходили. Даже кино снимали.

– Мне можно, – подтвердил он с готовностью, а ухоженные руки все также строго-задумчиво крутили документ, не зная, что с ним делать. Понимаю – не будь высочайшей печати, не было бы и проблемы со мной. А печать кому-либо не поставят.

— Мы могли бы продумать временный вариант, чтоб втянуться. Заместитель – это очень хорошее начало для тебя, поверь огромному опыту. Заместитель, — он уже видел возражения на моем лице, но продолжил, — допустим, по общим вопросам. Ни за что, фактически не отвечаешь. Нос при этом, можешь засунуть куда угодно, работу выполняют другие. Ты же при должности и в почете, потихоньку готовишься к самостоятельной работе, нарабатываешь опыт, получаешь необходимые знания и умения, привыкаешь к обстановке, учишься, но при этом тебя уже боятся, — он сделал паузу, подчеркивая последнее обстоятельство. — Да. Боятся. А значит уважают. Ну и, разумеется, пользуешься всеми доступными возможностями, представляемыми нашим ценнейшим сотрудникам. Такого у тебя раньше никогда не было. Я уверен.

Он уверен. Я скривился. Пусть пока поговорит.

— Я работаю с типовыми договорами, но для тебя, конечно же, будет сделано исключение. Мы обговорим особые условия. Лично для тебя. Поверь, история не знает прецедентов. Ни один сотрудник, подчеркиваю – ни один и никогда, не имел подобного. Ты будешь первым и единственным.

— А я и так первый и единственный, — сказал я сущую правду.

— Но так ты получишь поддержку всего коллектива. Если будут интриги, я помогу справиться. А поверь, они будут. Тебя обязательно захотят загнать на дерево, и посмотреть, насколько ты крепкая и умелая обезьяна, и сможешь ли удержаться на ветке. И все равно, ведь ты не знаешь специфики работы. Ее не может знать никто, кроме нас. Поэтому без настоящей поддержки, никак.

Не заметил, как он это сделал, но его вторая рука уже протягивала в мою сторону небольшой лист. Я

непроизвольно отодвинулся.

— Мой настоящий договор у Вас в другой руке, вообще-то. Не вижу смысла заменять чем-то иным, заведомо худшим, — сарказм не сдерживал. Ясно, что в этой конторе, меня однозначно захотят обусть не в самую лучшую и удобную обувь. — Давайте лучше пройдемся по нему.

— Надо ли торопиться? Вернуться к нему всегда успеем. Подумай о перспективах, о моей, — он повел рукой в неопределенном жесте, — о нашей поддержке. Это более интересный вариант. Ведь за результаты по любому спросят. А так, по сути, на тебя будут

работать все, и при этом ты будешь прикрыт нашими опытными спинами.

— Меня интересует самостоятельная работа.

— Вакансия занята.

— Во-первых, это не проблема, — я кивнул в сторону бумаги в его левой руке, грубо намекая на огромную печать, что самое главное для меня и моей безопасности на данный момент. — А во-вторых, это не моя проблема, — я снова качнул головой в его сторону. В конце концов — все уже решено, надо только исполнить.

— Да нет — проблема, да еще какая. Организация должна работать устойчиво, и всякие эксперименты, необдуманно проводимые канцелярией, на пользу никому не идут. Они не признаются, но ведь все началось с ошибки, с их огромного ляпа. Об этом знают даже дети. Такой прокол в самом начале непростителен и не вызывает доверия.

Я понял, что он имеет в виду, хотя варианты всегда существуют.

— Надеюсь, Вы не имеете в виду проект Самого...? Знаете ли...?

— И его тоже. Изначально там были грубейшие просчеты – я бы сделал все по-другому, – в глазах появилось мечтательное выражение.

— Но ведь это не Ваш проект!

— А зря, – выражение не изменилось, – результат был бы лучше, он был бы качественнее, и, вообще, он был бы другим – не пришлось бы постоянно устранять отклонения от задуманного. Проект обязан выполняться автоматически. Мы бы изменили все, начиная с устройства и заканчивая декларируемыми целями.

— Инициатива твоя? – переход был быстрым. Похоже, он не может пока разобраться в интриге, пытается вычислить, кто закрутил. Информации ноль – под носом только явные последствия. Исключительная ситуация. Неужели Сам решил? Не может поверить? Ожидал бесконечного терпения? Хотя так и есть, но вот ведь как все может повернуться неожиданным образом – решение теперь принимать не ему.

— Может не надо искать того, кто строит козни, – я не собирался расшифровывать всю подноготную вопроса. – Вы сами только что дали ответ. Проект должен выполняться, его надо поддерживать. В этом – все.

— Ну, это только твои мысли. Ему всегда была выгодна моя позиция – не надо признаваться в своих ошибках, а обо всех недочетах, порой крайне серьезных, всегда есть кому позаботиться. Мы, по сути дела, ассенизаторы, устранители негативных последствий. Мы храним его репутацию. И он ничего не хочет менять.

— А я?!

— Это не то, что ему надо. Не те перемены.

— Не Вам решать, – пустой разговор начинал надоедать, но было бы роскошью нервничать в его

присутствии. Все необходимые документы у него на руках – пусть принимает решение. Надо – подтолкнем.

Он снова посмотрел в мою сторону, неожиданно широко улыбнулся – я даже удивился, насколько нормально и естественно смотрелась улыбка.

– В любом случае, решения в данный момент не будет. Последствия катастрофичны для всех. Я должен проконсультироваться. Не понятно, почему мне не сообщили об этом напрямую? Более того, такие вещи должен доводить до меня Сам.

– А на руках у Вас что? Его знака недостаточно? Ведь подделать печать невозможно никакими силами, и Вы это отлично знаете. Его решение у Вас в правой руке. Ситуацию Он знает прекрасно, осталось только выполнить, как Вы говорите, процедуру. Так в чем же дело?

Он опасливо прикрыл лист с печатью, положил вторую руку сверху заглавного листа, на секунду сосредоточившись, и что-то прошептал.

– Да не подделка, – я решил вмешаться.

В воздухе пыхнуло ярким, и тут же появился запах озона. И ничего более.

– Убедились?

– Похоже на программу «Эволюция»? Хм. Не думал, что Он пойдет настолько далеко. И как всегда не представляет всех последствий. Придется кому-то еще и это разгребать. Кстати сказать, не самая лучшая его задумка. И весьма опасная. Никто так и не знает, куда она приведет, – он бормотал себе под нос, но, находясь на расстоянии, я умудрялся все отчетливо слышать. – И главное – зачем? Проверим...

Полыхнуло огнем – жарко, мгновенно, ослепительно ярко и в сопровождении грохота. Горный обвал, не меньше. Мир сомкнулся, издав яростный звук, рвущий все. Помоему, колыхнулось даже пространство. Оно качнулось и

пошло волнами, постепенно затухая. Меня отбросило на несколько метров в сторону, на ногах я не устоял, беспомощно завалился на спину, и несколько раз перекувыркнулся.

Чтобы прийти в себя, понадобилось время. Я медленно очухивался, мотая головой – в ней шумело, а в груди затаилась тоска.

Виновник был цел. Более того, если не считать определенного изменения одежды и внешности, он очень был даже ничего. Только золотые очки смело напрочь, разметало его густую шевелюру, сильно повредило костюм, не принеся вреда самому владельцу. И он даже не выглядел испуганным – так, немного обескураженным, и все.

– Ого, они поставили гриф высшей защиты. Однако, – бормотание не изменилось. Сквозь туман в глазах, я видел, что мои бумаги уцелели. А чего он хотел? Печати ставят не для того, чтобы их взламывали.

– Ты..., – я еще не владел своим голосом.

– Все будет нормально, – он с усмешкой пренебрежительно махнул рукой в мою сторону.

– ... должен знать, в моем договоре нет таймера, в него просто встроен счетчик попыток, и ограничитель уровня опасности. После этого..., – все же я приходил в себя гораздо медленнее, чем хотелось бы, – процедура запускается автоматически.

– Попыток сколько?

– А хрен, тебе.

Я видел, как он колебался, взвешивая в руке мои бумаги. Не в его власти изменить ситуацию таким образом.

– Документ полностью согласован. Я повторяю – полностью. Не только Сам, но его завизировали и все остальные. Каждый приложился своей печаткой, на что ты не обратил внимания. Нет только твоей, но ее и не будет.

Вот теперь его проняло:

— И зачем ты согласился? Да и какова цена? — он на секунду замер, как бы прислушиваясь, и качнул моим договором.

— Стандартная. Почему они на это пошли? И я не чувствую в тебе особой силы. Вон как перекосило — а ведь это даже не цветочки, и даже не их преддверие.

— Должность важна, — голос был хриплым. — А себя вспомни молодого — надо время, надо желание, и надо приступить к служебным обязанностям. И не надо лезть не в свое дело, — я сам не заметил, как перешел на ты. — Правил не знаешь? Или мы заканчиваем балаган, или все произойдет автоматически.

— Шеф, — не вовремя возникшая секретарша была изрядно помята. — Там по чрезвычайному каналу ...

— Изыди, — шеф махнул рукой, и снова застыл. Затем, не меняя позы, одним движением привел себя в порядок.

— Это настоящий заговор. И все же такое невозможно, — он снова уставился на меня, теперь без усмешки, и без иронии, совершенно по-серьезному. — Рушатся основы мира. Этим всегда занимались мы. Наше предназначение именно в этом, чтобы не думали и не говорили посторонние.

— Нет никакого заговора. Первичная инициатива исходила от меня.

— Ты уверен?

— Да.

— И заплатить не страшно?

— Ну, ты же сам именно так и работал все время, и не боялся предлагать ее своим ... клиентам.

— Во-первых, это работа, во-вторых, хобби, в-третьих, образ жизни, в-четвертых, предназначение. Но я про

другое – выдержишь ли? У вас у всех есть слабое место, являющееся предметом нашей деятельности. Куда его денешь?

— Ты же сам сказал – в этой части договор стандартный. Туда и дену.

— Банально. И не забывай про процедуру – ты станешь другим. Совсем. Здесь не властен даже Он.

— Я готов.

— Их даже не испугало отсутствие вакансии, — он все еще обсасывал эту мысль. — Место занято. Я тебе говорю – место совершенно занято. Не получится, — голос загремел подобно горному обвалу. Что у них тут, постоянно такая сейсмическая зона?

— Я сломаю печать.

Он громогласно расхохотался, закинув вверх подбородок.

— Ты знаешь, чем это грозит тебе, сделавшему такое, если конечно получится? — он не мог успокоиться. — Смерти не будет. Ее в таких случаях не бывает ни у кого. Даже я не справился бы, а со мной ситуация иная. Смерти не будет, — он с нажимом повторил фразу.

— Небытие. Я в курсе. Но это если в договоре не оговорены особые условия, — мой голос был совершенно спокоен.

— А печать, ей ничего не сделается. Ее нельзя уничтожить – только вместе с этим миром. И то, сомнительно.

— И это я знаю, — моя рука нырнула за пазуху, нащупывая свиток. — И не только.

Его глаза замерли на том, что я вытащил на обозрение. Готов биться об заклад – он его узнал сразу.

— Где взял?

— Угадай с трех раз.

— Канцелярия такое сделать не может – не в ее власти.

— Так ты выполнишь процедуру согласно договору? Или как? — я поигрывал свитком, ощущая всю его тяжесть — в себе он содержал целый мир — тяжелый и грозный, но он был у меня в руках.

— Тебя ждет смерть!

— Так о чем и речь.

— МЕСТО ЗАНЯТО, ВАКАНСИЙ НЕТ! — от грома дрожала Вселенная, но я был спокоен.

— ЭТО МОЕ МЕСТО! — с дьявола слетела вся позолота. Теперь я мог лицезреть перед собой ревущее чудовище огромных размеров. Пропал костюм, человеческий облик, изменилось пространство — даже свет съежился, стараясь побыстрее покинуть это место. Остались только темно-красные и алые цвета, напоминающие свечение тлеющих на пожарище головешек.

Внизу в сопровождении далекого глухого гула дрогнуло и пошло шевеление. Прямо под нами, как на фотографии, неторопливо проявлялась вершина гигантской горы под темным небом, окунувшим все и вся в совершенно мрачные тоскливые тона. Мы оказались на самой вершине на небольшом пятачке, со всех сторон обрывавшимся в бездонную пропасть без конца и без края. Темное бурлящее нечто шевелилось в далеком низу. И все равно было понятно, что пропасть бездонна и бесконечна. От одного взгляда в нее захватывало дух, и кружилась голова.

Внезапно со всех сторон раздался многоголосый хрустальный звон — будто рядом в большом количестве лопались струны неведомого музыкального инструмента. По густому красному туману, в который превратился сгустившийся свет, пошли мелкие разряды малиновых молний.

Я замер, непроизвольно напрягшись всем телом, и ожидая любого подвоха. Теперь по застилавшему весь обзор колоссальному чудищу пробегали красные сполохи,

и казалось, что под ними начинает жить своей отдельной жизнью каждая, даже мелкая часть этой древней сущности. Ад проявлял себя во всей красе, играя цветом и звуком – меня окружала мощь, и она была страшной. Свет давил как могильная плита.

Потянуло серой.

Я лишь успел это осознать, как вдруг сверкающие молнии зачастили в едином ритме, многократно усиливая звон, и тут же многие из них неожиданно замерли, прямо повисли, застыли в пустом, но при этом, дающем впечатление кисельной густоты, пространстве. А затем начали расползаться, будто швы на гнилой материи, неотвратимо превращаясь в дыры различной величины.

«Голландский сыр», – единственное, что пришло в голову.

И тут же из дыр, как из нор, полезли черти и чудовища самого различного цвета, вида и размера.

Некоторых по габаритам можно было сравнить с бегемотами, но была и совершеннейшая мелочь, размером с кошку. Они жадно хватались за рваные края отверстий, с рычанием и повизгиванием вытягивая себя к нам, а глаза, пошарив в окружающем пространстве, неизменно натывались на меня и уже не отрывались. Вся эта живность проявилась не только вокруг, но даже сверху, грозя в любое мгновение свалиться прямо на голову.

Я всей душой, а не только взглядом, ощущал их злобу. Даже у тех, кто не осмеливался сразу рвануть на эту сторону, а лишь с настороженным любопытством оценивал обстановку, недобро посверкивая из глубины глазами.

Свет!

Яркий. Белый. Всепоглощающий.

Я вдруг понял, что слышу уже не звук лопающихся струн, а смертельное визжание чудовищ.

Печать на моем договоре разгоралась небесным сиянием, освобождая пространство от непрошенной нечисти. Не повезло тем, кто успел почти полностью вылезти из своего мира – их тела вываливались, по пути успевая раствориться в свечении и бесследно исчезнуть. Кто-то отпрянул, я видел исчезающие кроваво-красные глаза в пропадающих дырах. Свет, как огромная кисть, очищающим движением смахивал не только чертей, но и многочисленные отверстия, убирая ноздреватое пространство.

Я поднял свиток выше, чтобы это было хорошо видно скованному светом дьяволу, застывшему истуканом передо мной. Мы снова оставались одни.

— Или ты выполняешь предначертанное, или я ломаю Небесную печать в твоём договоре с НИМ, что означает то же самое. Но это, твоё небытие. И только. Место освобождается – пришли времена перемен.

— Но у тебя же есть душа!? — Сатана взвыл. — Это невозможно!

— Тем не менее.

— В Небесной канцелярии всегда глупцы сидели, но чтобы такое придумать?! — ... Ренегаты, предатели, экспериментаторы. Как они могли отдать тебе в руки ...? А их новомодное стремление к прогрессу...?! Властелин Ада я – так было всегда. Я глава злых духов, — он понизил голос до рокочущего шепота. — Ты хоть это понимаешь?

— Ничего личного. Это прогресс. Новое должно пробить себе дорогу.

— Но здесь ты просчитался, сын Адама. Я всегда стоял за спиной человечества и знаю каждый его шаг. Я – Собиратель Душ, и ты не исключение. Место твоё в Аду, его на всех хватит. И главное – я в нём Хозяин. Все равно

твоя душа его не минет.

— Да, она должна достаться тому духу, что заберет меня, — я вскинул голову. — Тут ты прав. Но я защищен печатью. Ты должен ее сломать, тем самым, полностью перебрасывая меня в ваш мир, а себя, освобождая от должности. Появляется вакантное место. Одно. И я его занимаю. Мое будущее быть

Смотрителем Нечисти. И соответственно, моя душа достается мне же. Вместе с должностью. Теперь мне здесь наводить порядок — это мое место! Таков Его План. Ты был при деле, пока у нас не развились души. Это, — я понизил голос, но застывшая статуя Сатаны внимала каждому шороху, — нормальная ЭВОЛЮЦИЯ — Страж с душой.

ПЕРИФЕРИЙНОЕ УСТРОЙСТВО

«Нет! Он мне не поверит. Ни за что на свете!» — подумал я, одновременно сделал большой глоток из чашки, поперхнулся и зашелся в кашле.

Напротив сидел Игорь и ждал когда я приду в себя. Глаза у него были голубого цвета, и в них читалась легкая грусть. Глядя в мое лицо он медленно протянул:

— Ты оригинально себя назвал – «ПЕРИФЕРИЙНОЕ УСТРОЙСТВО». Знаешь ли, мне никогда не приходило в голову применить это понятие к человеку.

— Но это так! — я говорил осторожно и в тоже время с нажимом – кашель все еще пытался вырваться наружу.

— Может, произошло простое совпадение? Такое бывает. У меня в жизни произошло несколько подобных случаев. Один очень смешной...

Я не дал договорить фразу. Роскошь вот так сидеть и попусту трепать языком. Да и не было уже сил.

— Игорек, не надо. Все гораздо серьезнее и страшнее, — тут я отвернулся, уставившись куда-то под гору. Ровно через три дома начинался лес и тянулся сплошной полосой километров двадцать, а то и все тридцать. В эпоху развитого сельского хозяйства подобное редкость. Многие сказали бы – большая редкость. Зеленый цвет деревьев

несколько успокаивал, стало легче, и, проглотив комок в горле, я продолжил:

— Я был в таком же здравом уме, как и сейчас, — в этот момент я подумал, что Игорь мог бы иронично улыбнуться или каким-либо иным способом проявить свою реакцию, но он сидел спокойно, больше всего смахивая на Сфинкса из-за молчаливого вида. — И я все помню, помню очень отчетливо и до мельчайших подробностей.

— Хорошо... Самолет разбился?

— Нет.

— Так в чем дело?

— Он просто исчез!

— ...?

— Ты должен был слышать – это постоянно передают во всех новостях. «Боинг-737» – 97 человек на борту вместе с экипажем. По предварительным данным в нем находилось восемнадцать детей... Они ошибаются... Их уже семнадцать, — мрачно ответил я и осторожно допил свой чай. В горле еще саднило, поэтому я не торопился.

Мы с Игорем сидели у меня на даче в летней беседке среди океана зелени и разговаривали по душам. Аромат от нашего чая казался сильным и соблазнительным. Мой желудок был пустым, и горячая жидкость в некоторой степени заменяла еду, заполняя пространство, предназначенное для пищи. Кроме того, ночью я совсем не спал и теперь чувствовал легкое гудение в голове и резь в глазах, как если бы в них бросили несколько пригоршней сухого песка. Возможно, по этой причине я периодически поглядывал с пригорка вниз – густой лес был насыщенного зеленого цвета, а небо – высоким и голубым. От этого, вроде бы, наступало временное облегчение.

— Расскажи поподробнее и с самого начала, — Игорь в задумчивости смотрел туда же.

Я вздохнул и попытался налить новую чашку. Игорь

взял из моих неуклюжих рук фарфоровый чайничек с красным петушком и налил чашку до половины. Я смотрел, как он доливает горячую воду из небольшого медного самовара и одновременно чувствовал зуд заживающих ран под бинтами. Кисти рук из-за наложенных на них повязок, напоминали боксерские перчатки.

— Позавчера я сидел у себя в комнате на втором этаже. Было часов двенадцать, когда...

— Нет, Алексей, нет! Как ты его приобрел? Вспомни все, до мельчайших подробностей. И с самого начала.

В памяти тут же всплыл огромный светло-зеленый светящийся конус. Это был совершенно ужасный свет. Такого непередаваемо-ужасного свечения я не видел даже тогда, когда год назад пришлось вместе с соседом полночи тушить деревянный дом и такой же сарай, расположившиеся в тридцати метрах от моего участка. Мои бедные израненные руки, его новые органы чувств, сходили с ума под его воздействием и двигались, двигались.

— Я не думаю, что это имеет значение... теперь.

— Имеет. Поверь, — у Игоря был вкрадчивый голос психиатра. Так мне показалось.

— Имеет значение то, что произошло вчера и только оно, — я сопротивлялся из последних сил. Прошедшее болезненным эхом отдавалось в душе, и я хотел приглушить воспоминания, насколько это было возможным. Игорь же ковырял открытую рану. Правда, я сам попросил об этом.

— А потом мы поднимемся на второй этаж, и ты все покажешь. Так?

— Так, — я вздохнул. Отступать было некуда. Я сам себя загнал в угол — не теперь, гораздо раньше. В этом он абсолютно прав. С этого и надо начинать.

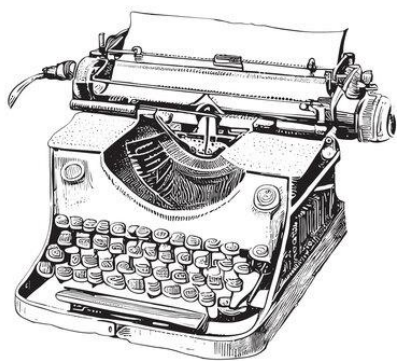
Этот бэушный компьютер мне достался довольно дешево — всего 425 зеленых. Машина была обычной, по

внешнему виду никто бы не сказал, что я не первый владелец. Еще лет семь назад, она представляла собой последний крик современной технологии и науки. И моды, конечно, тоже. Все предыдущие модели казались рядом с такой техникой чем-то несерьезным, просто детским – компьютеры работали более медленно под управлением современного программного обеспечения и меня не устраивали, так как, более того, не каждая программа устанавливалась на такое старье.

Его первый (а может и не первый) владелец включил компьютер для меня, чтобы продемонстрировать возможности и отличное состояние техники. По миру широко шагали различные версии Windows, в печати не утихали дискуссии о его будущем, о мнимых и реальных достоинствах, а мы тем временем ковырялись в старых версиях окон.

«Это не страшно!» – говорил мне молодой парень, весьма энергичный субъект и примерно такой же чайник в понимании программ и компьютерной техники, как и я.

«Ваш компьютер просто напичкан последними достижениями зарубежных компаний. На нем вы сможете печатать тексты в любом редакторе! При желании, поставьте тот же Windows, да еще останется место для кучи игрушек, этаких убийц вашего свободного времени. Ну да вы должны знать, что позволяет вытворять подобная машина», – так он напутствовал меня и в принципе был прав.

Однако реклама казалась излишней – я прекрасно знал, для чего покупал машину, и уже знал, что возьму именно эту. Мой старенький планшет вышел из строя. Он верой и правдой прослужил лет десять на

литературном поприще. Мы с ним прекрасно сработались. В нем я написал не один рассказ и почти все романы. За долгие годы он превратилась во что-то родное. Иногда я разговаривал с планшетом как с живым и понимающим меня существом.

Но у каждого явления есть начало и есть конец, а у вещи – рождение и смерть. Несколько недель назад он выпал из моих рук, когда я засыпал и разбился. Погиб при мне. Не только окончательно треснул экран, но что-то случилось и с электронной начинкой. Я как раз заканчивал рассказ о новом виде комаров под оригинальным, как я считал, названием «Спидоносец».

И планшет разбился.

Сразу же с экрана посыпались мелкие и крупные осколки. А то, что должно быть за защитным стеклом, никак не проявлялось.

Одним словом, я остался один на один с чистыми листами бумаги. Сроки сдачи рассказа приближались, но это было не главным. Фактически я его уже написал, оставалось только допечатать последние полстранички. Но работа над моим новым романом полностью застопорилась. Все эти годы я упорно отвыкал писать тексты вручную. В этом имелись свои преимущества, включая и то, что электронном виде планшет выдавал нагору почти в полтора раза больший объем материал. И вот внезапно я оказался полностью стреноженным.

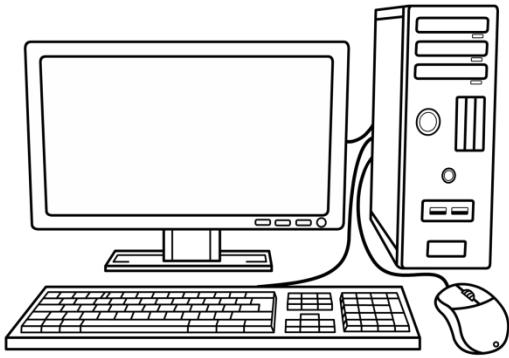
Я еще попытался писать как в юности, но уже на третий день почувствовал, что что-то не так. Сюжет не выстраивался, герои вели себя отвратительно, не желая становиться живыми, вечно находились какие-то отвлекающие моменты – то чайку попить надо, то покушать, то вдруг возникнет желание выполнить давно отложенную и не очень срочную работу по дому в рабочее время, когда должен сидеть за письменным столом и

писать.

В общем, Ее Величество Муза покинула меня в начале долгой и трудной работы.

Надо было что-то делать.

Где-то в конце той же недели мы с Ирой сели и обсудили ситуацию. Дело в том, что это могло оказаться благом, несмотря на кажущееся противоречие – я ведь остался без рабочего инструмента. Ира сама предложила такой вариант:

— Давай купим компьютер.

На нее это было похоже, она ведь всегда мыслила по-современному, будь то одежда или приемы работы.

— Нужны деньги. И деньги немалые, — я не знал, хотел ли я персоналку или ноутбук. Наверное, в тот момент во мне боролись противоречивые чувства – в какой-то степени я был консервативен и этим компенсировал жену. А с другой стороны, возможности компьютеров при наборе текстов я представлял достаточно хорошо. Разумеется, на уровне дилетанта – сейчас найти популярных статей и брошюр на эту тему не представляет никакой трудности. Ну... и финансовый вопрос стоял не на последнем месте.

— А сколько он может стоить? — если Ира чего-то хотела, то проблемы денег ее не очень волновали. Лишь бы они были. А уж тратить – тут все было нормально. Для того они и существуют. Можно сказать, что это один из ее девизов, жизненных принципов, который она не удосужилась сформулировать. За нее это сделал я.

— Думаю от тысячи двести зеленых и выше, — почему-то такая цифра сидела в моей голове, и я не знал, откуда она взялась.

— Так дорого? — Ира все еще не сдавалась. Ее глаза смотрели вопрошающе: «Мол, ты ничего не напутал?»

— Это же компьютер!

К этому разговору мы вернулись на следующий день. Ира нашла в вечерней газете объявления. Среди куплю, продаю, меняю, было то, единственное. Персональный компьютер по цене 425 долларов. Срочно! Звонить по телефону 44-57-28. Владелец не пожалел денег (если объявление было платным) и расписал свою рекламку на целых пять строчек.

— Леша, я нашла. Смотри, — она подчеркнула ногтем выбранную строку. — Давай позвоним. Ты сможешь на нем печатать. И Артему будет полезно, освоит компьютер. В наше время для детей это необходимо.

У меня сразу возникли некоторые сомнения:

— Об этом я не подумал, но как же ты представляешь, мы будем одновременно сидеть за компьютером?

— Почему одновременно? Только когда ты не будешь работать. В остальное время его не оторвешь от телефона. Давай. 425 доллара мы найдем.

Тут я на некоторое время замолчал.

— Вы быстро нашли деньги? — Игорь решил мне помочь.

— Да, мы успели первыми.

— И купили его? — он спрашивал утверждая.

— Да, она меня уговорила. Наверное, перевесило то, что при большом экране в текстовых редакторах можно до бесконечности и очень удобно изменять уже набранный текст. Это значительно облегчает работу, хотя компьютер и оказался дороже планшета. — Я позвонил тому парню...

Забинтованные руки автоматически стали выбивать какой-то ритм. Хоть садись на них.

— Это оказался молодой парень лет двадцати пяти, высокий и полный, с заплывшими глазками. Таких в

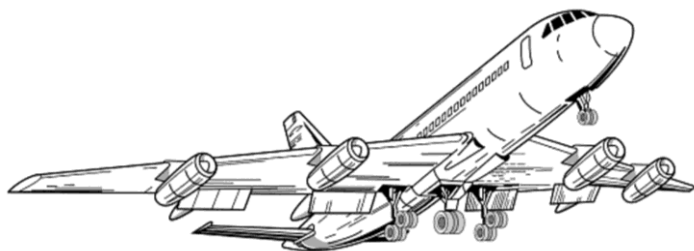
детстве мы звали “жиртрестами”. И в нем еще был какой-то, не останавливающийся ни на минуту, электромоторчик. По словам владельца, выходило, что торговлей партиями компьютеров он не занимается, как это теперь бывает достаточно часто. Просто срочно понадобились деньги, и вот он появился у нас. Он все говорил: «Ну, вы понимаете, как это бывает. Очень понадобились деньги». Это: «Ну, вы понимаете, как это бывает», — он вставлял куда надо и куда не надо.

— С ним разговаривал только ты?

— Да! Ира еще меньше моего разбирается в компьютерах. Кроме того, в тот момент ее не оказалось дома. По-моему, она повела Артема на занятия в танцевальный кружок. Или в рисовальный. Я не помню...

— Хорошо, хорошо. Не волнуйся. Что было дальше?

— Мне тяжело вспоминать. Это... — я не сразу подобрал подходящие слова. — УЖАСНО и ДО БЕЗУМИЯ СЛОЖНО. И не имеет никакого значения, — я не выдержал и оборвал рассказ. — Вчера ОН съел пролетающий самолет, Игорь. И теперь я думаю о тех, кто там был, и о своей семье. Только это и важно. Ты не знаешь, что я пережил... Это совершенно ужасно и неправдоподобно!

Они все исчезли,
но я-то вижу их
каждый день —
кричащих и
взывающих о

помощи. Они... Они... Компьютер просто стер самолет с неба, как если бы это оказался самый рядовой файл. И переписал на свой диск. Или куда-то еще. И теперь...

— Ну, ну. Успокойся. Все будет хорошо. Ты закончишь рассказ, и мы сходим и посмотрим на этот ящик.

— Закончу рассказ... Но мне кажется, конца для него

еще не написали. Я хотел скинуть с цены долларов 25, или хотя бы десять. Не потому что не хватало денег – нужную сумму мы наскребли. Я поступал так из чисто спортивного интереса. Скажем так – чтобы не терять форму. Но парень оказался неумолим. Он расписывал товар, рассказывал про новые возможности техники и стоял на старой цене. Правда, на новые возможности он только намекал.

После всего случившегося я неоднократно обдумывал наш разговор. И думаю, продавец и сам толком не знал, на что конкретно он намекает. Парень трепался, как самый обыкновенный торговец. Вряд ли в компьютер заложили что-то необыкновенное, отличающее его от миллионов таких же собратьев. Так что он мог бы и уступить.

Хотя бы одну зеленую бумажку.

Но... Не знаю, не знаю. Цена и так была невысокой и могла вызвать подозрение, если ее сбросить ниже. И еще он продемонстрировал, как работает компьютер. Парень набрал несколько строчек в текстовом редакторе, когда узнал, что я собираюсь использовать компьютер для набора текстов.

Я бы сказал, что компьютер мне понравился. Он выглядел элегантно и так, будто только что сошел со сборочного конвейера.

Продавец все тараторил о том, что срочно понадобились деньги, иначе он, конечно же, ни за что не продавал бы такую чудесную игрушку. Его пятилетняя дочь расстроилась, поэтому пришлось вынести коробку с техникой тайком от ребенка. Я понимаю, что может, то, что я говорю, не научно, но я был уверен – он мне не врет. И я также был уверен, что мне продают не ворованную машину. Я все время рассматривал эту возможность и интуитивно чувствовал, что все нормально. Ему действительно были нужны эти злосчастные 425 доллара.

Таким образом, персональный компьютер с новым

процессором мне понравился. Меня немного расстроила только одна вещь – я как-то не подумал, что принтер – это не обязательная принадлежность ЭВМ. Печатающее устройство необходимо было докупать.

Я быстро смирился с новой проблемой, компьютер все скрасил. Он уже был моим. И я мог начинать работать над рассказами. Я пританцовывал от нетерпения, пока бывший хозяин, уже моего компьютера, разглагольствовал о новых пакетах программ, современных операционных системах и тому подобных штучках. Но рассуждал он как дилетант, то есть на моем уровне. Поэтому я прекрасно бы понял его треп, если бы имел желание прислушиваться к надоевшей болтовне. В моей голове клавиши уже мелодично выстукивали новый рассказ, про человека, зарабатывающего на жизнь продажей ворованных компьютеров, а потом, совершенно случайно, попавшего на бывшего владельца.

В конце концов «жиртрест» уехал на своих «жигулях». А это чудо... Я поправился... Чудище современной техники, оказалось в моей собственности.

Вечером у дисплея собралась вся семья – тот жирный боров не стер игры, записанные на жестком диске, и фактически моя работа была сорвана. Хотя я не расстраивался. Мы по очереди гоняли по лабиринтам замка «Волчье логово» или пытались выиграть автомобильные гонки на крутых трассах. О работе над рассказом «Продавец» я не помышлял.

Все чувствовали подъем. Артем от возбуждения не находил себе места и как только наступала моя или мамина очередь заступать на игровую площадку, тут же начинал канючить. Все происходило, как и должно быть при появлении новой вещи в доме. Только охватившее нас чувство было на порядок сильнее тех, что появляются при обычных покупках. Даже крупных. Ну... если только за

исключением автомобиля.

То, что мы видели, вызывало ассоциацию с окном в мир. Что-то подобное охватывало меня в детстве, когда отец первым среди соседей в подъезде, купил невиданное чудо – телевизор «Горизонт». Но то было детство, и первый телевизор в нашем доме. А тут...

В общем, новая реальность. Она даже нормально спать не давала. Артем несколько раз за ночь подхватывался с криками и пытался управлять гоночным автомобилем.

Потом это прошло.

Конечно, игры в какой-то степени задерживали мою работу, но задерживали они экспресс, а не медленно ползущий со всеми остановками пассажирский состав. И я несколько месяцев весьма прилично поработал. Два новых рассказа, сюжеты, которых родились за дисплеем и один старый, до которого давно не мог добраться. Кроме того, я с энтузиазмом написал две главы романа «Самоубийцы», правда, одна из них оказалось совсем маленькой – на три странички.

Если бы так дело пошло дальше, то к концу года я бы закончил роман. А может и гораздо раньше. Кроме того, я прошел четыре уровня «Логово волков» и три «Modern Warfare 2», в которой нет ни единого слова по-русски.

Но играли мы преимущественно по выходным. Разумеется, в играх я отставал от Артема. Третье почетное место на нашем пьедестале занимала Ира. Она наиболее занятая среди нас – работа, домашнее хозяйство, любимое дитя в лице восьмилетнего Артема.

— Я понимаю, — сказал Игорь. Мы замолчали и несколько минут просидели в полной тишине. Я собирался с мыслями.

— Ты мне включишь компьютер? — все мое существо вздрогнуло, как от электрического удара. Такой вопрос можно было ожидать.

— Нет! — ответ был резким и даже грубым. — Я не собираюсь его включать в присутствии других. Мне до конца жизни хватит того, что произошло. Самолет – его последняя жертва. По-другому я не хочу и не могу. Прости уж.

— На своей работе я имею дело с десятками персоналок каждый день. Одним большим компьютером меньше, одним больше – это не имеет значения. Доверься мне. Я помогу.

— Поможешь? Господи! Только не в этом! Да я и боюсь – до холодного пота и дрожи в коленках. У меня внутри все слиплось от страха. Даже есть не могу, — я почувствовал дрожь не в ногах, а в забинтованных руках, как будто они слышали, — а только гоняю чай с тобой. Могу я, в конце концов, просто бояться этого. У меня ведь семья. Я имею на нее право, так же как не имею права их подставлять. С ними ничего не должно случиться. Н И Ч Е Г О !!! Уж это я знаю совершенно точно!

Игорь меня понял. Он всегда неплохо это делал. Еще со школы, а может быть и с более раннего возраста. Я нервничал – сам я это хорошо чувствовал. Поэтому он отнесся к моей вспышке спокойно и не обиделся, а лишь вздохнул и задумчиво посмотрел на лес, в то место где смыкались верхушки деревьев с летним безоблачным небом. Солнце давно перевалило за полдень и сейчас скатывалось к горизонту.

— Я думаю о том, что ты рассказал. Ты больше ни с кем не беседовал?

Он мог бы и не спрашивать – я еще не потерял рассудок, несмотря ни на что. Но возможно, он придерживался другого мнения. Все же я отрицательно покачал головой.

— Очень легко подумать, что с тобой не все в порядке.

— А со мной действительно не все в порядке. Иначе я не попросил бы тебя приехать.

— Что ты имеешь в виду? — он насторожился.

— Нет. Я просто не нахожу себе места. Разве это может быть «в порядке»?

— Может тебе все приснилось? Ты говорил, что в последнее время много работал. Может ты переутомился? Может, тебе нужен отдых? А может, не рассказывая про самолет, обратиться к врачу?

Я не успел возразить – где-то высоко над головой загудело. Наши глаза автоматически уставились в источник звука – в бездонном голубом пространстве над нами проплывало серебристое, отражающее вечернее солнце, тело самолета, заходящего на посадку.

— Тут проходит их глиссада, — в моих словах помимо воли прозвучала печаль. — Я не знаю расписания, но самолеты над нашими участками появляются не каждый день и в разное время. Наверное, это зависит от их маршрута, а может, так командуют экипажам подлетающих самолетов с земли в зависимости от погодных условий – трудно сказать.

Сигарообразное тело вычертило над нами дугу и скрылось в стороне аэропорта. Игорь вернулся к прерванному разговору:

— Ты расскажешь, что произошло дальше и про то, когда и как все началось?

— Вот здесь на даче все и началось, — голос мой был тих и спокоен. — Наступил летний сезон и три недели назад мы всей семьей выехали из города. У меня начинался летний отдых, Артему идти в школу только с первого сентября, а Ира может жить здесь до середины августа. Так, что раньше конца лета, мы не должны выехать отсюда, жене лишь придется недели полторы ездить на работу прямо с дачи.

Так вот, в первых числах июля мы оказались здесь. Разумеется, компьютер взяли с собой – я не хотел

прерывать работу ни на день. Мне как раз неплохо писалось.

Где-то дня через четыре погода испортилась. Ты должен помнить те несколько дней. Это был тот редкий случай, когда прогноз погоды метеорологов оправдался на все сто процентов. К нам пришел циклон. В общем, как передавали в сводках, в нашем районе установилась область низкого давления. Что это такое, в наши дни, в эпоху всеобщей информатизации и телевидения, знает даже ребенок. Это осадки, осадки и еще раз осадки.

Дождь лил несколько дней подряд, не прекращаясь ни на минуту. У меня было ощущение, что влагой пропитался не только воздух, но и все дачное строение. Когда мы по вечерам ложились в постель, казалось, что и все белье такое же влажное, как и все остальное.

В те дни я начал топить печку.

Сразу стало лучше. Снаружи ветер, сплошная стена дождя или легкая туманная завеса от моросящего дождика, сумрак днем, а у нас – тепло, уютно и светло. Мне это даже понравилось.

На первый и на третий день, когда непогода особенно разъярилась, как бы чувствуя свое бессилие, прошли грозы.

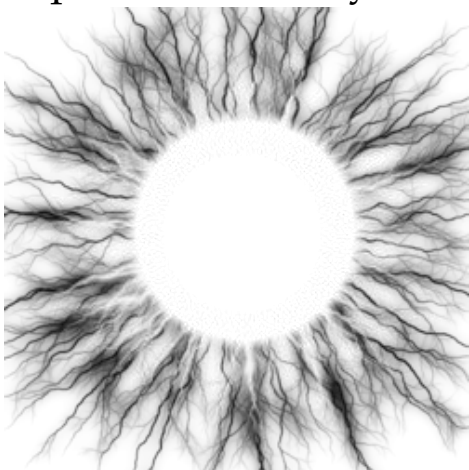
Это случилось как раз в тот третий день... Я сидел у себя в комнате и печатал рассказ. Печь была натоплена почти как зимой, по этой причине форточка за спиной оказалась приоткрытой.

Думаю, она появилась раньше, чем я заметил ее отблески на экране дисплея. Сначала я подумал, что за моей спиной кто-то включил настольную лампу, только почему-то от нее исходило красное свечение.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить – световое красное пятно движется по экрану. У меня не было ощущения, что это свечение экрана, я четко знал – что-то происходит за моей спиной.

Я спросил: «Ира?» – и резко повернулся. Конечно, это оказалась не она.

Прямо по воздуху в мою сторону, беззвучно и медленно, плыл огненный шар. По правде говоря, это была первая шаровая молния, увиденная мною в жизни.

Во рту стало сухо, а весь словарный запас просто испарился. Я боялся даже моргнуть и смотрел на происходящее во все глаза. Шар колебался в потоках прохладного воздуха, исходящих из приоткрытой форточки, и передвигался в мою сторону на

высоте метра от пола или чуть выше.

В общем, мое лицо находилось на уровне шаровой молнии.

Я замер. Поза напоминала выжимаемое с усердием белье, такая она оказалась скрюченная. За окном шумел дождь, периодически погромыхивало, на стенке мерно тикали ходики.

Теперь я могу сказать, что смотрел в лицо своей смерти.

Нет, страшно не было. Вернее, я боялся, но не за себя, меня все то время, что шар медленно плыл в мою сторону, мучила мысль, что будет с Ириной и Артемом, если со мной произойдет что-то страшное.

Молния была размером со спелый апельсин, и этот апельсин уже проплывал мимо моего носа. Я чувствовал легкий грозовой запах озона, но мне даже не приходило в голову дернуться в сторону. Этот шар так легко двигался на небольшом сквознячке, что не приходило сомневаться – при малейшем движении летучая смерть пронзит меня насквозь. В голову стали приходить идиотские случаи подобных смертей, о которых я когда-то слышал. Кого-то

застала гроза в поле, человек побежал прятаться, и тут его голову прошило гигантской электрической искрой. Каждый человек в своей жизни хоть раз слышит что-либо подобное.

А потом я не только затаил дыхание, но и мысли прекратили свой бег, чтобы не спровоцировать молнию. Огненный апельсин легко обогнул меня, я только скосил в его сторону глаза, как на опасное животное, и через пару секунд взорвался за моей спиной.

Через голову полетели яркие искры. Мне пришлось нагнуться. Его притягивал не я – молния вошла в работающий компьютер со стороны задней стенки через отверстия для вентиляции. Одновременно с этим мигнул свет небольшой люстры и тут же погас.

Внешне машина не изменилась, только легкий налет копоти и запах горелой изоляции – вот и все.

Я сразу выключил ЭВМ, хотя экран не светился. Снизу стали доноситься неразборчивые крики. Как выяснилось позже, удар шаровой молнии выбил пробки и погасил свет во всем доме. Это напугало Иру. Несмотря на немного спавшее напряжение, меня, тем не менее, одолевало весьма нехорошее и сильное предчувствие.

К сожалению, оно полностью оправдалось. Через пять минут я стоял перед сплавленным в один комок электронным нутром машины, а за моей спиной огорченно охала Ира. Мне же хотелось напомнить, что если бы компьютер не притянул заряд к себе, подобное запросто могло случиться со мной. Дикая температура превратила большинство плат в единый красно-коричнево-беложелтый бесформенный монолит с вкраплением точек всевозможных расцветок, от самых светлых, до совершенно темных, почти черных.

Внутренность после взрыва произвела на нас просто страшное впечатление. У всех пропало настроение. Можно

было подумать, что умер кто-то из близких. Не знаю почему, но я поставил кофух на место, а всю грудку хлама оставил до утра на столе. И, точно так же, по неизвестной причине, перед самым сном, я щелкнул выключателем. Сейчас я думаю, что мной руководил сам дьявол.

Вот с этого момента и начались настоящие неприятности.

Круглая кнопка мягко ушла в глубину и зафиксировалась, раздался негромкий щелчок, и недра машины стали оживать. По экрану побежали полосы. Если бы со мной в тот момент заговорил шкаф, то я бы удивился гораздо меньше. Одновременно я почувствовал себя одуроченным этой молнией и машиной.

ЭВМ РАБОТАЛА???!!!

Но все оказалось не таким простым делом. Экран светился, и больше ничего не происходило. Система не загружалась, все мои, возродившиеся со свечением монитора, надежды растаяли как утренний туман. Экран излучал зеленоватый свет, но был мертв.

— Ты подробно рассказываешь, — вставил Игорь.

Я пожал плечами и продолжил. Сам себе я напоминал локомотив, катящийся без тормозов под горку. Память набрала скорость, и возникающие картины недавнего прошлого оставалось только переложить на живую человеческую речь.

— Где-то внизу уже спали Ира с Артемом, а я уселся на свое рабочее место за клавиатурой. Экран был пуст, на нем отсутствовал даже курсор, чему я не удивился, но, тем не менее, пальцы наугад пробежали по клавишам и абракадабра из десяти или пятнадцати букв высветилась голубоватым цветом на зеленом фоне. Потом я по одной стер буквы клавишей Backspace и убедился, что та работает.

Следующей стала обыкновенная фраза, констатирующая произошедшее:

«ПРОИЗОШЛА ПОЛОМКА».

Тук, тук, тук.

Где-то в середине фразы из ниоткуда появился курсор. Я подумал, что, по неизвестной причине, компьютер не погиб. Это создавало атмосферу нереальности – за окном висела серая пелена дождя в вечерних сумерках, комнату освещал слабый свет зеленого ночника, а передо мною стояла сгоревшая дотла ЭВМ, нарушавшая все физические законы этого мира. У меня было предчувствие, предчувствие нехорошего.

Или это мне кажется сейчас?

Не знаю. Впрочем, это не важно. Я еще немного попечатал и убедился, что машина работает нормально. Когда шаровая молния попала внутрь, в памяти компьютера был загружен редактор текстов. Первое, что мне пришло в голову, была мысль, что теперь эта программа оказалась впаянной навечно в оперативную память. Никаких менеджеров не было и в помине. С этими мыслями я ушел спать.

Первым желанием на утро было включить компьютер и убедиться, что тот не работает. После ночи все произошедшее предыдущим вечером казалось придуманным. Я уже прикидывал, не стукнула ли шаровая молния в мою голову, поэтому все остальное и привиделось.

Но нет. Все было, так как и было. И тогда я подошел к книжным полкам со старыми книгами, привезенными из городской квартиры – их и выбрасывать жалко, и в то же время они вроде бы уже не нужны. Рука сама выбрала букварь Артема за первый класс. Теперь я не думаю, что все оказалось случайным. Слишком их было много в те дни.

Я быстро отстучал азбуку, а потом стал печатать классическое: «МАМА МЫЛА РАМУ. РАМУ МЫЛА МАМА», – и тому подобную чушь. Экран проглатывал

слово за словом, и те исчезали за левой границей экрана. Все происходило не так как положено, текст набирался только в первой строке. Последняя превратилась в голубую змею, активно уползавшую из поля видимости. Я не останавливался и через час напечатал весь букварь. И почему я это сделал, было непонятно мне самому. Может просто я выполнял привычную для себя работу, получая от этого удовольствие и успокоение? Ведь было понятно, что в любом случае, мне снова придется искать для работы что-то другое: планшет, ноутбук, другой компьютер.

— Ты что-нибудь чувствовал?

— Тогда еще нет. Я просто печатал и печатал. Ира удивилась, а Артем попросил разрешение поиграть. Но печать в верхней строке была верхом возможностей этого искалеченного автомата. Худенькая фигура сына олицетворяла обиду на меня, но тут уже ничего нельзя было поделать. Ира увела сына вниз, а я продолжил стучать по клавишам.

К обеду компьютер вошел в новое состояние, экран внезапно погас, мертвая чернота разлилась по стеклу, на меня уставилось пустое бездонное пространство.

Это состояние продолжалось недолго, секунд пять, может быть шесть. У меня только возникла первая мысль о том, чтобы выключить его, но тут по экрану пошли блики. Я видел один фон и ничего более, но тот все менял свои цвета, от фиолетового до красного и обратно.

Когда на экране воцарилась привычная зелень, мои руки отстучали одну фразу: «КТО ТЫ?»

Буквы разместились точно посередине верхней строки. В происходящем было еще больше невозможного, чем в работе сгоревшей машины. Мне кажется, второе еще как-то можно объяснить движением электронов, соединением всяких транзисторов в новые структуры и так далее. Но то, что руки работают помимо моей воли, было невозможным.

Я по-бараньи уставился на вопрос, совершенно не понимая происходящего. Вроде бы я не собирался набирать этот текст. Вслед за этим мои руки продолжили на новой строке: «ОТВЕЧАЙ».

Я испытывал необычные ощущения – во время работы я совершенно не чувствовал и не мог управлять своим телом и руками. Через меня кто-то задавал мне же вопрос. Но самое главное, что не было сил встать и уйти, ноги сделались ватными и перестали слушаться. Меня захватили врасплох. Подозреваю что, так же беспомощно чувствует себя парализованный человек, только мне было еще хуже. Руки двигались помимо моей воли. Только когда они заканчивали печатать, я получал некоторую свободу для ответов. Лишь одна голова оставалась моей и могла свободно думать.

Когда до меня наконец-то дошло, чего от меня требует компьютер, я напечатал на экране:

«АЛЕКСЕЙ».

Потом подумал и добавил через запятую:

«, ПИСАТЕЛЬ».

Похоже, я уже был подготовлен даже к такому за те несколько часов, что провел возле него. Машина это проглотила не подавившись. Несколько раз наверх поднимался Артем и один раз Ира. Артему было скучно, но я ничем не мог помочь ребенку и он снова отправлялся слоняться на первый этаж.

А Ире я только сказал, что пытаюсь оживить технику. Определенные улучшения появились. Она уже не выглядела такой расстроенной как в предыдущий вечер и даже прокомментировала словами популярной когда-то песенки: «Если долго мучиться, что-нибудь получится». И в ее интонации не было ни капли иронии. За что я был ей благодарен.

Потом я садился за компьютер каждый день. Машина

оживала с каждым часом своей работы. Тогда я это воспринимал с большим интересом и энтузиазмом. Мы с нею разговаривали. Я еще не стал идиотом. Меньше всего хотел, чтобы за такового принимали меня мои родные. Поэтому я молчал, а точнее врал – врал Ире и врал сыну. Я говорил, что случилось какое-то чудо – на компьютере можно набирать тексты. Это было не совсем ложью, но правдой не было уж точно.

Во мне стали жить несколько человек, и этот второй был по-звериному чутким и изворотливым. Когда за спиной возникал Артем или Ира, я сразу начинал печатать рассказ, который все время лежал тут же под рукой. Я печатал, и буквы ложились на экран как на лист бумаги. Вся писанина исчезала за боковой границей экрана.

И на этом все.

Никто не мог бы сказать, куда все пропадало. Я не мог вызвать, вернуть то, что напечатал десять минут назад, а про то, что было раньше и речи не могло быть. Я черпал воду решетом, и такая работа могла оказаться бесконечной. Правда, Ира пыталась несколько раз раскритиковать меня, но я сослался на тебя – мол, пока я все записываю в память, только вот извлечь не могу, а ты подойдешь и отремонтируешь. Хотя для меня самого это звучало бредом.

Но как только мы оставались один на один, я набирал различные тексты из книг, раскопанных на запыленных полках дачи. Я ввел в него физику за седьмой и восьмой класс, биологию за шестой, литературу и язык за седьмой, и еще какую-то популярную дребедень. Сейчас я пытаюсь разобраться, чье это было желание, действовал ли я по своей воле или по глупому неразумению.

Кто знает?

В общем, так продолжалось дней десять. Таких приступов обездвиженности, как в первый день, на меня больше не нападало, и я давно забыл те ощущения. Я все

откладывал обращение к тебе (по правде говоря, я не собирался этого делать) и говорил жене, что вот – еще немного попишу и тогда уж...

Кошка набросилась на меня неожиданно. Она забралась на второй этаж, и начала устраиваться на моем животе на ночь. Перед тем как улечься, она стала вытаптывать это место на одеяле.

Ира говорит, что так кошка выражает свою признательность или это что-то вроде кошачьего приветствия. На мой взгляд, это не самая приятная процедура, я вытащил руку из-под одеяла и хотел побыстрее ее утихомирить.

Тайма преобразилась мгновенно, ее черное гибкое тело превратилось во вздыбленное тело твари, шипящей, кусающей и рвущей мои руки. Мощные задние лапы тут же распустили кожу на правой кисти на кровавые полосы, алая жидкость фонтаном брызнула на белоснежный пододеяльник. Кошка сразу же зацепила кровеносные сосуды. Я только успел вскрикнуть и вытащить вторую руку, в которую она вцепилась зубами и повисла, сжав челюсти как бульдог, передние лапы в это время рвали те места, до которых она могла дотянуться.

Я заорал благим матом и отшвырнул кошку в угол...

Я снова прервался и стал прихлебывать давно остывший чай с земляничным вареньем. Воспоминания разволновали. Игорь молча взял чистую чашку, налил воды из самовара и просто положил варенье, не доливая из заваренного сбора садовых листьев:

– Попей горячего, – потом спросил, – ты жалеешь ее?

– Я любил ее. И мне кажется, что она отвечала

взаимностью. Животные всегда были моей слабостью. С детства. Они благороднее, чем люди. И добрее.

— Как тебе пришла мысль про нее?

— Я думаю, он уже передал каким-то образом часть своего мышления за то время, что мы общались. Но все равно я опешил. Это оказалась совершенно новая способность компьютера, о которой я и не подозревал.

В общем, я схватил плед с кресла и поймал это шипящее исчадие зла, как мне казалось в тот момент. Руки сильно кровоточили, но боль после ее пика в начале, отошла на второй план. Не знаю, что я хотел сделать с живым комком сплошных мышц и когтей под тканью, но я включил компьютер, выставил это перед экраном и ... тот мне ответил. Волна тепла залила комнату, а зеленый свет вышел из нутра машины, — я сглотнул и сделал несколько глотков пересохшим горлом из своей кружки. Теперь воспоминания были тяжелыми, а тогда...

— Алексей, вспомни, может в твоей голове звучал голос, приказывающий сделать то, что ты сделал?

— Это было бы простым объяснением. Как в фантастических романах. Но в том то и дело, что я все сделал по своему желанию и без всяких видимых подсказок. Правда, в полу-истеричном состоянии. Зеленый конус протянулся от экрана и дергающийся комок растаял. Только тогда я опешил.

Этого не могло быть. Но боль, злость, испуг и бог знает, что еще мешали объективно оценить происходящее.

— Расскажи поподробнее, как исчезла кошка? — Игорь зашевелился. — Это случилось сразу?

— Не совсем. Зеленое свечение скомканного одеяла на руках, будто ткань стала разлетаться, превращаясь в яркий зеленый свет. Свечение сильно напоминало современные флуоресцентные краски. В природе такого не бывает. Плед с животным растворялись в плотном, прямо-таки

вещественном свете. Сначала я угадал свои руки и тут же их увидел. Еще пару мгновений и мои пальцы остались обнимать пустоту.

Этот свет... Я думаю, он живой. Он как бы вошел внутрь, за стекло, конус сжег и превратился в обычный зеленый свет экрана, к которому я привык за эти дни. Я знаю, ты мне можешь не поверить, как это сделала Ира, но это было, — я начал торопиться и слова произносил захлеб.

— Успокойся, я тебе верю.

— Нет! Не веришь! Потому что я сам себе не верю. В это невозможно поверить, если ты считаешь себя в здравом уме. Ира в те дни была в городе. Она до сих пор думает, что я с кем-то выпил на даче, а после или поранился, или меня действительно поцарапала кошка, но по моей вине — Тайма не любит пьяных.

Понимаешь, самое главное — ОНА НЕ ПОВЕРИЛА. И я не могу доказать, что это не так.

Наверное, теперь весь выпитый чай проступил на моем лбу. За зелеными кустами малины по дороге закричала чья-то тележка. Я видел, что Игорю хочется мне поверить, но в любом случае, я знал — он мне сочувствует и понимает мое состояние. Как в детстве. Мы снова замолчали. Когда тележка доскрипела до конца, и снова стало тихо, я продолжил.

Минут через тридцать я смог сесть за компьютер. Перевязанные самим собой руки были скорее как культы, но я попытался потыкать ими в клавиатуру и разобраться в чем дело. Больной человек с больным компьютером.

Разумеется, ничего не получилось. Я смог шевелить

пальцами по-настоящему только через два дня, после хорошей перевязки. И мне сильно повезло, что Тайма не порвала какую-нибудь важную артерию на руках. А запросто могла бы.

Кошка сидела в ЭВМ, превратившись в электронную картинку. Такая же черная, как и раньше, она занимала совсем мало места на экране – просто маленькая одинокая королева на пустой шахматной доске. Сам не знаю почему, но я не держал на нее зла. Ощущалось лишь недоумение – почему это домашнее животное напало на меня? Может мои руки стали излучать невидимые для меня, но очень неприятные для нее флюиды, лучи, запахи или бог знает что еще?

Мне показалось, что компьютер уже ждал меня. Зеленый стеклянный глаз радостно заморгал, и на экран выплыла беззвучно кричащая мордочка Таймы. Она мяукала. Я ее тут же простил. Но мои руки... Это случилось как в первый день – пальцы помимо моей воли нащупали кнопку стирания назад Backspace, и курсор запрыгал в ее сторону.

Я не соображал, что делаю, зачем делаю, и каков будет результат. Не понимала этого и Тайма, пока голубая палочка не впилась в болтающийся хвост. Она дико вскинулась и испугано метнулась в сторону. Курсор успел почти полностью перерезать ей часть хвоста и тот волочился позади безжизненным куском. Я не могу описать свое состояние – оно было паршивым.

За кошкой сначала тянулась кровавая полоса, оставляя красные следы по всему экрану. Ты знаешь, в семидесятые годы наша печать всю ругала западную культуру. Я запомнил один случай, что приводили в пример. Обезьяне привязывали к хвосту кисточку, та им нервно размахивала, а на холсте, тем временем, появлялась абстракционистская картина. То, что появлялась за Таймой, походило на это,

только для меня все было живым. Настоящим и живым.

Тайма изогнулась дугой и шипела на курсор. Тот еще несколько раз достал до кошки, при одном из касаний надрезанный кончик извивающегося хвоста отвалился и тут же оказался стертым. Все изображение стало пятнистым – там, где прошел стирающий курсор, вместо кровавого следа появлялось чистое поле дисплея.

Это было ужасно. И ужасно вдвойне из-за того, что ее пытались уничтожить мои руки. Раненный зверь уже знал от чего ждать неприятности и носился по всему экрану, уворачиваясь от смертоносного голубого свечения. Курсор двигался медленнее, чем мог отскакивать прихрамывающий кот. Природа пока побеждала.

Сейчас я знаю, что стереть что-то сам он не может. Пока не может. Но это чудище учится. В тот день курсор так больше ничего и не смог сделать кошке. Только загонял нас обоих.

А на следующий день мои руки сами отстучали смертельное слово:

– МЫШКА.

И тут же персоналка ответила мне моими же пальцами:

– ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

И я набрал ответ. Может быть, чужая воля руководила мною? И может быть, машина высасывала из моего мозга знания? Видит Бог, я ничего не хотел ей подсказывать. Для Таймы это было бы смертельно...

Машина, превратившаяся в монстра, все требовала мышь, но она не могла меня заставить. Это не в ее силах. Мир перевернулся. Для поимки кота понадобилась мышь. Кошка ей досаждала. Компьютер хотел ее уничтожить. Он так и напечатал:

– КАК ЕЕ МОЖНО СТЕРЕТЬ?

В ответ я набрал:

– ВЫПУСТИ КОШКУ.

А тот в свою очередь вывел:

– ОТМЕНЯЕТСЯ.

Я все эти дни думал, почему он забрал себе самолет. И вот вчера вечером он выдал:

– НУЖНА МЫШЬ УНИЧТОЖУ САМОЛЕТ.

Это был шантаж. Какой-то детский, первобытный, но шантаж.

– Расскажи поподробнее. Это важно.

– Ты мне веришь?

– Ну, самолет же исчез!

Да! В этом никто не усомнится. Достаточно включить телевизор или радио и дождаться ежедневных новостей. Это все еще была сенсация номер один последних дней, непонятная и пугающая. В центре Европы среди белого дня, при подлете к аэродрому, таинственно исчез самолет. Как сквозь землю провалился.

На его требования я не выдержал и ответил:

– УБЛЮДОК.

Он понял это только после моих объяснений, но от этого не стал меньшим ублюдком. Он с такой легкостью проглотил весь самолет... У меня нет слов. И я ему помогал! Можно сказать, что это сделали мы оба. Я печатал, стараясь уговорить его вернуть кошку, когда услышал звук приближающегося самолета. Я раньше думал, что компьютер не может слышать, а сейчас не знаю. Может он воспринимает какие-то колебания в электромагнитных полях. Не понимаю. Но раньше на звук он не реагировал.

На дисплее тут же появилось:

– ЧТО ЭТО?

Я без задней мысли набрал:

– САМОЛЕТ.

Появилось:

– ??????????????

Я набрал:

– ОН ЛЕТАЕТ.

Он ответил:

– ПОКАЖИ.

Я набрал:

– ИДИ ТЫ...

Вот тогда, во второй раз, он по-настоящему показал свою силу. Мозг был моим, а руки превратились в его придатки, действующие по его воле, выполняющие работу для него. Руки взяли за серый корпус монитора и подтянули его к ближайшему окну. Подтянули – это громко сказано, кабели, соединяющие монитор с основным блоком...

– Операционным.

– ...н-наверное. Они были очень короткими, и экран только развернулся к стеклу. Самолет уже проскочил наш район и удалялся в сторону аэропорта. На свою беду с моего места он стал хорошо виден – большой длинный силуэт, похожий на хищную птицу. Это была модель пассажирского самолета «Боинг-737», потом я хорошо его рассмотрел на экране, а тогда – опять конус зеленого света, меня отодвинуло в сторону этим сгустком, мимо как будто прошла волна чего-то, может и воздуха, и я смог увидеть, что произошло дальше. Силуэт самолета стал зеленым, заколебался как тончайшая занавеска на пути сквозняка, силуэт сделал несколько змеиных движений в вертикальной плоскости. Я еще увидел мгновенно проявившиеся блески голубого неба за полупрозрачным, истончающимся фюзеляжем. Последняя стирающая волна в небе и зеленый конус вобрался внутрь экрана. Совсем как язык лягушки, поймавший зазевавшегося комара.

И никто, ты понимаешь, никто на дачах этого не заметил.

Если бы мной не руководили, я сел бы на пол и наверняка уронил бы дисплей. Но компьютер не дал мне

возможности этого сделать.

Я замолчал. Игорь не перебивал, не комментировал и не спрашивал. Когда мысли оформились, я продолжил дальше:

— Знаешь, маленьких детей и их мам стирать гораздо легче, чем прыгающую кошку. Это случилось не сразу, только поздно вечером вчерашнего дня. Может он переваривал новую информацию, но, когда из глубины зеленого «нечто», по ту сторону стекла, возник самолет с обеспокоенными пассажирами, его салон напоминал привал в туристическом походе. Я видел, что люди обживались. Стюардессы роздали всем клетчатые пледы, некоторые пассажиры спали.

Трехлетнего мальчугана я стер секунд за десять. Когда сидящая рядом молодая блондинка обнаружила возле себя возникающую пустоту, она попыталась закрыть тело ребенка. Курсор тут же перерезал ее пополам, а

потом с тупым упорством стал затирать то, что осталось. Эта машина-стерва напечатала:

— ЕЩЕ?

Я ответил:

— ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Появилось одно слово:

— МЫШКУ.

После этого я понял, что мне нужен совет. Твой совет, как друга и специалиста.

— Ты позволишь мне включить его?

— Нет!

— Как я смогу разобраться в произошедшем? — Игорь не давил, но как бы говорил: «А как можно иначе?»

— Не знаю.

— Но осмотреть можно? Я взял приборы, — он махнул в сторону своей машины. Я молча кивнул.

— Тогда я схожу за ними, и мы посмотрим?

— Только не включай!

Он с заминкой сказал:

— Хорошо. Не буду.

Его «жигуленок» остался припаркованным на границе дачных участков, через три дома от моего. Густая зелень садов полностью скрывала то, что находилось в той стороне. Только несколько корабельных сосен на краю леса и участков служили ориентиром для меня о местоположении стихийной автомобильной стоянки.

Минут через пять он вернулся с небольшим потрепанным чемоданчиком, похожим на чемоданчик сантехника, и мы вдвоем отправились на второй этаж моей кирпичной дачи. Иры не было, компьютер и тут внес свою лепту – мы крупно поссорились из-за моего постоянного сидения за клавиатурой неисправного компьютера. Жена меня не понимала. Но зато теперь никто не мешал. Я шел за Игорем и думал о том, что он – моя соломинка. Сейчас мы поднимемся на второй этаж, и все окажется не так, как я себе представлял. Может получится со второй попытки. Первая надежда была связана с Таймой. Мне действительно никто не поверил. Даже Артем. Он ничего не сказал, но укоризненный взгляд карих глаз красноречиво говорил обо всем. Я не сказал, куда делась кошка после нападения. Им все было ясно и так – она убежала, наказанная мною, через пару дней вернется. Такое ведь бывало и раньше. Тайма могла уходить на три-четыре дня.

Еще через день, где-то после обеда, когда я в привычной позе сгорбился на рабочем месте, вбежал Артем:

— Папа, папа! Тайма погибла! — я вздрогнул. — Мы с Димкой (это соседский мальчишка) нашли ее в лесу.

В моей памяти всплыл образ черной кошки, в испуге прыгающей за стеклом дисплея. Почти как охота за мышкой, только мышкой была она сама. Слова Артема врубались в воображаемую картину происходящего, и та заколебалась, грозя обрушиться. Несмотря на все неправдоподобие, мозг как-то сумел сцементировать произошедшее за последние недели и на этом исчерпал последние силы. Я боялся, что даже небольшое дополнительное усилие будет тем незаметным миллиграммом, что выведет весы из состояния равновесия. Моя кошка, любимая, черная, ласковая и одновременно хищная маленькая охотница, уже жила в компьютере. А если она окажется еще и в лесу, то не есть ли я Клинический Случай и Потенциальный Клиент психиатрической лечебницы?

Лес начинался совсем недалеко от моего участка и уже через несколько минут глаза напряженно высматривали черное тельце среди зеленой травы между кустами и деревьями. В голове гудело, в ней застряла подходящая для данного случая фраза из Кипплинга: «кошка, гуляющая сама по себе». Она вцепилась в мое серое вещество как клещ и не желала его покидать.

«Кошка, гуляющая...»

Да! Сразу за Артемом с Димкой я увидел ее. Черное шерстяное тельце, над которым кружат большие жирные мухи, считающие ее своей законной добычей. Я отломал ветку орешника, подошел прямо к трупику и перевернул то, что лежало на земле.

Это была не наша кошка!

Артем ошибался. Тайма была совершенно черной, но на груди у нее росли серебристые шерстинки. Не белые, какой бывает манишка у некоторых котов, а именно серебристое, почти незаметное туманное пятнышко. Труп был свежим, и я хорошо видел абсолютно черную шерсть

впереди.

Это была не Тайма!

У меня свело скулы от бессилия. Странное состояние – если бы это оказалась моя кошка, то, как объяснить мои воспоминания, гаденько нашептывающие о совсем иной ее судьбе. А если передо мной не она, то тем более, какой разговор, кроме медицинского, может быть. Скажи кому-нибудь, что она в компьютере...

Что в лоб, что по лбу.

И я ничего не сказал ни расстроенному Артему, ни жалеющей Тайму Ире. Это оказалось ошибкой и одной из причин нашей ссоры. Они погрешили на меня.

И вот, во второй раз, тлеющий огонек надежды теплился у меня в груди, пока я топал за поднимающимся по деревянной лестнице другом детства и специалистом по ремонту компьютерной техники. Мы взобрались на второй этаж, обогнули металлические, покрашенные перила и, через наполовину стеклянную дверь, вошли в мой рабочий кабинет. Впереди и слева – по широкому окну, справа диван, на котором я сплю, и открытые книжные полки, а прямо перед нами, под самым окном, стоял наполовину раздвинутый коричневый стол-книга с моим монстром.

Через минуту я заглядывал через плечо Игоря в развороченное страшной огненной силой покалеченное нутро.

– Твою мать..., – эти единственные слова, сказанные Игорем, лучше всего прокомментировали произошедшее. Платы под воздействием огромной температуры сплавилась в невообразимую хаотическую конструкцию. Легко было представить, что кто-то большой и сильный, подошел сзади к открытому компьютеру, превратил все в

пластичную субстанцию, а потом взял и замесил это как обыкновенное тесто. Причем, не очень аккуратно, кое-где из всеобщего хаоса торчали легко узнаваемые узлы современной электроники.

Вот что-то похожее на кремнево-металлическую гусеницу коричневой окраски с серебристыми бесчисленными ножками, частично выползающую из развесистой кляксы. По-моему, эти штуки называются транзисторами. Но я могу и ошибаться. Это не моя специальность.

Вот кусок полимерной ленты с металлическими проводками, в виде широкой многополостной дороги, уходит в пористый бесформенный кусок сплавленных внутренностей машины, размером с добрый мужской кулак. В остальном месиве узнать что-то знакомое не смог бы даже специалист, как мне кажется.

Игорь посмотрел на меня недоверчиво и немного растерянно:

— Но ведь это никак не может работать!

— А я что тебе говорил?

— Давай включим на одну минутку. Я буду только с обратной стороны и только проверю несколько точек на выходе, — он раскрыл свой чемоданчик и стал доставать приборы. Один мне показался похожим на портативный осциллограф. Голубые глаза моего друга уставились на меня:

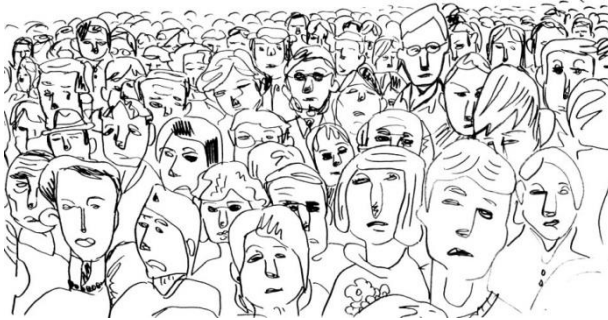
— Давай.

— Я не сделаю этого. И не проси, — у меня дрожал голос, вибрация выдавала внутреннее состояние.

— Но как я могу узнать, что делать и что произошло, если его не включить? Как можно отремонтировать сломанный автомобиль, не заглянув под капот и не попробовав запустить двигатель?

— Ему не нужен ремонт. Я просто хочу знать, что мне

делать с теми людьми, что попали к нему внутрь, — я уже почти кричал. — Этот хлам меня не интересует. Об этих внутренностях, — я ткнул рукой внутрь, и развесистая клюква заколыхалась как паутина, в которую, наконец-то, попалась долгожданная муха, — только они сами и беспокоятся. Я тебе не говорил, но в последние дни он не хотел, чтобы его отключали. Когда он забрал кошку, я стал хоть как-то сопротивляться. Хоть немного, хоть чуть-чуть, но это срабатывало. Но и с каждым разом у меня было все меньше и меньше сил, чтобы это делать. Такое ощущение, что мощь его растет, — голос захрипел, и я закашлялся.

— Алексей. Не волнуйся. Давай выключим монитор, и я посмотрю, как работают внутренности. И все. Компьютер не увидит

меня, я не увижу его.

— Ты мне не поверил? — я был печален. Силы ушли куда-то.

— Алексей! Я же профессионал. Я просто не могу быть равнодушным и вот так просто отказаться от обследования того, что ты говоришь, работает. Да еще как! И как я смогу помочь без этого?

Солнце освещало через окно его лицо. Губы были сжаты, глаза превратились в два ожидающих вопросительных знака.

— Ты должен пообещать мне..., — я обречено махнул рукой наотмашь.

— Ты должен пообещать, что ни при каких обстоятельствах не включишь дисплей. Ни при каких! Ты понимаешь меня?

Он кивнул головой. Я нажал круглую кнопку, и машина загудела, прогреваясь. Монитор я отключил

переключателем внизу, под экраном. Игорь, тем временем, размотал провод прибора похожего на осциллограф, и скорее всего им и являющимся, и стал искать, куда подключиться.

— У тебя есть удлинитель? — Игорь спросил, не отворачиваясь от своих приборов, над которыми уже колдовал.

— Есть, но нужно сходить в сарай, — я махнул головой в ту сторону, где он находился.

— Я без него не справлюсь. У меня шнуры короткие, а я, как назло, вчера ремонтировал телевизор и видно забыл положить обратно. Да, я даже вспомнил, где его оставил. На книжной полке, возле телевизора. Там же в углу, где и работал.

Я нерешительно потоптался на месте – уходить или нет. Мне казалось, что я сдаю позицию за позицией:

— Ты ведь не собираешься включать дисплей, пока я буду ходить в сарай?

— Алексей, все будет нормально. Я не буду делать этого, — Игорь тем временем тыкал отверткой с большой изолированной ручкой внутрь корпуса. Мой друг был похож на большого любопытного ребенка, столкнувшегося с чем-то необыкновенным.

Я повернулся и нехотя начал спускаться вниз. Я торопился и поэтому минуты через четыре уже топал по лестнице обратно с мотком черного толстого провода и розеткой с небольшим аккуратным рубильником, закрепленными на общей доске. Я уже наполовину забрался, когда подумал, что за открытой дверью слишком тихо. Так, конечно, могло быть, особенно когда профессионал застывает над совершенно невозможными с его точки зрения вещами. Но есть еще и предчувствие.

— Игорь? — мне показалось, что обеспокоенный голос прозвучал в пустую комнату. Никто не ответил.

Я уже волновался.

Конечно, не стоило оставлять его одного. Солнце проникало через окна в комнату и наполняло ее и весь второй этаж светом. И это не давало тревоге перерасти в панику.

— Игорь!

Можно было не кричать. Комната оказалась пустой – открытый, потрепанный на вид, но еще добротный чемоданчик, несколько приборов, расположившихся на моем столе возле компьютера, металлический корпус с закопченной внутренней поверхностью, лежащий тут же, и сама персоналка.

Вот и все.

Да! И, конечно же, зеленый дисплей, зловеще уставившийся в мою сторону.

Я дико завыл и метнул связку с удлинителем на пол. И еще, что хорошо запомнилось – в комнате стоял сильный запах озона. Как и в случае с самолетом. И как с кошкой, только чуть сильнее, чем в последнем

случае.

И я до сих пор не знаю, включился дисплей сам или это сделал любопытный Игорь.

* * *

С того самого дня прошло почти два месяца. Я уже вернулся в город и подыскиваю себе квартиру побольше и в другом районе. Это не моя инициатива. Так решил ОН. Почему? Я догадываюсь... Хотя ОН мне ничего не объяснял. Но зато полностью исчезли проблемы с деньгами. Ведь так просто никто тебе квартиру не предоставит. О покупке я

уже договорился не торгуясь. Деньги для НЕГО совсем не проблема после того как я купил специально для НЕГО модем и пригласил специалиста для подключения. Теперь этот молодой безусый паренек стал ЕГО собственностью. Как и многие другие до него и после него. ЭТА зеленая утроба ненасытна и похожа на желудок голодной акулы, способной переварить все. Даже несъедобное. Но самое главное, через модем ОН получил связь с внешним миром. И не просто с внешним миром, а буквально со всей планетой.

Меня ЗЕЛЕНЫЙ МОНСТР не трогает – я его представитель во внешнем мире. Можно сказать, что я ЕГО ПЕРИФИРИЙНОЕ УСТРОЙСТВО. Один из придатков. Про себя я называю ЕГО то ЗЕЛЕНЫЙ МОНСТР, то ЧМО БОЛОТНОЕ, то ОН, то ОНА, то ОНО.

Иногда БОЛВАНОМ, хотя ОН таковым не является. Еще встречающееся непонимание чего-либо, это только непонимание, но никак не отсутствие сообразительности.

И ОН быстро учится!

Так, счет в банке на мое имя открыл ОН сам, без каких-либо подсказок. И у меня всегда есть деньги – когда я снимаю *n*-ную сумму или деньги переводит ОН сам за услуги и покупки, общая цифра практически не меняется. Только из одному ЕМУ известных источников на мой счет капает сколько надо. Я бы не удивился, если бы за один день ОН сделал бы меня миллионером. И не один раз.

Просто ЕМУ это не надо. Как и мне.

На эти деньги я уже закупил для НЕГО кучу всевозможных устройств из области компьютерной техники. Что там, я не имею никакого представления. Знаю только, что все оборудование – новое. ОН берет самое лучшее, самое новое и самое мощное. У НЕГО для этого есть специалисты внутри...

Иногда я думаю, что знаю, как приходится всем тем

людям, что живут в НЕМ. Думаю, что знаю... И это мне неприятно. Ведь вначале это было моим сном, как мне представлялось.

Я сидел в зеленом тумане, а над моей головой что-то висело, большое и угловатое. Я не сразу сообразил, что вверху были буквы. Большие голубые буквы. Они висели в самой верхней строчке. А прямо под ногами, в полуметре ниже, тянулась длинная светящаяся полоска того же небесного цвета. Совсем как на дороге рисуют разделительную полосу. Только она, по сравнению с дорожной, была гораздо короче. Да и дорогой там не пахло.

Я опустил ногу вниз и потрогал полосу. Та прогнулась. У меня появилось ощущение, что нажимаю на надутый воздушный шарик. Могло показаться, что и полоса также противно запищит. Потом пришло понимание.

Это же обыкновенный курсор.

Вспоминать об этом почти нечего. Я еще помню, как сверху начали падать буквы. Строка крошилась и частями срывалась вниз, как апрельские сосульки под весенним солнцем. Мне приходилось уворачиваться, совсем как тореадор на корриде. Внизу, на самой границе зеленого тумана, переходящего в плотную субстанцию, уже лежало несколько кучек из букв.

А потом я оказался сидящим на диване перед светящимся экраном, в зеленом полумраке ночной комнаты, хватаящим открытым ртом воздух. Почти как рыба, брошенная на берег. Тогда я почему-то решил, что забыл с вечера выключить машину. И только утром сообразил, что два предыдущих дня я не включал ЕЕ. С тех пор ОНА стала включаться сама, когда того хотела. Не знаю, как это у НЕЕ получается, ведь выключатель механический.

Прошло еще несколько дней и зеленый глаз стал постоянным атрибутом комнаты на втором этаже моей

дачи. Вплоть до переезда в город.

И еще я убедился, побывав там, что все проглоченное ОНА действительное держит неизвестно где, и только по мере надобности выводит на экран – этому ОНА тоже научилась почти сразу.

Самолет так и не нашли. По-другому и быть не могло. Я-то это знал. Хотя в душе надеялся еще на одно чудо. С тех пор эта сенсационная новость перекочевала с первых полос газет и очередных горячих телевизионных новостей, сначала внутрь тех же газет и под конец передач, а потом превратилась в историю, о которой стали забывать и которую изредка могли упомянуть с комментарием о том, что поиски прекратились. Скоро о нем забудут совсем. Последними об этом забудут родственники. Да! Несомненно. Они забудут последними. Но забудут. Рана не может постоянно кровоточить. И это главное.

А вчера случилось еще два события. С утра подъехал грузовичок, и бравые ребяташки втащили в квартиру несколько больших ящиков. Прыткий компьютер все заказал по интернету и все уже оплатил. Даже установку. Я дал двум мастерам за работу 100 баксов – так потребовал ОН. Конечно ЕГО слова, появившиеся на экране во время их работы, можно рассматривать и как просьбу. Просьбу, которую нельзя не выполнить. И у НЕГО есть чем на меня надавить. Когда-то довелось прочесть в «Комсомольской правде», что самый страшный хищник на земле, умный, хитрый, безгранично коварный, которого боятся все животные планеты – это человек. Вот кто есть, вернее, был Царем зверей.

Я с этим согласен.

Но самое страшное, что теперь есть с кем сравнивать. Появился конкурент.

Если ОН еще и найдет способ размножаться (кто-нибудь со здоровым чувством юмора сказал бы –

радиоволнами. Но мне не до смеха), то у человечества не будет ни малейшего шанса выйти победителем в этом, отнюдь не мирном, соревновании – человек познает, что есть силы мощнее, и коварнее, чем он. Хищник, который сильнее человека. И непонятнее.

Когда мы остались вдвоем, эта ЗЕЛЕНАЯ ГАДИНА заговорила голосом через два небольших динамика, устроившихся наподобие недремлющих часовых, по ЕЕ бокам. Молодые люди от фирмы только установили параболическую антенну на балконе, подключили ее к телевизору и сориентировали на спутник. А также бросили оптоволоконный кабель с Интернетом на компьютер. Это ЧМО людей к себе не подпустило, и я понял, что их ОНО не заберет – не входило в планы или не было аппетита, мне трудно судить о ЕГО нечеловеческом разуме. ОН мне стал давать указания, а я выполнял. ОН выплюнул из своего нутра небольшой блок, и я просто подключил на него антенну, и оставил тут же, без всяких кабелей, соединяющих блок и компьютер.

Это тоже показательно. Первая конструкция, соединяющая ЕГО с телевизором, была громоздкой и смотрелась как старая арба рядом с современным гоночным автомобилем. ОН самосовершенствовался во всех отношениях.

А второе событие, что произошло где-то под вечер, было то, что мне разрешили свидание. Всего десять минут, но со всей семьей – с женой и сыном одновременно. Правда, нас разделяло стекло, а переговаривались мы через микрофон и динамики.

Это был и пряник, и кнут для меня. Это было поощрение меня, и сделал ОН все, я бы сказал, на радостях. ЗЕЛЕНЫЙ ГНУСНЫЙ БОЛВАН смог смотреть полмира через спутниковую систему. ЕГО границы познания резко расширились. Он видел одновременно все передачи, и

порой в динамиках раздавалась какофония звуков, напоминающая мне довольное урчание сытого кота. Примерно так бывает в приемнике, когда быстро двигаешь бегунок по всему каналу. Он смотрел и слушал, а я думал, что где-то сейчас живут, думают и работают тысячи, нет, десятки тысяч человек, чьими служебными обязанностями является обеспечение безопасности их стран. И не ведают, что происходит у меня в квартире.

Только могут улавливать косвенные признаки.

Как с самолетом, и как сегодня утром со спутником телерадиовещания. Тот уже третий час плавает в зеленом мареве по ту сторону экрана. Такой большой и крылатый от солнечных батарей.

Мое радио и телевизор работают. Я проверял. Но это ни о чем не говорит. Я недоумевал только первые минуты, почему так – спутник в компьютере, а связь не пропала. Потом дошло – на мой регион идет трансляция не через космос, а по радиорелейной линии. Так это, кажется, называется. Но ведь не везде так! Куда-то ведь сигнал передавался, и где-то его в данную минуту не хватает. Очень не хватает. И я думаю, что многие головы сейчас стоят на ушах, пытаюсь сообразить, что случилось. Я только не знаю, вернет ли ОН спутник обратно. Думаю, что да. По крайней мере, раньше приборы внутри у НЕГО не работали как надо. Телевизор ОН уже давно вернул. Но это не обязательно.

Он ведь самосовершенствуется!

Мне это надоело, и я устал. Свидание с Ирой и Артемом облегчения не принесло. Ира всплакнула. Она просила сделать хоть что-нибудь и выволить обоих из этой консервной банки:

— Ты же мужчина! Отец семейства! Придумай-хоть-что-нибудь... Пожалуйста...

Не знаю.

Пока ЗЕЛЕНЫЙ БОЛВАН все время оказывался умнее меня и всегда опережал минимум на шаг. ОН и семью отобрал у меня только чтобы шантажировать. И квартиру хочет поменять, чтобы отрезать все мои прошлые связи. Ведь из школы уже приходили и спрашивали про Артема: «Куда пропал мальчик? Почему не ходит в школу?»

Конечно, когда мои в НЕМ, я веду себя как шелковый.

Это внешне. Моих мыслей, надеюсь, ОН еще не научился читать. По крайней мере, фактов, свидетельствующих об обратном, нет. Если бы мог, то зачем надо было печатать на экране книги и общаться через экран?

И вот я думаю – у меня на кухне стоит большой топор с зазубринами на тяжелом лезвии. Настоящий колун. Им я иногда рубил мясо с костями по просьбе жены. И если подойти с ним за спиной к компьютеру, и сделать это незаметно, а

потом со всей силы, быстро и неожиданно, опустить обухом на стеклянный экран, так, чтобы ТОТ не успел отреагировать – не спадет ли наваждение, не рассыплется ли все как карточный домик. Чары исчезнут и все те, кто там внутри, окажутся здесь, снаружи. Ведь в сказках случалось подобное много раз. Придут, допустим, лесорубы, разрежут брюхо волку, а оттуда выйдут, целыми и невредимыми, бабушка и Красная Шапочка.

По крайней мере, я очень сильно на это надеюсь. Очень, очень!

Ведь, то, что произошло, тоже сказка. Только очень злая и пока без конца.

В любом случае надо принимать решение. Так дальше

нельзя!

И вот я сижу и думаю, а на дисплее, тем временем, плывет, вращаясь, спутник. И мне порой мерещится, что я вижу в бликах на его поверхности отражение земного шара. Нашего земного шара.

Или мне это только кажется?

Или это только ПОКА КАЖЕТСЯ?

Я СЧИТАЮ

Моим друзьям и коллегам
с улыбкой посвящается

Вот он, автоматический выключатель под замену в электрощитовой. Именно он сработал, сгорел из-за перегрузки, на что защита по максимуму и рассчитана. По залу ходят покупатели, магазин работает, и где-то на выходе из помещения щелкают кассы. Вот как их отключишь? А поменять надо только один автомат, тот, на котором висит склад. Поэтому аккуратненько, под напряжением, начинаю освобождать устройство. Я смогу. Главное, чтобы руки не дрожали. Марка автомата Щит-9, то есть рассчитано на ток в 9 ампер. Но я осторожненько.

Отверткой поправляю контакты, но жало отвертки мешает и приходится аккуратно пальчиком... вот так ...

Ой... БАХ!!!

* * *

Я считаю!!!

* * *

На двери две таблички. На большой написано «Кафедра высшей математики», чуть выше – в ромбике, цифры, номер помещения. Главное туда не смотреть, но глаза невольно выхватывают первую цифру «3», и у меня начинают дрожать руки и чуть двоиться в глазах.

Взгляд вниз, и я решительно хватаюсь за спасительную ручку и открываю дверь преподавательской.

— Здравствуйте! А Александр Михайлович есть?

В помещении несколько женщин, наверное, это преподаватели, но все мне незнакомы.

Сухонькая старушка как раз стоит недалеко и развернута в мою сторону. Она отрывает голову от небольшой тетрадки:

— А в кабинете смотрели?

Сердце на мгновение замирает и запускается снова:

— В каком?

Меня окинули оценивающим взглядом:

— Вы заочник? Загляните в аудиторию напротив своего деканата, дверь номер 321.

Повторный запуск сердца. Может это и не так, но все до предела обостренные чувства сигнализируют именно об этом. Может, я просто мнительный?

Иду по коридору и краем глаза пытаюсь сориентироваться в номерах кабинетов. Взгляд не фиксирую, иначе начинают дрожать все фибры души, руки и двоиться-троиться в глазах, а следом появляются белые мушки.

Чтобы стало легче, не смотрю на первые цифры, а только на последнюю. Тут четная сторона, вижу «6», и тут же совсем рядышком дверь с последней цифрой «8». Инстинктивно сунул руку в карман, достал свежий сочник, припасенный на обед, и стал меланхолично жевать, это сильно отвлекает.

Также жуя, останавливаюсь в нерешительности и рассматриваю коридорную плитку, устилающую пол.

Непонятно куда идти. Перевожу взгляд на противоположную сторону коридора. Мельком выхватываю ближайший номер, и тут же отвожу взгляд – «319». Значит, я где-то рядом.

Преодолеваю легкое головокружение и двигаюсь вперед, дожевывая остатки сочника.

Следующая дверь ... «321». Угадал.

Ниже надпись: «Доктор ф.-м.н., профессор Гальмак Александр Михайлович».

По затылку и далее по шее мерзко ползет капля пота.

Внезапный щелчок в голове: «Три, два, один, ...АМ».

Цифры и буквы сложились.

«АМ, АМ, АМ ...»

«Щелк. Щелк. Щелк».

Щелк зубами...

* * *

Из темноты выступают цифры и буквы. Они разные, но там есть Щит и есть 9. В остальном пока путаюсь. Вокруг не отфильтрованная масса, которая давит на меня со всех сторон. Она выступает из темной дымки, в которой теряется все, масса живет и шевелится как змеиное гнездо, заполненное до краев в брачный период. Спорадически выступают края каких-то цифр и букв. Они разной степени окраски, но преобладают более темные цвета. Правда, в глубине иногда проявляются яркие всполохи, как вспышки на солнце. Протуберанцы из букв, цифр и цвета пытаются вырваться из общей массы, но тут же втягиваются обратно. Иногда нехотя и медленно, но порой это возвращение имеет взрывной характер.

Хлоп. И масса поглощает свои порождения. Буквально всасывает на космических скоростях

Как ни странно – мне туда. Сквозь эти мерцания, всплески и шевеления.

Там свобода. И там я, в том смысле, что там обретения моего настоящего Я, себя. При этом случайные и

мимолетные касания этой жуткой смеси вызывает то обжигающий холод, то, наоборот, в месте касания разгорается жар, и тоже обжигающий. А то происходит всплеск на эмоциональном уровне – не то смеюсь, не то плачу, а чаще хочется что-нибудь отчебучить, вплоть до мордобития неизвестно кого.

Раздражение накатывает.

От окружающей смеси меня защищает лента, проходящая через всю грудь. Она из тех самых букв и цифр – Щит-9. Лента не допускает никаких контактов, за исключением неосторожных и кратковременных касаний.

И я совсем как Кай, получивший задание от Снежной Королевы сложить из четырех известных букв слово «СЧАСТЬЕ».

И всматриваться не могу, точнее достаточно тяжело. Концентрация внимания вызывает сердцебиение, дрожь конечностей и проблемы со зрением. Оно плывет, буквы и цифры расплываются и разъезжаются.

Мне надо прорваться, выстроить код, совсем как ход, который приведет наружу.

Собираюсь с силами и осторожно дотрагиваюсь до ближайшей цифры, и тут же получаю удар током по пальцам.

Блин. Больно же!

И в раздражении даю пинок ногой по шевелящейся массе.

Нога тут же отсушивается, но этого мало, она влипает в окружающую клейкую массу. Меня начинает затягивать. Мельтешащие в куче буквы и цифры с остервенением вгрызаются в плоть ноги.

Я упираюсь. Ничего не помогает. Ногу тянет, руками не дотронуться, по ним бьют вспышки. И тогда я вглядываюсь

во вспыхивающий сумрак.

Мне надо найти выход. Щит-9 меня сюда привел, он же и не дает поглотить этой массе.

Ищу сочетания. Мне нужен код..., мне нужен пароль...

Как нетрудно, но вычленил букву «В». С чмокающим звуком та вышла из общей массы и зависла передо мной.

Тут же попалась на глаза буква «Х», но что-то в ней не так, неправильная она. Какое-то непривычное написание... Конечно, не готика, но мы так не пишем.

На ходу сообразить не могу, но вытаскиваю. Буква должна быть третьей. Но пока нет второй, побудет в запасе.

Буква не подчиняется. Она всплывает сразу за буквой «В», и ярко вспыхивает.

Тут же из живой тьмы нога выбрасывается наружу, а буква «В» мерцает и исчезает, вместе с новой странной буквой.

Вот такой шифр нашел.

Начинаю по новой. Снова ищу букву «В». И опять она достаточно легко зависает передо мной. Дальше все странные буквы и сочетания игнорирую. Чего здесь только нет.

Но мимо... мимо.

Нужна последовательность. Набрать букв в произвольном порядке, а потом сложить нужное, так не получится.

С трудом нахожу, и с не меньшим трудом усилием воли, а не рук, вытаскиваю на обозрение букву «Ы».

Вот теперь можно и поискать «Х».

Взгляду попадается «Ха». Уже научен. Из «Ха» в лучшем случае получу «Ха-Ха».

Представляю, что передо мной гирлянда в виде арки, и нанизываю буквы в нужном порядке. Получаю «ВЫХ»,

выуженная последней из общего месива буква занимает самую верхнюю точку арки.

Осталось всего две позиции. Хватаю ближайший бублик. И пытаюсь продолжить код, и по появившемся гудению, понимаю, что снова будет резонанс, и все исчезнет. Резко отбрасываю от себя, так, как если бы мне обжигало руку, хотя я делаю все только воображением.

Не буква «О», а настоящая граната Ф-1, лимонка.

Что не так? Не понимаю.

Слово другое? А какое надо?

Ворошу окружающее пространство. Таких кругляшей хватает, и они все разные. Я схватил приплюснутый. Вот, это же не буква, это цифра ноль! Перепутал.

Ищу букву. Где хоть что-то, похожее на колобок?

Сразу выкатывается дюжина. Выбираю только одну, кругленькую, она точно буква «О».

А «Д» нет. Не вижу. Обежал взглядом пространство, все равно не вижу. И тогда закрываю глаза, представляю букву «Д», и представляю, как сама, своими короткими ножками, и толстым корпусом, выбирается, расталкивая все препятствия.

Открываю глаза. Вот она буква «Д», на своем законном месте, замыкает арку.

Читаю волшебное слово целиком «ВЫХОД».

И ничего!

Но законченная надпись висит надо мной красивой подсвеченной полудугой. И не исчезает.

Поправляю на груди ленту с надписью, загнавшей меня сюда: «Щит-9». И приходит понимание – цифры нужны. И сразу вспоминаю цифру «0», притворившуюся буквой «О».

И тогда решительно, помогая себе взмахом рук, запускаю найденный ноль «0» внутрь арки.

И арка вспыхивает. А внутри появляется ход. Ход, это и есть мой код выхода. Это и есть свет в конце туннеля.

И я делаю шаг под арку...

И выпадаю в реальность.

По глазам бьет свет из окна.

Вырвался из царства букв и цифр. Я снова здесь.

То, что увидел и почувствовал, мне жутко не понравилось. На моей груди две давящие женские ладошки ... и кхе..хе..хе. Дыхание рот в рот, я, видимо, пропустил.

Неужели так серьезно? Я фокусируюсь, на ладошках, поднимаю глаза выше на владелицу и узнаю нашу новенькую продавщицу. А еще ее не хотели принимать на работу – мол, не профильное образование, всего лишь закончила медицинское, а не торговое, училище.

Опять откашливаюсь и поворачиваюсь набок. Пальцы дрожат, в глазах дымка с растворяющейся в ней надписью ЩИТ-9. По мере исчезновения также медленно уходит и тремор. Мне уже значительно легче.

* * *

Прямо перед автобусной остановкой расположена стоянка автомобилей. Точнее, даже две. И они разделены двумя небольшими газонами, кустами, невысокими кленами и пешеходной дорожкой. А вот заезды на эти площадки находятся с противоположных сторон по отношению друг к другу. И чтобы попасть в университет с этой остановки можно или пройти совсем рядом с одной из парковок, или пересечь по диагонали обе, смотря в какой корпус направляешься.

Я останавливаюсь рядом с остановкой, чтобы немного прийти в себя после автобуса. Током ударило утром, когда мимоходом заскочил на работу и попытался влезть в электрощит, и меня до сих пор не отпустило.

Так-то я на сессии. И в щит полез по своей инициативе.

Что-то остаточное после удара точно еще есть.

С того электроудара со мной творится непонятное. Если начинаю внимательно всматриваться в различные надписи, внутри организма тихонько пощелкивает, и чем более внимательно смотрю, тем больше меня при этом мутит, вплоть до рвотного рефлекса. Настоящая аллергия на буквы и цифры, и прежде всего, когда в надписях есть и то и другое. Не все надписи так действуют, только некоторые, но мне хватает и этого. И пока не могу понять, по каким признакам одни сочетания букв и цифр вгрызаются в мозг, а другие просто игнорируются.

Я тронулся по диагонали стоянок. Так проще добраться до нужного корпуса. Протискиваюсь между машинами: серым «Рено» и серебристым «Опелем».

Глаза выхватывают из номера сочетание 1375 IM. Это у машины слева, а у правой 3021 AV. Легко прохожу мимо. И упираюсь в белую мечту.

Летящая, белоснежная, устремленная вперед, с ощущением стремительности, несмотря на то, что автомобиль на стоянке в неподвижности. Удлиненный капот, аэродинамичный салон, и стекающий назад, как жидкая капля металла, кузов.

И надпись по борту «Jaguar».

Глаза автоматически опускаются на номер. И цифры «...1111...».

И в голове рождается ассоциация: «ЯГУАР», и четыре лапы: 1, 1, 1, 1.

Над машиной дрожит воздух, медленно изменяются очертания. Вперед вместо капота выплывает морда

ЗВЕРЯ.

Я дрожу, и пытаюсь отвернуть взгляд от машины. И также дрожит образ ягуара, который тоже пытается

вырваться из плена. Ягуар рвется отлипнуть, оторваться от белоснежного корпуса, и черные колеса при этом с небольшим потрескиванием меняют свою круглую форму на очертания лап.

На номере перед и после цифр какие-то буквы, но они мне не даются. Глаза выхватывают только «1, 1, 1, 1», и краем глаза, где-то на периферии, оплывание черных колес под белоснежным корпусом.

Меня трясет. Цифры и буквы, буквы и цифры, их сочетание.

Машина начинает заводиться, а я слышу рык ягуара, но скорее наоборот, рык зверя переходит эхом в рычание мотора под капотом. Поэтому звуки приглушены, но сопровождаются небольшим эхом и кажутся жуткими, грозными и даже угрожающими.

«Один плюс один, плюс один и плюс один, четыре. Четыре одной цифрой, а не четыре отдельными гибкими мохнатыми лапами. Мое спасительное число «четыре».

Потихоньку отпускает.

Там нет лап, твержу себе, отводя глаза, только заостренные кверху палки в виде цифр. Они означают только цифры, только цифры, только цифры...

Боковым зрением наблюдаю лишь стоящую неподвижно белую машину марки «Jaguar» за безумно большие деньги.

И она еще рычит на меня...!

И я снова слышу посторонние звуки. Оказывается, это хриплю я сам.

Опираюсь на стоящий рядом Опель. Возле стоянки тишина и покой. Возможно, мне привиделось, разыгралось воображение. И я еще не отошел от утреннего удара током.

Остановка в десятке метров от меня, и некоторые люди, ожидающие транспорт, в недоумении косятся в мою сторону.

Значит, все привиделось.

И мой путь продолжается. Я осторожно взглядом обшариваю встречающиеся на пути машины.

И ничего не могу поделать.

Я считаю.

Считаю буквы, их количество, сочетание, общую цифровую форму. Цифры на номерах, по отдельности, и возможные сочетания, а также полное число.

В голове набатом гудит надпись «Щит-9», не дающая расслабиться. Буквы и цифры и их суммы. Совсем как в нумерологии.

Пять шагов по площадке. И стою. Машина W, а значит передо мною «Фольксваген». У этого немца российские номера, что меня и напрягло. «Х302АМ», 51 российский регион.

И ничего не происходит.

Чтобы проверить свою теорию, кошусь на остановку, но смотрю на номер.

Я считаю...

«302 ХАМ» и тишина. «ХАМ 302» – ничего. «ХАМ 3+0+2=5» – результатов нет. «ХАМ 3+0+2+(5+1)=2» – почему-то складываю по законам нумерологии.

Машина в хама не превращается, и никакой отдельный хам не идет со стороны остановки. Водители-хамы тоже отсутствуют.

А полная двойка, где-то отдалено в голове щелкает, это символ гармонии и постоянства. Это тактичность и дипломатия. И тут же ХАМ. Кто пересилит, если в этом есть придуманный мной смысл?

Так что этот номер ничего не доказывает.

На остановке спокойствие. Люди ведут себя как обычные пассажиры – от площадки отходит автобус, и тут же за ним полупустой троллейбус. На меня не обращают внимание.

Постоял, подумал, еще раз посчитал.

Не придя к каким-либо выводам, двигаюсь дальше по диагонали.

Опять наши иностранцы. Уже с интересом глянул на желтого жука, а российский номер складывается в «ОНА 333...».

В голове зашумело и перестроилось: «ОНА триста тридцать три». Вокруг бухнул выстрел: триста тридцать три – так теперь командуют «Выстрел» в артиллерии.

Желтый жук поплыл. Два фонаря выдвинулись вперед и как у Венеры Милосской стали оформляться в грудную часть женской фигуры.

Выпирающие задние крылья машины тут же плавно перетекают в крутые бедра.

Руки, ноги – пока это не существенно. Все же Венера, да еще Милосская. Это ОНА.

На месте желтого Фольксвагена-жука формируется гигантская фигура классической Венеры, такая, какую нам показывают в музеях.

И еще щелчок в голове. Я понимаю, что мой счет все еще продолжается. Фигура не закончена, хотя уже как минимум на метр возвышается над машинами.

Со стороны остановки раздаются крики. Но судя по эмоциям, это пока еще удивление.

Желтая Венера автомобильного цвета неуверенно шагнула вперед, немного покачиваясь. Оголенные ноги были, а руки отсутствовали, от того баланс давался с трудом.

А шагнула она ко мне.

Я в ступоре все также продолжал счет: «ОНА триста тридцать три...». Выстрел, выстрел, выстрел.

Фигура окончательно оформилась. Счет в голове лопнул со звуком вылетающей из бутылки шампанского

пробки.

Меня как что-то отпустило, и я непроизвольно подскочил на месте, и инстинктивно рванул в сторону за ближайшую машину.

Венера, слепо поведя желтыми мраморными глазами, шагнула к машине, и тут же уткнулась в дверь салона. Еще несколько инстинктивных попыток, которые ни к чему не привели, а только дали мне время заскочить за следующий автомобиль.

Фигура в раздражении пнула ногой по препятствию, а потом приложила со всей силы. Заскрежетал металл. Корпус машины с раздирающим звуком врезался в соседнюю машину. Меня отбросило в сторону.

От остановки вновь слышались вскрики. Уже ужаса.

Я на четвереньках рванул в глубину площадки, сдирая по дороге об асфальт локти, ладони и колени.

В спину чем-то не сильно приложило, а над головой раздался звон битого стекла.

Счета уже не было, но голова все еще гудела, а может это звучало эхо от звукового удара.

Перебирая конечностями, я уткнулся головой в колесо. На краю стоянки возле автобусной остановки оживший древний кошмар что-то неистово уничтожал. Периодически над машинами пролетали куски автомобилей, гудя как шрапнель, пробивая и калеча автомобили, а, возможно, и людей.

И все перекрывал звук сигнализации. Та взбесилась. Со всех сторон неслись визги автоматики. Из-за этого сразу же потерялась ориентация – что и где происходило, по звуку стало невозможно определить. Какофония царила среди машин, звук бил со всех сторон.

Снова стукнулся головой обо что-то угловатое. Поднял глаза, новый автомобильный номер.

Я был настолько обалдевшим, что совсем не понял ни

цифр, ни букв.

Ну и хорошо. В голове все также пусто, и счетчик не включается.

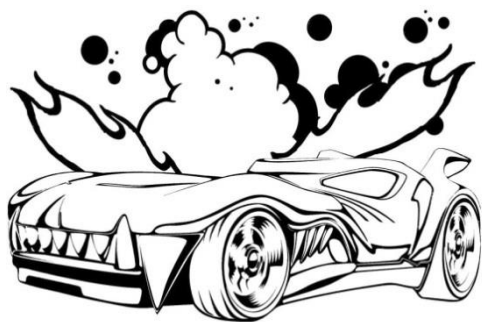
Рву дальше, на выход с площадки.

Вываливаюсь на траву и тут же заползаю за кусты.

Нечто, порожденное моей фантазией, все еще неистовствует на другой стороне стоянки. А я лишь шел, чтобы договориться в университете о сдаче зачета.

Над кустами пыхнуло. И тут же сверху потянуло черным дымком.

Я осторожно приподнял голову над кустами, чтобы взглянуть хотя бы одним глазком. Начинала разгораться зеленная машина. Пламя только-только потянулось вверх.

С моего места видно лишь по верхам. Но точно понятно, что там, где пламя, там же и Венера. Та двигается, дергается, что-то пытается делать, но так как рук у нее нет, то активно отбросить пламя вместе с автомобилем ей

не удастся.

И еще – она застряла в машине. Не то, чтобы они стали единым целым, но я вижу, как Венера смещается в сторону, и за ней тащится красная «Лада». И уже появляются люди.

Вот и первый огнетушитель. Под визг сигнализации ожившая скульптура окутывается барашками пены из углекислого газа. Ее поливают широкой струей уже из нескольких мест.

Белая шапка шевелится, двигается, замедления особо не видно, а если оно и есть, то только из-за машин, которые блокируют движение. Гора из пены пытается сместиться, но в целом у нее ничего не получается. Самой Венеры уже не видно, совсем.

Мелькают спины людей.

И вдруг хлопок, перекрывающий вой сирен.

И шапка мгновенно оседает бесформенной кучей. И в ней прекращается движение, только волны белой пены кучерявятся под действием все еще выкидываемых струй из огнетушителей.

Живой мрамор разорвало на мелкие кусочки. Я лишь успел снова юркнуть в кусты. Сверху сыпануло сбитой листвой.

На площадке громко кричали, над самым местом аварии зависли остатки черного дыма. Все также захлебывались сирены.

Надеюсь, все обошлось, и люди не пострадали. Но я смалодушничал – возвращаться на площадку было выше моих сил. Произошло непонятное, и оно могло повториться.

Еще на четвереньках, но уже более осознанно, через еще один ряд кустов, я перебрался на вторую стоянку. Поднялся, и, стараясь не смотреть на машины, двинулся через площадку в обход второго корпуса, к входу, который был с другой стороны шестиэтажного здания.

На номера не то, чтобы не смотрел специально, я про это просто забыл.

В вестибюле корпуса № 2 было тихо. Я еще постоял минут пять, приходя в себя, и наслаждаясь тишиной и спокойствием. Правда, в отдалении фоном угадывались звуки автомобильной сигнализации, а, возможно, и какие-то дополнительные шумы, и то, если прислушиваться, зная, что ты хочешь услышать. Но подозреваю – на эту сторону добиралось только ослабленное эхо, отраженное от зданий, выстроившихся вдоль проспекта.

Сам проспект Шмидта построен на месте района «Семь ветров», а может такое название он получил уже после, но суть одна и та же. Длинный, на много километров, со стоящими вдоль него высотными многоподъездными

домами, проспект представлял собой аэродинамическую трубу. И в нее сейчас засасывало все звуки, а нам доставалась лишь малая толика. Хорошо, что проспект поглощал, а не работал как усилитель.

Первым делом мне надо на кафедру высшей математики. Это другой корпус, но можно наружу не выходить, так как между зданиями есть переход по второму этажу.

Мне туда.

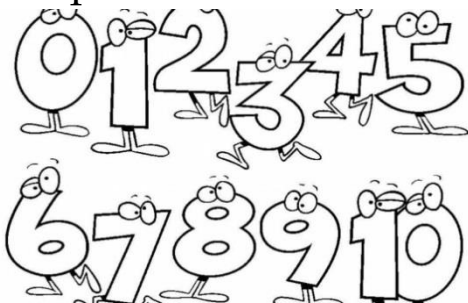
* * *

«Три, два, один, ...АМ».

«АМ, АМ, АМ ...»

Я еще приходил в себя. Цифры кабинета Гальмака сделали финт прямо передо мной, со щелчком в голове, разворачиваясь в воздухе в полноценные образы, и одна за другой вывалились 3, 2 и 1, пока в голове звучало три раза АМ, АМ, АМ ...

Единица тут же проворно щелкнула зубами через свое плечо в мою сторону «АМ». Она уже не была привычной цифрой, напоминая ту, лишь удлинненной формой с острым концом. Это была помесь таксы и крокодила. Длиннющее тело на четырех мощных лапах заканчивалось крокодильей пастью с внушительным частokoлом зубов. А сверху не до конца прилизанные ушки – все, что осталось от верхней части единицы.

Она тут же затопала лапами по плитке, крутя мордой по сторонам, вынюхивая и сипло дыша.

Я оказался позади нее.

А вот двойка превратилась в коброобразную зверюгу, выше меня минимум на голову, выгнувшуюся наподобие своей двойкообразной формы. Тело ни с чем нельзя была спутать – все обводы двойки

сохранились один в один, только приобрели живую хищную сущность.

Голова цифры крутнулась несколько раз по сторонам, обратилась в сторону потолка и зашипела на весь коридор...

А за ними, с другой стороны от меня уже сучила всеми восемью лапами тройка.

Я икнул.

Тройка с легкостью стала паукообразным монстром, превратившись не то в катамаран, не то в тримаран из звериной плоти. От круглых обводов с обеих сторон выступало по две пары конечностей. А брюшко посередине фактически волочилось по полу, и могло быть дополнительной опорой.

«Глаз...», — отстранено я понимал, что счетчик уже не тикает, и складывать цифры могу без последствий. Глаз тоже было четыре пары, восемь штук. По две пары с каждой стороны в верхней части корпуса. Они посверкивали как маячки, и крутились в разные стороны.

Феерическое зрелище.

Монстр из тройки был мне по пояс, и он еще не пришел в себя, но уже в нетерпении стучал своими копытами прямо под родной дверью в кабинет заведующего.

Вблизи взвизгнули. И вдогонку просто завизжали на разные голоса.

Я пятился, пятился и пятился, пользуясь моментом, пока на меня не обращали внимания.

А потом я побежал...

Мы были недалеко от середины коридора, метрах в восьми находился проход на лестницу, связывающую все этажи. Наверное, хотя бы в этом мне крупно повезло. Я отдавал себе отчет, что бегом мог только привлечь дополнительное внимание.

Сзади затопало.

Я влетел в дверной проем, чудом затормозив на площадке, и метнулся вправо, туда, где лестница вела на верхний этаж.

Я только успел сдвинуться, как за спиной грохнуло, а по голове мелко застучали осколки.

Только и успел пригнуться, но тут же слева мелькнул темный силуэт, а по спине сильно ударило, и меня бросило на ближайшие ступеньки.

Снизу был слышен визг пилы, застревающей в дереве, что-то протащилося по ступенькам, потом снова грохнуло, и раздался звон разбиваемого стекла между вторым и третьим этажами.

Краем глаза я все же что-то заметил – удлиненное и быстрое тело порскнуло вниз. Никак единица пролетела по ступенькам как реактивный снаряд.

С волос сыпалось, аккуратно провел рукой по затылку. Там были мелкие осколки стекла.

Осторожно глянул назад, в коридор. Стеклянная дверь полностью вынесена, стекло рассыпалось по всей лестнице, попало и на меня. А потом в спину прилетело остатками двери, хорошо, что по касательной.

Все же это была единица. На площадке ниже часть стены из кирпича под большим окном обзавелась круглым отверстием. Стекло сверху него разлетелось, но форма дырки подходила только удлиненной в виде крокодила единице.

Со двора донеслись возгласы. Они звучали неразборчиво, так как шум в коридоре не только не стихал, а, наоборот, все более усиливался.

Где-то громко хлопнула дверь. И снова раздался крик удивления.

Из проема заполошно с визгом выскочила группа студенток. Тут же одна из них больно влетела мне в спину, а остальные сыпанули вниз, не обращая внимания на

выбитое стекло.

Я опять уткнулся лицом в ступеньки, барахтаясь и пытаюсь выбраться из-под придавившего тела. А потом рывком приподнял себя на руках и дернулся вверх, девчонка скатилась с плеч, стало легче.

События происходили на таких скоростях, что я ничего не успевал осмысливать, все реакции только на рефлексх.

Опять бухнуло – не то снаряд разорвался, не то дверь хлопнула об пол в коридоре. А в этом дурдоме нельзя отбрасывать любой из вариантов.

Осторожно двигаясь по ступенькам, скользнул вниз по лестнице в сторону второго этажа, опираясь на перила.

И тут я сделал ошибку.

Я выглянул в выбитое окно, посмотреть, что там, на хоздворе.

А там была беснующая единица. И в этот момент она задрала морду кверху и поймала мой взгляд.

Все тело приморозило.

Раздался вой. Он просто кромсал все мое естество, и пилил мозг.

Я отшатнулся, но еще успел заметить бросок единицы в сторону стены, а потом услышал шлепок. И за окном ритмично заскрежетало. Перед внутренним взором ярко встала картина, как лапы существа вонзаются в кладку, и оно шлепает в мою сторону по вертикали как по горизонтальному полу.

Снова вниз с возрастающей скоростью и нырок в сумрачную глубину второго этажа. Сразу направо и тут же попытался юркнуть в ближайшую приоткрывающуюся дверь, мимо какого-то человека.

Кто-то ахнул «Петрович...!», а с двери зашипело: «...ссссектор», и через меня прошла легкая волна чего-то невидимого, но осязаемого, в сторону перехода, откуда я вылетел.

Еще в воздухе я смог развернуться в обратную сторону от выходящего мужчины, краем глаза зацепиться за надпись на двери «Научно исследовательский сектор», приземлиться пятками вперед, умудрившись никого не сбить, инстинктивно оттолкнуться спиной от выходящего человека и без заминки рвануть в обратную сторону.

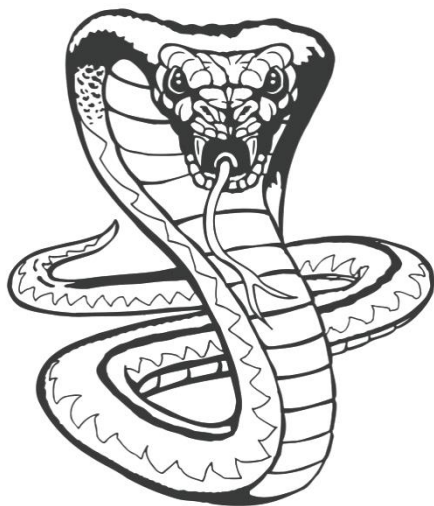
Нужно налево, в переход между корпусами, откуда и пришел сегодня!

За спиной заскрежетало.

Я наддал.

Сзади уже не только единица, скорее всего там еще и мохнатая тройка на восьми лапах. Или шипящая двойка, да и единица, напоминающая крокодила – почему-то они все получились с высокими скороходными качествами. Попробуй, оторвись от таких.

За мной раздавался топот, но я летел в туннель перехода, ни обращая внимание ни на что.

На ступеньках запнулся, дернулся носом вниз, устоял, но пропахал, согнувшись, до самого выхода в вестибюль. И только там оглянулся.

В коридоре и переходе царил паника. Молодежь оказалась шокирована. Несколько группок растеряно вглядывались в полумрак первого корпуса. Света там не было. В районе перехода между этажами угадывалось движение.

Я не мог видеть всего, площадка вестибюля на метр оказалась выше уровня коридора и перехода между корпусами. Верх обрезался проемом двери. Но вдалеке что-то шевелилось, уловил, что в противоположную от меня сторону скользнула двойка. Ее по-змеиному изогнутый

верх был не виден, но гибкое движение хвоста, разлетающиеся в стороны люди – это хорошо угадывалось.

Что-то мелькнуло в стороне, на стенку чем-то попало. Да, с одной стороны на стене определенно что-то было. Блин, да это же тройка. Ей, как и пауку было без разницы по чему перемещаться. В данный момент по вертикальной плоскости, то есть по стенке, удобнее всего. Там ей никто не мешал.

Создавалось впечатление, что цифры разбегались по коридору в разные стороны. Двойка скользила по направлению к кабинету ректора. А тройка перебралась на стену и направлялась ко мне, там, где был просвет в переходе. И, похоже, людей они не трогали. Это паника вносила свои корректировки – кто-то упал, где-то в толпе кричали, другие шарахались, а те, кто успел немного прийти в себя, ошалело рванули в разные стороны, убегая от монстров.

Я наклонился, чтобы лучше видеть происходящее вдалеке.

По-моему, единицы там не было.

Но меня испугало больше всего то, что людей цифры особо не трогали, лишь из-за паники кто-то мог пострадать. Очень похоже, что цифры шли по следу, по моему следу. Не знаю, как – по запаху, звуку, потому, что могут меня видеть, или еще как, по каким-то признакам, но эти ожившие звери шли за мной.

Зачем? Не имею представления.

Тройка, бодро перебирая по стене четырьмя парами конечностей, целеустремленно бежала к переходу. Я видел, что пересекла дверь вычислительного зала с номером 224, но это сочетание оставило меня равнодушным. Внутри ничего не шелохнулось.

Да что же со мной не так?

Я еще заморожено смотрел на студентов и на тройку. В

дверях образовался затор. А на стене жвалами шевелила цифра-паук, приближаясь к проходу.

И она никого не тронула. Как-то крутнулась, перешла на потолок, и тут же начала протискиваться над головами через свободное пространство дверного проема.

Никак идет по следу.

Я не мог оторваться от происходящего.

Вот она вдавилась в переход, выскользнула на мою сторону, сдвинулась влево и частично перетекла на сторону окон, цепляясь как за потолок, так и за окна.

Посыпались стекла. Тройка частично потеряла опору, пару ее лап провалились в оконный проем, а саму цифру мотнуло в направлении к полу, и она чуть не сорвалась.

Нет, все же сорвалась. Паукообразная тройка слетела с потолка, на скорости попыталась уцепиться за стены, а там уже были разбитые окна, и почти вылетела наружу, чудом ухватившись за верх оконного проема. И ее несколько раз мотнуло в виде качелей.

Я с надеждой застыл: «Ну, вылети же наружу...»

Качнулась, движение в мою сторону пока прекратилось.

С огорчением подумалось: «Нет бы превратилась в букву М. Это или вход в метро, или обычный Макдональдс, но не это чудовище».

Тройка скользнула ниже, и я с удивлением заметил тонкие нити, по которым та двигалась.

«Она еще и паутину производит?! Охренеть».

Все бусинки глаз развернулись в мою сторону, и тройка в нетерпении щелкнула всеми своими жвалами.

Я аж подскочил.

Цифра сползла по посверкивающей паутине до

подоконника. Поелозила по нему лапами, и спустилась одной половиной до пола, одновременно цепляясь за окно.

У меня не было выбора. Развернулся и бросился в сторону длинного коридора и далее к туалетам и запасному выходу.

Здесь же на самой площадке делать было нечего. В лифтовые кабинки не попасть, да и в высшей степени опасно. Пока дождешься лифта, тебя сто раз уже схмячат.

А дальше справа находится аппендикс с технологическим деканатом во главе с Машковой. Отсюда выход только в окно со второго этажа.

Слева-сзади, я краем глаза все же фиксировал обстановку, выход на центральную лестницу, сейчас забитую студентами. При этом не все понимали, что происходит. Оттого толчея только усиливалась. Там вряд ли легко прорвешься.

Я влетел в коридор. Не лучший вариант, но есть надежда, что тройка задержится в вестибюле и потеряет мой след.

Здесь были люди. Я заорал:

— Спасайся. Спасайся, — хотя инстинктивно чуть не выдал: «Пожар».

А так рекомендуют делать, если на вас напали. Но это в вечернее время и под окнами горожан. А теперь еще кто-нибудь возьмет и бросится с огнетушителем в поисках пламени и дыма. Хотя огнетушитель не помешает и самому.

Справа открылась дверь. Номер 214.

Щелкнуло в голове. $2+1+4=7$. Семерка, букв нет.

Табличка есть. Лаборатория имени д.х.н., профессора Геллера Бориса Эммануиловича.

Всплыло про семерку – не то нумерология, не то числа Пифагора. Семерка это – уединение, тайна, знания, священное число.

Фоном мелькнуло, что и, слава богу, дрожи нет, меня не колбасит, цифра, со своим нумерологическим смыслом, пролетела мимо сознания.

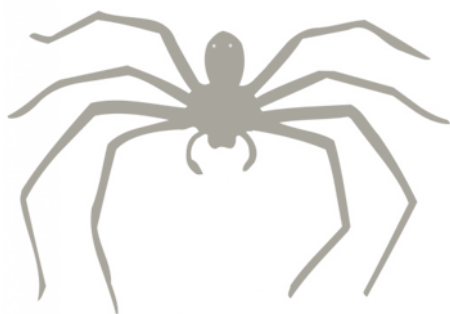
Но на двери висело еще и большое объявление. Я произвольно задержал на нем взгляд. На текст не обратил внимания, но вот подпись сразу врезалась в память: «Зав. кафедрой Щербина А.Л.».

Уф, никаких сочетаний. Ни по буквам, ни по цифрам. В голове тишина.

Уже в конце коридора я услышал шум за спиной, который, по ощущениям, вырывался не из вестибюля, а возник уже здесь.

Взгляд на бегу через плечо.

Да она же идет по моему следу!

Тройка-паук уже была в дверном проеме, на полу, занимая пол коридора. Возможно, цифра уже немного подросла, но тут уверенности не было. У страха глаза велики.

Но я уже влетел на площадку запасного выхода, автоматом хлопнул за собой дверь, отсекая коридор мутным почти непрозрачным пластиком.

Инстинктивно рванул с себя рубашку. Во все стороны полетели пуговицы, затрещала ткань. Рывком содрал рубашку и комком бросил вверх, в сторону подъема на верхний этаж.

Пусть будет след. Вдруг эта хищница клюнет на обманку?! А сам рванул вниз, на первый этаж.

В коридоре первого этажа было тихо, верхний шухер сюда еще не дошел, но в стороне центрального входа уже начиналась какая-то суета.

Я рванул к наружной металлической двери в пару метрах от меня.

Закрыто!

Дернулся и повернул в правое ответвление этажа.

Что ошибся с направлением, я уже понял секунд через пять. Соскочив со ступенек, я тут же оказался возле окон, и мгновенно осознал, что все затянуто решетками.

Это же первый этаж!

Уже понимая, как влип, по инерции побежал в темный аппендикс. Коридор заканчивался еще одной металлической дверью, закрывающей выход из корпуса.

Ряд окон занимал примерно треть коридора, а дальше шли лаборатории, с небольшими разрывами в виде окон, также затянутыми решетками со стороны улицы.

И я остановился, переводя дыхание. Дальний выход терялся в полумраке.

Я дернул ручку ближайшей двери. 128 аудитория. Закрыто.

Напротив 135. Тоже закрыто.

Еще пару дверей дальше. Все закрыто. Да, если это аудитории и сейчас занятий нет, то так и должно быть.

А потом добрался до конца коридора.

Большая, почти черная металлическая дверь оказалась тоже закрытой наглухо. Сам коридор как вымер. Только теперь зафиксировалось, что кроме меня, тут больше никого нет. Крыло пустое.

Рядом обнаружил дверь. Надпись гласила «Доцент, к.т.н. Смагин Денис Алексеевич», аудитория номер «134».

Я устало моргнул. В голове загудело.

Автоматически щелкнуло: «1+3+4=8».

Тут же всплыло: «8 – боевитость, вспыльчивость, преданность делу, честолюбие, решительность». Все по славному Пифагору.

Щелк.

* * *

Я считаю!!!

* * *

«Восемь, СД...», я запнулся: «СДА», полегчало, и тут же в голове прояснилось: «СД восемь».

В голове синхронно зазвучало: «Щит-9 – СД-8; Щит-9 – СД-8; Щит-9 – СД-8...»

Коридор закружился, в глазах замельтешили мушки, не мушки это, просто гроздь мелких цифр, потекла мимо меня.

«СД». В воздухе, стекая с двери, а точнее с ее табличек, медленно начала материализовываться красная нарукавная повязка с фашисткой символикой. Как в кристаллографии – именно ткань была центром роста, появилась первой, не быстро, но и не медленно. От нее пошли линии, прорисовывался рукав, локоть, плечо. Внезапно из небытия выплыла рука, а в ней рукоять автомата. Это была только часть оружия, но я тут же узнал модель – МП40. Шмайсер, вроде. И часть ремня, которая тянулась вверх, к плечу.

Появился черный галстук на белой рубашке.

Я замер, сам пораженный такими ассоциациями.

Фигура все больше и быстрее отплывала от двери, материализовываясь.

Я тупо зашептал мантру: «Не СД, а СДА, СДА, СДА... и вообще, Денис Алексеевич, Денис Алексеевич, Денис Алексеевич...»

Я произносил не ЭСДЭ, а СДА, так, как и пишут, без всяких привычных Э.

Проявляющийся силуэт замер. Я продолжил мантру: «Денис Алексеевич..., СДА, СДА, Денис Алексеевич».

То, что пыталось проявиться, перешло в осязаемый туман, пока не теряя человеческие очертания.

«Н-е-е-е-т!»

Я в отчаянии сильно ударил открытой ладонью в дверь:
– Да исчезни ты, наконец!

Рука легко прошла через повязку и мундир. И правда, туман. Рука только похолодела. Ощущения оказались не совсем приятными – не туман это, а что-то склизкое.

Все атрибуты германской Службы Безопасности уже почти растворились в воздухе.

Я облегченно выдохнул. Глаза щипал соленый пот. Счетчик в голове затихал.

В начале коридора что-то зашумело. По звуку это сильно стукнули в двери, задребезжало стекло.

Я испуганно оглянулся.

Еще стукнуло, в коридор посыпалось стекло со стороны запасного выхода.

Кто-то ломился со второго этажа.

Дверь, передо мной была дверь, и я, не соображая, дернул ручку на себя, закрыто. Заполошно огляделся по сторонам.

Это капкан, в который загнал сам себя.

В отчаянии задергал двери, пытаюсь открыть. Еще рывок. Она не была капитальной. И, вообще, только теперь сообразил, что передо мной пристройка со стенами в полкирпича. А дверь фанерная, не металлическая. И замок простенький, и по виду несерьезный.

Я всем корпусом налег на дверь, и стал дергать ее во всех направлениях, а потом с разгона ударил всем корпусом. Затрещала дверная коробка.

Я приналег.

Удар, еще удар, сильный удар, так что и в плече затрещало. Рывок двери на себя, на себя, рука в порядке. Опять удар.

Треснула коробка в районе замка.

Я ударил ногой. Еще. Полетели щепки.

Еще!

Дверь хоть и таким варварским способом, но открылась.

Забираясь в комнату, бросил взгляд в сторону запасного

выхода. Похоже, не один я застрял, и все это время промучился с дверью. Тройка в виде паука сейчас перебиралась на площадку, и на ней висли остатки двери в виде ожерелья. И цифровой монстр все еще боролся с нею.

В комнате обнаружилось одно окно. Большое, на весь торец помещения, другие выходы отсутствовали. И это окно, как и все остальные в коридоре, оказалось затянутым с улицы решеткой.

Надо взламывать.

Взгляд оббежал небольшое помещение и зацепился за вешалку. Это была высокая труба с тремя ножками внизу и крюками вверху для различной одежды. И на них висел единственный халат черного цвета.

Вначале я схватил компьютерный стул и со всей силы запустил в окно. Мало. Здесь стоял стеклопакет, и разбить с первого раза не получилось.

Следующим пошел компьютер. Мне повезло, что это оказалась древняя модель, еще электронно-лучевая трубка. Тяжелая и неудобная, но я закрутил корпусом, как при метании ядра, а потом отпустил.

Грохот в маленьком помещении немного оглушил.

А потом вешалкой почистил оконный проем от стеклянных осколков.

А решетку пришлось расшатывать и выламывать вешалкой как ломом. В окончание я еще саданул ногой через подоконник по угловой части решетки.

Крепко зараза держится. Если бы не рычаг, однозначно не справился. Итак, оторвал от крепления только один из углов, на который навалился всем телом, выгибая наружу. Что творилось в коридоре, не слышал из-за окружающего грохота.

Мелькнула мысль, а если бы успел вылезти из двери этот сдэшник со шмайсером, а на него наткнулась бы тройка, может, это и было бы решением всех проблем.

Пусть бы между собой разбирались.

Решетка с трудом, но выпустила меня наружу. За это пришлось заплатить порванной во всю спину майкой.

Я, чумазый и в рванье, перевалил через подоконник и как смог вытек на асфальт головой вниз, при этом чуть ее не разбив.

И затих, привалившись спиной к невысокому цоколю.

В коридоре шумело, даже отсюда я слышал движение тройки с нанизанной на себя половиной двери.

Посидев и глубоко вздохнув пару раз, встал на четвереньки и пополз за угол. Благо до него оказалось рукой подать.

Вывалился и снова уселся на асфальте спиной к зданию. Сил не было, ни моральных, ни физических. Надо передохнуть.

И не сразу понял. В голове мыслей не было. Я просто бездумно смотрел на еще одну небольшую стоянку с пятью легковыми автомобилями.

Мимо сознания прошла даже хищная красота ближайшего мерседеса с российскими номерами и аэрографией на капоте. Нечто дьявольское, совсем как живое, с оголенным черепом, и разгорающимися красным, глазами, частично было соткано из черной дымки, а частично существовало целиком.

Оно хищно выползло из автомобиля, подтягиваясь скелетообразной лапой. А номер, я непроизвольно сглотнул, номер был «О666АХ | 67RUS».

«АХ!» В голове щелкнуло. Громко, четко, гулко, набатом колокола, предупреждающего об опасности.

«АХ 666!»

Адское чудище,

талантливо нарисованное совсем как живое, нет, уже живое.

Аэрография выткалась из мерседеса и ...

* * *

«Я считаю!!! АХ 666!»

* * *

Над площадкой полыхнуло адским малиновым свечением, разгорающимся на всю округу. Число дьявола 666 запылало. И с ужасом понял, что за этим отродьем, уже хищно поводящим в стороны светящимися адским пламенем глазами, как из норы в преисподнюю, нарисованную аэрографией на капоте мерса, начинают вытягиваться хищные лапы его собратьев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэра закон // Брасос — Веш. — М.: Советская энциклопедия, 1971. — С.194. — (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969 — 1978, т. 4).
2. Коломийчук Н.Д. Гидрография
Издательство: Главное управление навигации и океанографии МО Место издания: Москва Серия: Учебник для ВУЗов Год: 1988 Страниц: — 366 с.
3. Муранов А. П. Бэра закон // Краткая географическая энциклопедия / гл. ред. А. А. Григорьев. — М.: Советская энциклопедия, 1960. — Т.1: Ааре — Дятьково. — С. 294—295. — 564 с.
4. Сурдин В. Г. Ванна и закон Бэра // Квант. — 2003. — № 3. — С. 12—14.
5. Тарг, С. М. Краткий курс теоретической механики / Тарг С.М. — М. : Высшая школа, 1986. — 416 с.
6. Эйнштейн А. Причины образования извилин в руслах рек и так называемый закон Бэра // Успехи физических наук. — 1956. — Т. LIX. — Вып. 1. — С. 185—188.
7. Бэр К. Почему у наших рек, текущих на север или на юг, правый берег высок, а левый низмен? // Морской сборник. — СПб., 1857. — Т. 27. — Отд. 3. — С. 110—126.
8. Добронравов, В. В. Курс теоретической механики / В. В. Добронравов, Н. Н. Никитин, А. Л. Дворников. — М. : Высшая школа, 1974. — 528 с.
9. Маковецкий П. В. Смотри в корень!: Сборник любопытных задач и Вопросов, 4-е изд., М.: Наука 1979. — 384 с.
10. Дарков, А. В. Сопротивление материалов / А. В. Дарков, Г. С. Шпиро. — М. : Высшая школа, 1975. — 655 с.
11. Конлейн Томас Д. Оружие и техника самурайских воинов. 1200—1877 / Пер. с англ. В. Г. Яковлева. — М.: ООО «АСТ», Астрель, 2010. — 224 с.

12. Курэ М. Самураи. Иллюстрированная история / Пер. с англ. У. Сапциной. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 28.
13. Носов К. С. Вооружение самураев. – М.: ООО «АСТ»; СПб.: ООО «Полигон», 2004. – 256 с.
14. Носов К. С. Самураи: эволюция вооружения. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.: ил. – (Военная история человечества).
15. Тернбулл С. Самураи. Военная история. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 82.
16. Сенчуков Ю.Ю. Да-цзе-шу – искусство пресечения боя – Мн.: «Современное Слово», 1998. – 352 с.
17. Пановко, Я. Г. Устойчивость и колебания упругих систем. Современные концепции, парадоксы и ошибки / Я. Г. Пановко, И. И. Губанова. – М. : Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1979. – 384 с.